

НА БОЕВОМ ПОСТУ

июнь 2001

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Так начиналась война
33 ОБРОН 70 лет
В Грозный, на Минутку
10 дней не вся жизнь,
и все же...
"Власовец"

Кротовый берет берет срочки ордену

Экзамен на право ношения кротового берета — испытание.

Может показаться, даже жестокое. Но в том-то и дело, что, выбрав этот путь осознанно и пройдя его до конца, перешагнув через "не могу", боец становится универсальным солдатом, от которого нередко зависит его жизнь и жизнь его товарищей.

А все эмоции улаживаются в короткую фразу:

— Служу
Отечеству
и спецназу!

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

**Редакционная
коллегия:**

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ГЕРАЩЕНКО В.П. (зам. главного
редактора – ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАРПОВ Б.В.,
КИСЛЫЙ Ю.П., КЛОЧКОВ В.И.,
КУДРЯШОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ПАНЧЕНКОВ В.В., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**
БАННИКОВ А.Ю.
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ЗАВДОВЬЕВ А.И.
ПЕТРОВА Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
фото В.НИКОЛАЙЧУКА

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов

«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал
обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2001

Сдано в набор 16.04.2001
Подписано к печати 25.05.2001
Формат бумаги 84x108 1/16.

Тираж 3700

Печать офсетная. Усл.печ. л. 8,8.

Уч.-изд. л. 14,2. Зак. № 1115

Индекс для индивидуальных
подписчиков — 70610
для предприятий и организаций —
73175

**Ордена «Знак Почета»
типография**
«Красная звезда».

123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Содержание

№ 6 ♦ 2001

Алексей АРБАТОВ: "Решить проблемы людей в погонах, используя все ресурсы"	2
И. БЕЛИКОВ Так началась война.....	5
С. НЕБОРСКИЙ В боях и походах	9
Р. ВИНОГРАДОВ "Я воин — я готов погибнуть в бою"	12
Ю. КОТЕНКО В Грозный, на Минутку	16
С. КОРНЕЕВ 10 дней не вся жизнь, и все же.....	22
Из боя — в бой	25
С. НЕБОРСКИЙ Крещение на войне	27
Назовем поименно	29
И. ШАБАНОВА Вспоминали рядовых пера	30
Б. КАРПОВ "Сегодня я в колонне — первый..."	32
Т. СИБИРЦЕВ Олег Смирнов фотографирует.....	33
М. ЗАХАРОВА "Власовец" (рассказ).	36
Ш. ХУСАИНОВ Борозда от неба до неба... (стихи)	38
И. ЧЕРНЫХ Курьер (роман)	40
Кроссворд	64

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

Адрес редакции: 107120, Москва, Б-120, Сыромятнинский проезд, 8
Телефон для справок: 361-81-71 Тел./факс 917-77-66 E-mail: nbpmvdrf@mtu-net.ru

Заместитель председателя
Комитета Государственной Думы по обороне
Федерального Собрания Российской Федерации
Алексей АРБАТОВ:

"Решить проблемы людей в погонах, используя все ресурсы"

Арбатов Алексей Георгиевич, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по обороне, член фракции общественного объединения "Яблоко".

Родился 17 января 1951 года. Окончил Московский государственный институт международных отношений, специалист по международным отношениям. Доктор исторических наук. Депутат Государственной Думы.

— Уже не является тайной за семью печатями, что предстоящая реорганизация различных силовых ведомств страны лишит работы сотни тысяч военнослужащих и сотрудников спецслужб. Ваше отношение к этой проблеме.

— Я считаю, что в сложившихся условиях Россия не может позволить себе иметь Вооруженные силы более 1 миллиона 200 тысяч военнослужащих и еще 800000 гражданского персонала, равно как и большое количество военнослужащих в других структурах. Это не соответствует ни внешним условиям, ни внутренним экономическим возможностям. Поэтому предпринимать меры, которые иногда называются

"военной реформой" или "реформой Вооруженных сил", для того, чтобы привести нашу армию и флот в соответствие с новыми военными потребностями и изменившимися новыми экономическими возможностями, мы просто обязаны. Одним из направлений этих мер является сокращение численности Вооруженных сил. Конечно, не только в этом состоит военная реформа, но это направление является одной из предпосылок к проведению детальной и продуманной военной реформы. При этом у нас есть "Закон о статусе военнослужащих", по которому увольняемые в запас люди (в зависимости от выслуги лет, звания и должности) должны быть обеспечены опре-

деленными видами денежных выплат и жильем (если такового не имеется). И эту задачу государство обязано выполнить на все 100 процентов. То, что государство до сих пор этого не делало, является, по сути, преступной безответственностью.

— Недавно военные специалисты финансового управления Министерства обороны подсчитали, что сокращение мотострелкового полка по затратам примерно равно его штатному содержанию за 2,5 года, а годовое содержание одного только офицера обходится государственной казне дешевле, чем его увольнение в запас. В связи с этим вам не кажется, что принятый феде-

ральный бюджет на 2001 год расползется по швам еще в первом полугодии и наша страна будет вынуждена пойти с протянутой рукой на всемирную паперть к заокеанским толстосумам?

— Почему вы думаете, что бюджет “расползется”? Во-первых, изначально было запланировано определенное сокращение Вооруженных сил примерно на 90000 человек за нынешний год, и на что выделены соответствующие деньги. Эти суммы включены в бюджет, и они будут выплачены увольняемым в запас военнослужащим. Другой вопрос. Я, например, считаю, что стоимость жилья для увольняемых военных (тех, кто не имеет его, или, увольняясь, обязаны освободить служебную площадь) подсчитана неправильно. И я подавал соответствующие поправки. Они, к великому сожалению, не прошли.

Вот вы говорите, что содержание дешевле сокращения. Это верно. Если бы мы рассчитывали потребности по содержанию нашей армии на 2 или 2,5 года, тогда ничего сокращать не надо. Но мы-то рассчитываем содержать наши Вооруженные силы еще десятилетия. Даже обозримый период, на который сейчас работают представители Министерства обороны, Государственной Думы, все специалисты, занимающиеся этим вопросом, — 15 лет! И совершенно ясно, что если мы эту проблему будем от себя отталкивать, задвигать в долгий ящик, утешая себя тем, что содержать легче, чем сокращать, то в результате ситуация с военной реформой будет только усугубляться. Ведь те военные, которые сейчас служат, в большинстве своем находятся в нищенском положении. 90 тысяч военнослужащих в армии не обеспечены жильем! У офицера

денежное содержание в 2,5 раза меньше содержания государственного служащего... Это нормальное положение? Мы якобы не сокращаем армию, и деньги экономятся. Но это заблуждение. Экономим, по сути, на этих же офицерах. Если бы государство обеспечивало своих защитников на человеческом уровне, то сокращение численности Вооруженных сил не было бы дороже, чем их содержание.

Не устану повторять, что все увольняемые в запас военнослужащие должны быть обеспечены по закону всем, что им положено, включая жилье. На что должны выделяться деньги не в военном бюджете, а отдельной статьей. Вот мы, депутаты, в частности и ваш покорный слуга, добились того, что в этом году статья “Военная реформа” была выделена из бюджета Министерства обороны и сделана совершенно отдельным разделом. Это нужно было для того, чтобы не за счет тех, кто остается служить, обеспечивать всем необходимым увольняющихся в запас офицеров, а за счет всего федерального бюджета. Над принятием положительного решения по озвученному вопросу пришлось Комитету Государственной Думы России по обороне потрудиться основательно.

Я знаю, что любое сокращение в войсках крайне болезненно, крайне непопулярная мера, но мы вынуждены на нее идти. Даже если мы увеличим военный бюджет до 3,5 процента валового внутреннего продукта — на 70 миллиардов рублей, то все равно офицеры будут жить в нищенских условиях, все равно вооружение и техника будут поступать штучными экземплярами (армия будет детехнизироваться), и у нас будут разваливаться и Стратегические ядерные силы и Силы общего назначения. Поэтому мы

вынуждены идти по двум параллельным дорогам: с одной стороны — сокращать численность Вооруженных сил, обеспечивая увольняемых людей в погонах всем тем, что положено им по закону, с другой стороны — увеличивать военный бюджет, создавая таким образом возможность для улучшения качества всех сторон жизнедеятельности войск, начиная от обеспечения жильем тех, кто служит, и заканчивая поставкой новых видов техники и вооружений в различные силовые ведомства.

— В течение последнего времени Совет безопасности Российской Федерации несколько раз обращался к теме военной реформы. Почему же до сих пор не поставлена твердая и окончательная точка в этом поистине важнейшем для нашей страны вопросе? Что этому мешают? Не считаете ли вы, что некоторым высокопоставленным военным чиновникам тяжело расставаться с десятками генеральских должностей и терять при этом такие нужные для них жизненные блага и привилегии и поэтому они, используя свои связи в Кремле, пытаются тянуть вольную?

— Я бы сформулировал ваш вопрос более общо. Любая организация, тем более такая мощная, как, к примеру, Министерство обороны, будет противодействовать своему сокращению. Вооруженные силы сокращаться не хотят, они хотят, наоборот, расширяться и увеличиваться. Эти реалии военной реформы совершенно неизбежны. Поэтому рассчитывать, что то же Министерство обороны само предложит план своего реформирования, было бы наивно. Реформирование военной машины должно происходить сверху, но при этом нельзя рубить направо

и налево топором, как делал в свое время с военными, скажем, Никита Сергеевич Хрущев. Нужно максимально учитывать мнения тех, кого эта реформа затрагивает, имея при этом свою главную цель — приведение Вооруженных сил в соответствие с новыми потребностями и с изменившимися ресурсами. Реформированием сверху должны заниматься Совет безопасности и сам президент. Почему же до сих пор, как вы говорите, не поставлена точка? Наша новая администрация, новый президент стоят еще на распутье. С другой стороны, Владимир Путин вывел реформирование изнутри военной системы. Это положительный момент. Но пока, наверное, еще не хватает для решительных шагов достаточного опыта и политической воли... Необходимо, чтобы президент вышел к народу и сказал: "Я утвердил данный вариант военной реформы, я за него отвечаю. Этого пока нет."

— По словам вице-премьера правительства Валентины Матвиенко, в ближайшее время на рассмотрение Совета безопасности РФ должна быть внесена Программа социальной защиты военнослужащих, увольняемых в запас. Алексей Георгиевич, можете ли вы озвучить некоторые концептуальные положения этой программы?

— Я принимал непосредственное участие в заседаниях правительства по этому вопросу. Главная тема — это, конечно, обеспечение военнослужащих жильем. У нас в этом вопросе национальный кризис! Более 2 миллионов военнослужащих и сотрудников силовых министерств не имеют на данный момент жилья. Это целая армия абсолютно нищих защитников Родины. Государство должно ре-

шать этот вопрос, используя все ресурсы, "не размазывая" деньги по различным ведомствам.

— За последние несколько лет в России появились десятки различных организаций, занимающихся обучением и трудоустройством уволенных в запас военнослужащих и членов их семей. И не секрет, что некоторые особо предприимчивые фирмы делают на бывших защитниках Отечества неплохой бизнес. Как вы считаете, какими принципами должен руководствоваться бывший офицер при выборе организации по его адаптации к мирной жизни?

— Вопрос очень злободневный. Периодически в наш Комитет по обороне поступает такая информация... Решать это можно одним-единственным способом. Необходимо предусмотреть поправку к "Закону о статусе военнослужащих", в соответствии с которой, помимо выходного пособия и предоставления жилья, еще какая-то сумма должна идти офицеру, к примеру, на персональный счет в одном из отделений Сберегательного банка для того, чтобы человек смог сам оплатить свою переквалификацию и трудоустройство. Эти деньги должны быть высчитаны финансистами. Я считаю, что даже для обеспечения жильем мы должны не совать людям бумажные сертификаты, а переводить соответствующую "живую" денежную массу для приобретения квартир на персональный счет военного. Эти деньги должны быть высчитаны в среднем с учетом семейного положения офицера, его воинской выслуги, звания, должности и его статуса. Если он участник боевых действий — один подход, если военнослужащий получил контузию или ранение — другой. Все должно быть дифферен-

цировано, и мы не можем относиться к военным как к крепостным.

А при выборе гражданского пути я бы посоветовал офицеру прежде всего решить, кем он хочет быть в мирной жизни, исходя из своей профессиональной подготовки и возможностей. Затем он должен узнать, где готовят соответствующих специалистов. В третьих, выяснить, какая репутация у этой фирмы, навести о ней всевозможные справки, узнать, не шарашкина ли это контора, не обманывает ли она людей. Желательно познакомиться и пообщаться с теми бывшими военными, кто уже прошел в этой организации переквалификацию. И только после этого сделать свой выбор.

— Алексей Георгиевич, как вы считаете, возможно ли в законотворческом порядке внести на рассмотрение Государственной Думы введение налоговых льгот для тех российских предприятий, которые имеют уже своеобразные бизнес-школы и обучают в них бывших военнослужащих — будущих своих менеджеров и кадровых сотрудников?

— Очень интересный и необычный вопрос. Вы фактически стали инициатором того, что наш Комитет по обороне может внести на рассмотрение депутатами Государственной Думы. Нужно только поработать над налоговым законодательством. Сформулируйте и напишите, пожалуйста, свои предложения, а мы их обсудим и постараемся придать им юридически правильную форму.

Беседу вел капитан
Александр КИРИЛЕНКО

**Илья БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке**

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА...

ТОТ, кто 60 лет назад пережил день 22 июня, не забудет его никогда. Войдя в нашу жизнь, он буквально перевернул судьбы миллионов. В огромной стране, занятой мирным созидательным трудом, не было, пожалуй, ни одного человека, которого так или иначе не опалило бы пламя начавшейся войны. Время разделилось роковой огненной чертой: одни дни, месяцы, годы были "до", другие — "после" этой трагической даты.

И случилось это в прекрасное летнее воскресенье.

*Тот самый длинный
день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столькох наземь
положила,
Что двадцать лет и
тридцать лет
Живым не верится,
что живы...*

— писал через три десятилетия о первом дне войны Константин Симонов.

И сегодня, не через двадцать или тридцать, а уже через целых шестьдесят лет, то неслыханное, ни с чем не сравнимое потрясение продолжает волновать каждого из нас. Один из тех миллионов, что в разных точках страны и в разном возрасте встретили этот день, я тоже вспоминаю его подробно.

Меня, красноармейца дивизии особого назначения имени Ф. Дзержинского, он застал в лагере "Реутово", куда в конце мая был выведен наш полк из Москвы на период летней учебы. В воскресенье 22 июня должен был состояться большой военно-спортивный праздник, посвященный 17-й годовщине соединения. Целую неделю перед этим помимо проведения плановых занятий мы усердно тренировались в групповых упражнениях с булавами и гимнастическими палками. Накануне перед отбоем подготовили выходной комплект обмундирования, предвкушая редкую возможность поспать лишний часок, как полагалось в выходной.

Но по команде "В ружье!" нас подняли в пятом часу. Натренированные молниеносно вскакивать по регулярным сигналам тревоги, мы поспешно одевались в тесноте палатки и на чем свет стоит про себя ругались и вполголоса ворчали: неужели и в такой день не могли нам дать отдохнуть нормально?

Полк после построения на центральной линейке направился на автомашинах по Горьковскому шоссе в Москву. Это удивило нас, привыкших к тому, что во время учебных тревог мы после посадки на машины не покидали расположение части и возвращались в роты. Сейчас же нас доставили в Покровские казармы. Там было голо и пусто — ни кроватей, ни тумбочек, ни табуреток: помещение подготовлено для косметического ре-

монта. Расселись, недоуменно поглядывая друг на друга, прямо на полу и стали ждать. Воцарилось необычное напряжение — ни привычной на привалах возни, ни шуток, ни острот.

Командиры взводов и командир роты старший лейтенант А.Сережников вначале сидели в канцелярии, затем куда-то ушли. Появился клубный кинорадиомеханик и повесил на стене черную тарелку репродуктора — к чему бы это?

В двенадцать часов все разъяснилось. В динамике раздался хрип, треск, шорох. Потом диктор объявил, что выступает заместитель председателя Совнаркома и народный комиссар иностранных дел СССР В.М.Молотов. И я услышал ошеломляющую весть, надолго изменившую последующую жизнь страны, дивизии, полка, мою собственную. "Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы..." Молотов, чувствовалось, заметно волновался, читая текст Заявления Советского правительства с дрожью в голосе, заикался больше обычного. Его короткая речь заканчивалась словами, которые мы потом повторяли как клятву: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!" Забегая вперед, скажу: мы никогда не теряли веры в нашу победу даже в самые отчаянные моменты сорок первого — сорок второго годов.

ТАК мы вступили в войну, о которой в конце 30-х — начале 40-х годов много говорилось на всех уровнях, которую показывали в фильмах, о которой слагались браваурные песни ("Если завтра война, если завтра в поход..."), но в суровую реальность которой поверили

только в эти роковые мгновения.

Надо сказать, что над оценками возможности исхода войны на Западе и на Дальнем Востоке, где существовали ее очаги, наша пропаганда немало потрудились, культивируя у советских людей откровенное шапкозакидательство. События 1939 и 1940 годов — поход в Западную Украину и Западную Белоруссию, бескровное присоединение трех государств Прибалтики, а также Бессарабии и Северной Буковины, разгром японской группировки на Халхин-Голе — в свою очередь подогревали в нашем народе уверенность в мощи страны и ее Вооруженных сил. Правда, три с лишним месяца зимних боев с Финляндией заставили более трезво посмотреть на боевые и технические возможности Красной Армии. Но откровенно лояльный тон наших официальных документов и пропагандистских материалов, касающихся Германии и ее триумфального шествия по Европе, действовал как-то успокаивающе, хотя людей, самостоятелно думающих, не мог не насторожить. А тут еще известное убаюкивающее заявление ТАСС от 14 июня, буквально за неделю до германской агрессии. Сослужило оно, не сомневаюсь, не лучшую службу, притупив бдительность.

Однако в данном случае вряд ли уместно смотреть на вещи с высоты нынешних лет. Уже немало сказано и написано о том, что высшее руководство страны вело себя беспечно, уверовав в надежность пакта с Гитлером. И уже абсолютно неприемлема версия всякого рода резунов-суворовых и согласных с ними некоторых наших историков, оправдывающих гитлеровскую агрессию как меру превентивную.

Для нападения Советского Союза на Германию 6 июля, как о том самоуверенно вещал автор "Ледокола", у нас не было ни планов, ни намерений, ни достаточных сил. С подготовкой же к успешному отражению агрессии, что греха таить,

мы запоздали, задержались, хотя понимали, что избежать войны не удастся. И начали готовиться не к легкой прогулке, а к тяжелым боям с сильным и опытным противником. С.К.Тимошенко, сменивший после советско-финской кампании К.Е.Ворошилова на посту наркома обороны, гайки затягивал туго — и в плане полевой выучки войск, и в плане их дисциплины. “Учить войска тому, что нужно на войне”, “Больше пота в учении — меньше крови в бою” — по таким жестким законам велась боевая подготовка в Красной Армии и войсках НКВД. Я на себе в полной мере успел испытать невероятные физические нагрузки непрерывных походов, маршей, бросков, многодневных полевых тактических занятий в любую погоду, при любой температуре. Да и в воинском воспитании начал обозначаться, хотя и с явным запозданием, некоторый поворот от благодушия и иллюзий к суровой действительности.

Мне, помощнику групповода политзанятий во взводе (а фактически руководителю группы, так как большинство занятий проводил я), регулярно посещавшему семинары в полку, этот поворот стал заметен раньше, чем моим сослуживцам. Примерно за месяц до 22 июня, еще на зимних квартирах, полковой пропагандист, рекомендуя особенно не распространяться и не болтать лишнее, “по секрету”, сообщил нам, что на недавнем приеме выпускников военных академий в Кремле Сталин отклонил чей-то тост “За нашу мирную политику” и провозгласил: “За нашу военную политику”. Об этом приеме ни тогда, ни позднее ничего не сообщалось. И лишь гораздо позже, через многие годы из воспоминаний участников той кремлевской встречи 5 мая 1941 года я узнал, что тогдашний “секрет” был истиной.

Не мог не насторожить меня и такой факт: в лагере дивизии проводились сборы большого контингента военнообязанных запаса,

мужчин лет тридцати и старше. Мне поручили вести в одной из групп политическую учебу по специальной мобилизационной программе. Вспоминаю, как непросто было мне, красноармейцу неполных двадцати лет, хотя и кандидату в члены партии, имевшему до службы двухгодичный учительский стаж, отвечать на вопросы москвичей, в том числе и лиц состава запаса, о нашей политике в отношении фашистской Германии, о позиции компартий и рабочего класса капиталистических стран в случае нападения на Советский Союз, о Ворошилове и Тимошенко. Слушатели мои, в отличие от красноармейцев взвода, не стеснялись задавать откровенные вопросы.

ВОСПИТАННЫЕ в духе пламенного патриотизма, советские люди поднялись на защиту Отечества. Военкоматы не справлялись с наплывом добровольцев. Заявления об отправке на фронт появились и в полку.

25 июня была опубликована “Священная война” В.Лебедева-Кумача. Положенная на музыку А.Александрова, эта песня стала гимном Великой Отечественной войны.

То, как будут развиваться события дальше, мы тогда, конечно, представить не могли. То, что между двумя датами — началом и концом войны — пролягут 1418 дней и ночей кровавых битв, что наши войска будут отступать до Сталинграда и кавказских предгорий, что всего через четыре месяца враг окажется у стен Москвы, что за победу мы заплатим жизнями 27 миллионов соотечественников. Да и откуда нам было знать о силе удара, который обрушится на нашу Родину, о том, что для осуществления плана “Барбаросса” на Советский Союз брошено 190 дивизий Германии и ее союзников.

В сознании наших людей еще некоторое время верх брала мысль о скорой победе малой кровью на чужой территории. Потрясенные внезапным вероломным вторжением противника, мы еще несколько дней, до 3 июля, когда со словами горькой правды к народу обратился И.В.Сталин, жили не столько картиной фактического положения на фронте, сколько святой наивной верой в нашу непобедимость и несокрушимость да откуда-то проникавшими ободряющими слухами о том, что Красная Армия уже чуть ли не под Варшавой и только из высших стратегических соображений об этом временно умалчивается. Публикуемые же от имени Главного командования первые фронтовые сводки были крайне туманны и невняты.

В ВЫСТУПЛЕНИИ по радио 3 июля И.В.Сталиным были сформулированы цели Отечественной войны, программа действий всех народов Советского Союза в сложившейся обстановке. Выразив твердую уверенность в нашей победе, руководитель партии, государства и Вооруженных сил тем не менее не оставил никаких иллюзий на быстрый исход войны. Напротив, речь практически шла о дальнейшем отходе со своих территорий. Слышать это было, слов нет, больно.

Меж тем огненный смерч быстро катился на восток. 29 июня меня из 3-го мотострелкового полка срочно откомандировали в комендантский взвод по охране штаба дивизии, который находился в Безбожном (ныне снова Протопоповском) переулке. И вскоре я нес службу часового у входа в бомбоубежище, куда офицеры штадива сначала неохотно, а затем уже привычно спускались в

часы авиационных налетов на Москву.

Бои велись где-то в трехстах-четырёхстах километрах от Москвы, но еще до намеченной даты победы на земле гитлеровцы, выполняя приказ фюрера, намеревались разрушить столицу с воздуха. Гитлер потребовал сровнять Москву с землей, чтобы не кормить в течение предстоящей зимы жителей оккупированного города. С 21 июля по апрель 1942 года в налетах на Москву участвовало 8600 вражеских самолетов. 1392 из них были уничтожены силами ПВО. Сигналы тревоги в городе подавались 141 раз. На город сброшено более 110 тысяч зажигательных и 1600 фугасных бомб.

Первому массированному удару немецких бомбардировщиков Москва подверглась в ночь на 22 июля. Потом налеты следовали ежедневно — и не только ночью, но и днем воздушные тревоги стали обыденным делом для москвичей. И всякий раз я, схватив винтовку и надев каску, летел на свой пост.

Результаты вражеских бомбежек из благих побуждений в печати и радиосводках существенно преуменьшались. В действительности же, хотя асы Геринга и не достигли своих целей, им удалось сбросить свой смертоносный груз и на территорию Кремля, и на здание ЦК ВКП(б) на Старой площади, нанести серьезные повреждения Большому театру, театру им.Вахтангова, другим важным объектам, в том числе промышленным. Под обломками зданий и от осколков бомб гибли москвичи...

На этом, видимо, и следует прервать свои воспоминания о начале войны. Впереди будут месяцы и годы боев и много памятных дат — и радостных, и горестных. Но первая в истории Великой Отечественной войны дата — 22 июня 1941 года — самая трагическая, самая страшная. Недаром мы отмечаем ее как День Памяти и Скорби.

В боях и походах

33-я отдельная бригада оперативного назначения Северо-Западного округа внутренних войск МВД России празднует свой юбилей. Подборку материалов этого номера посвятили своим боевым товарищам военные журналисты окружной газеты "Защитник Родины" и Объединенной редакции МВД.

А началось все в 1931 году. В городе Алма-Ате из целого ряда подразделений, имевших боевое прошлое, и была создана войсковая часть, которая получила Боевое Красное знамя от 84-го отдельного кавалерийского дивизиона войск. Знамя было вручено дивизиону 1 мая 1928 года. После этого часть участвовала в разгроме басмаческих банд в прикаспийских степях, где кавалерийский дивизион при незна-

чительных потерях полностью разгромил банду басмача Арсекова.

С ноября 1933 года 13-й алма-атинский полк войск ОГПУ—НКВД участвовал в походе в китайскую провинцию Синцзян. Там наши воины оказывали военную помощь генерал-губернатору Шень Ши Цаю в отражении агрессии японского ставленника Ма Чжу Ина. Эта операция, продолжавшаяся пять месяцев, бы-

ла выполнена отлично.

С момента формирования до 1937 года военнослужащие неоднократно выполняли ответственные боевые задачи в Отарском ущелье, укрепляли рубежи нашей Родины в Джаркентском пограничном округе, вели борьбу с бандитизмом. При этом многие бойцы и командиры проявляли чудеса храбрости и героизма. За успешное выполнение боевого задания большая группа

бойцов и командиров была награждена орденами и медалями. Награды получили капитаны Закулевский и Никулин, старший лейтенант Петрученя, комиссар части Андреев и многие другие.

Примечателен тот факт, что в августе 1935 года было совершено массовое восхождение бойцов и командиров на пик Комсомола. 323 человека, в числе которых было пять женщин, достигли высоты 4300 метров.

В сентябре 1937 года часть реорганизовали в 13-й алмаатинский мотострелковый полк. А в 1939 году перевели в Ленинград для усиления советско-финской границы. В помощь пограничникам на Карельский пещеек был послан 1-й батальон

под командованием старшего лейтенанта Смирнова.

Позднее части была поручена задача по охране важнейших коммуникаций и финского правительства в городе Териоки. После прорыва линии Маннергейма батальон Власова и рота первого батальона под командованием Закулевского были срочно переброшены в Выборг для охраны коммуникаций.

По окончании боевых действий в Финляндии на часть была возложена задача по охране правительственных учреждений Ленинграда, в числе которых был и Смольный.

С началом Великой Отечественной войны на базе полка формируется 21-я мотострелковая дивизия войск НКВД. С пер-

вых дней войны частью командовал подполковник Александров. Войска НКВД стояли на страже порядка и дисциплины в городе, выполняли задачи по борьбе с нарушителями фронтального режима, мародерами, дезертирами. Полк не только охранял важнейшие объекты фронта, но и нес градительную службу.

На дальних подступах к Ленинграду бойцы отстаивали каждую пядь родной земли. Суровая битва с врагом требовала от воинов не только большого мужества, но и знания военного дела, выносливости и закалки, несгибаемой воли и терпения.

Неувядаемой славой покрыли себя артиллеристы части в дни боев осенью 1941 года. Они своим метким огнем беспощадно истребляли рвавшихся к Ленинграду немцев. Замечательные примеры мужества показали воины части Шевцов, Бардаков, Арбузов, Боровик, Мочалкин, Поляков, Каравайцев, Мальчиков, Бебешко, Тебеньков и другие.

В декабре 1941 года в полку сформирована первая автоколонна в составе 30 машин для перевозки грузов с восточного берега Ладожского озера по ледяной трассе для Ленинграда и фронта. А всего за время работы по ладожской трассе автоколонна части перевезла в Ленинград 674 тонны горючего, боеприпасов, продовольствия и других грузов.

Одной из важных страниц в истории части является снайперское движение. Первый сбор снайперов состоялся в мае-июне 1942 года. Начальником его был назначен младший лейтенант Сидор Швец. По окончании сбора снайперы выехали на фронт и за десять дней истребили 59 гитлеровцев. Золотыми буквами в историю части вписаны имена снайперов Андрухина, Колесникова, Лисняка, Галчкова, Моисеева, уничтоживших десятки гитлеровцев. Почет и славу завоевали в боях снайперы Воронов, Швец, Тихонов, Сафощкин, Арсеньев, Назыров, Миронов и другие воины, имевшие на своем счету по 70-100 немцев каждый.

Всего орденами и медалями к концу 1946 года были награждены 2613 военнослужащих полка.

В 1947 году полк в полном составе участвовал в проведении операции "Запад" на территории Западной Украины. В дальнейшем полк несколько раз реформировался и переименовывался.

В 1980 году воины части ох-

70
33 ОБДОН
ЛЕТ

ПАМЯТЬ

раняли общественный порядок при проведении Олимпийских игр.

Личный состав части принимал активное участие в обеспечении общественного порядка в Ленинакане, Ереване, Фергане, Нахичевани, Южной и Северной Осетии.

В 1995-1996 годах личный состав части непрерывно выполнял служебно-боевые задачи по защите конституционных прав граждан России, законности и правопорядка на территории Чеченской республики в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявляя при этом отвагу, мужество и героизм. Личный состав бригады неоднократно участвовал в проведении специальных операций.

В ходе боевых действий в 1995-1996 годах погибли 39 человек и 77 получили ранения различной степени тяжести. Были награждены орденами, медалями десятки военнослужащих, из них 72 — орденом Мужества.

С сентября 1999 года по настоящее время бригада участвует в проведении операций по разоружению, а при оказании сопротивления — уничтожению незаконных вооруженных формирований в населенных пунктах Бороздиновская, Дубовская, Воскресенская, Шелковская, Сары-Су, Серноводск, Самашки и других. Также бригада принимала участие в освобождении от боевиков города Грозного и населенного пункта Комсомольское. И это далеко не полный перечень этапов боевого пути бригады.

Силами бригады проведено 150 разведывательно-поисковых мероприятий. За это время военнослужащие уничтожили свыше 400 боевиков, 12 взяли в плен, изъяли 188 единиц огнестрельного оружия, 12 единиц 82-

мм минометов, более семи тысяч различных боеприпасов, обезвредили 25 фугасов, 65 самодельных взрывных устройств, свыше 430 неразорвавшихся снарядов и гранат, уничтожили 18 схронов с боеприпасами и 169 мини-заводов, на которых незаконно производились горюче-смазочные материалы.

В ходе боевых действий в 1999-2000 годах погибли 70 военнослужащих и 161 получили ранения.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении служебно-боевых задач за время чеченской кампании, награждены 331 военнослужащий соединения, троим присвоено звание Героя Российской Федерации — майору Никите Кулькову, капитану Сергею Бавыкину и старшему лейтенанту Геннадию Кичкайло.

Капитан Сергей НЕБОРСКИЙ

Младший лейтенант Андрей ЛЕНЕВ

Я постоянный читатель вашего журнала. "На боевом посту" мне очень нравится. Служу я в Карачаево-Черкесской Республике. Доводилось бывать и в командировке в Чечне. Этот снимок был сделан в районе бамутского леса, когда я еще работал в карачаево-черкесском ОМОНе, где мы стояли вместе с 33-й бригадой внутренних войск. Памятник, который запечатлен на моем снимке, сделан руками сослуживцев в память о погибших товарищах из 33-й бригады ВВ у села Комсомольского. Там бригада при взятии села понесла большие потери.

«Я ВОИН — Я ГОТОВ ПОГИБНУТЬ В БОЮ»

Силы были неравными...

Для Сергея это уже была третья командировка на войну. Капитан Бавыкин штурмовал Грозный, участвовал в спецоперациях в десятках населенных пунктов, последним из которых было Комсомольское.

Уже в первый день войсковой операции стало ясно, что селение придется штурмовать. Выбить боевиков из Комсомольского, заблаговременно подготовленного для длительной обороны, оказалось так же сложно, как и при освобождении Грозного. Понимая, что от точности стрельбы дивизиона зависит продвижение подразделений бригады, капитан Бавыкин сам возглавил корректировщиков огня в составе штурмовой группы подполковника Вячеслава Афанасюка.

10 марта, когда день уже близился к концу, группе необходимо было закрепиться на выгодном для ночлега рубеже. Около 16 часов подчиненная батарея получила

последний приказ от командира дивизиона — ослепить противника дымом. Но в связи с тем что по селению начала работать авиация, эта команда была отменена старшим оперативным начальником.

Роковая случайность. Без ослепления противника штурмовая группа оказалась уязвимой. Около 17 часов продвигавшееся под прикрытием танка и расчета АГС подразделение напоролось на засаду. Завязался ожесточенный бой. До последнего наши ребята отбивались от бандитов. И до последнего продолжал командовать подчиненными капитан Сергей Бавыкин. Но силы были неравными — все, кто входил в группу, за исключением наводчика АГС, погибли.

Путь в офицеры

Передо мной письмо Н. Афанасьевой, директора школы, в которой учился Сергей Бавыкин. Трогательный, полный любви рассказ, пронизанный болью о безвременном ушедшем.

Бавыкин Сергей родился 10 августа 1973 года на хуторе Красноярской Чернышевского района Волгоградской области. В 1990 году поступил в Одесское артиллерийское училище, после распада Советского Союза перевелся в Екатеринбургское высшее артиллерийское училище. С 1994 года по 1996 год проходил службу в батальоне обеспечения учебного процесса Военной артиллерийской академии под Санкт-Петербургом. С сентября 1996 года на службе во внутренних войсках. Последняя должность — командир АЗДН в 33-й бригаде оперативного назначения Северо-Западного округа внутренних войск. Награжден орденом Мужества, медалью Суворова. Звание Героя Российской Федерации присвоено 9 сентября (посмертно).

33 ОБРОН
АЗДН

голубоглазая девушка наметили срок свадьбы, но совместные командировки на вторую чеченскую войну внесли коррективы в их планы. В ноябре 1999 года, во время короткого отпуска между командировками, свадьба Сергея и Натальи все же состоялась. Сколько радости и счастья было на лицах родителей, друзей и односельчан! В свои 26 лет Сергей смело принимал все серьезные семейные решения. Они вместе строили планы на будущее: очередной отпуск, учеба в академии...

Похороны Сергея состоялись 18 марта в станице Нижнегнутов Волгоградской области. Проводить в последний путь защитника Отече-

грамотным офицером, артиллеристом от Бога. Простым парнем, умеющим собирать вокруг себя людей. Просто товарищем, настоящим другом, на которого всегда можно положиться.

Уволившись из Вооруженных сил в разное время, они повстречались вновь уже во внутренних войсках, в артдивизионе оперативной бригады, куда их сосватал помощник начальника артиллерии округа, знавший офицеров по совместной службе в Луге.

В артдивизионе Сергей Бавыкин прошел все служебные ступени — от командира минометного взвода до командира дивизиона. Был

он постоянно поддерживался духом состязательности между подразделениями.

За бои в Грозном капитана Бавыкина наградили орденом Мужества.

— Вы знаете, когда его позывной “Атаман” раздавался в эфире, участь боевиков, выбранных в качестве цели, можно сказать, была предрешена, — вспоминает Александр Беспалов. — Он постоянно был на передовой, корректировщиком, а моя батарея на закрытой позиции. Но что удивительно — бойцы, не видя командира, но зная, что он дает команды, творили чудеса. Укомплектованная наполовину личным составом

ства пришли родные, одноклассники, сослуживцы, представители районной администрации, военкомата, все односельчане. Добрая память о нем будет жить в наших сердцах”.

“С нашим “Атаманом” не приходится тужить”

Майор Валерий Спиридонов капитан Андрей Толк знали Сергея Бавыкина с 1994 года. Тогда все трое — молодые лейтенанты — прибыли после выпуска в Лугу, в учебный центр артиллерийской академии. С тех пор Сергей запомнился им инициативным, настойчивым и

командиром батареи — батарея считалась лучшей в дивизионе и даже больше: в 1998 году его подразделение заняло первое место по полевой выучке среди артиллерийских батарей всех внутренних войск. Сергей Бавыкин был награжден медалью Суворова.

С его приходом в дивизион многое здесь изменилось к лучшему. Под руководством Бавыкина по-новому была организована сдача экзаменов на черный берет — отличный знак воина артдивизиона. Разработано положение об экзаменах, продумана и построена полоса препятствий. Идеей Сергея был и шеврон дивизиона, девиз и речевки каждой батареи. Словом, в дивизи-

батарея вела огонь, будто была в полном составе. Бойцы старались изо всех сил, попевая за двоих, только чтобы не подвести командира.

Те установки для стрельбы, которые передавал Сергей Петрович, накрывали “духов” точно. Могут привести один пример. Как-то подъезжают к батарее танкисты: “Спасибо, ребята!..” Спрашиваем: за что? Оказывается, досаждал им снайпер — не давал высунуться. Мина угодила точно в балкон — “дух” оттуда так и вывалился!

А еще во время боев в Грозном командующий артиллерией войск генерал-майор Рохленко считал наш дивизион лучшим по точности стрельбы.

Вспоминает Рустам Арифалин:

— Штурм Грозного начался 26 декабря. Наша батарея поддерживала огнем батальон майора Игоря Насрединова, который входил в город со стороны Старой Сунжи. На улице Лермонтова остановились. Здесь у "духов" была хорошая оборона. Они засели в высотных домах, откуда сразу их было не выбить. Началась наша работа. С Сергеем Петровичем мы ходили на корректировку поочередно. Вплоть до 8 января, пока нас не сменили армейцы.

Не хочу врать, сколько было уничтожено огневых точек, живой силы противника, складов боеприпасов, но "духов" мы хорошенько

опасных направлениях, без раздумий вызывался вытаскивать раненого из-под огня, приходил на помощь мотострелкам. Мое личное мнение: не обязательно повторять подвиг Матросова, чтобы стать Героем. Свою Звезду Сергей Петрович заслужил еще задолго до своей гибели...

Офицеры артдивизиона показали мне обломок от верхней панели радиостанции рядового Олега Морозова, который был рядом с командиром в последние минуты его жизни и который погиб вместе с ним. Искоренная панель с прилипшей к ней чеченской грязью бережно хранится в память о погибших ребятах. Со

Рапира и самурайский меч были его любимым оружием. Со своим мечом он регулярно бегал на Финский залив, тренировался. И часто в ответ на недоумение жены говорил: "Я воин — я готов погибнуть в бою".

Рассказ давался с трудом. Порой Наталья едва сдерживала слезы. Но светлые воспоминания о Сергее застилали собой горечь утраты. И тогда на какой-то миг ее лицо озаряла улыбка...

Сергей пришел в бригаду в 96-м. К тому времени Наталья уже прослужила год и была писарем дивизиона. Сергей увидел ее в первый же день, на КПП. Как он признался

"приладили". Круглосуточно долбили их, не давая перемещаться. Одно скажу: по данным радиоперехватов, у боевиков было много потерь. Они связывались со своим командованием, просили помощи, хотели отступить.

Сергей Петрович был неприветливым. Мог провести ночь у костра. Ему немного надо было — воды, чтобы умыться, перекусить чего-нибудь. Обедал, кстати, всегда вместе с бойцами. Мокрый снег, слякоть, морозы — он всегда был со своими солдатами и терпел все то же, что и они.

Он всегда был на самых

временем эта реликвия пополнит экспонаты будущего музея боевой славы бригады.

*"...Люблю тебя.
Дюже-дюже!"*

Вдова Героя прапорщик Наталья Бавыкина сегодня служит в той же бригаде.

Мы сидим в комнате общежития. В их с Сергеем комнате, которая до сих пор хранит память о нем. Фотография в траурной рамке, девиз на стене: "Один за всех, один со всеми, один против всех", его любимые книги, письма, грамоты главкома и оружие...

потом, первой его мыслью было: "Какая интересная девушка!"

Но несмотря на обоюдную симпатию, их отношения долго не складывались. Ходили кругами, пока не настал День ракетных войск и артиллерии. По дивизионной традиции этот праздник всегда отмечается всем коллективом. С тех пор 19 ноября 1998 года считалось днем их первого настоящего свидания...

В последнюю командировку они выехали вместе, буквально через месяц после свадьбы. Наташа была начальником склада боеприпасов, а он штурмовал Грозный.

По возможности через ребят, которые ехали с передовой, Сергей отправлял ей короткие весточки на

70
33 ОБРОН
лет

За высотой — высота

С 24 по 27 марта команда альпинистов Северо-Кавказского военного Краснознаменного института совершила восхождение на пик Геодезист — 4138 метров над уровнем моря.

...Подъем в 4 утра. Как трудно заставить себя вылезти из теплого спального мешка, когда полатка скрипит от мороза и шнел, наросший изнутри, сыплется за шиворот. Одеться, обуться, приготовить завтрак, собрать рюкзаки — каждое движение на холодном ветру требует огромного усилия воли. В 6.30 с базового лагеря, на высоте 2300 метров, альпинисты выходят к подножию вершины.

Первым препятствием для участников восхождения становятся осыпи, кое-где покрытые жесткой травой и присыпанные снегом. По ним движемся траверсом. Затем путь выходит на крутые склоны снежника. Утаптывая ступени в глубоком снегу, медленно продвигаемся к вершине. Каждые 50 минут привал, и опять вперед.

К 13 часам подошли к скальному гребню. Делаем основную остановку, достаем сухпай из рюкзаков. После обеда разбиваемся на группы по четыре человека, связываемся основной веревкой. Дальше наиболее опасный участок, мы идем в связках, страхуя друг друга. Первую связку возглавляет подполковник Кореньков В.А., в других старшими назначены опытные курсанты. На них ложится огромная ответственность, ведь в связках есть новички. Ведущие связок тщательно выбирают путь. Скалы сильно разрушены, то и дело сыплется камень, и для безопасности поднимающихся между связками держится дистанция.

Выходим на вершинный гребень, с которого открывается прекрасная панорама Главного Кавказского хребта с его многовековыми ледниками Магби и Колка и главным красавцем — горой Казбек.

До вершины остается полчаса ходьбы по снежному гребню. По обе стороны гребня километровые отвесы. Последние двести метров. Вершина!!! Все 17 спортсменов собираются на высшей точке пика. Звонкое "ура" и свист сигнальных ракет летят над горами.

Руководитель восхождения пишет записку. Из камней складывают пирамиду — в нее прячут записку покорители вершины.

Спасибо, друзья, благодарю! Подняв ее, вылез из рюкзака, подвели тропку, зашли на плато на белом снегу. Там ждала вершина горы Шлау. Хах, ждет нас!

Пожелайте нам удачу!

Курсант Д. ПЛАТОВ,
курсант Д. КИЛЬКИНОВ

тетрадных или блокнотных листках. И всегда заканчивал свои послания одинаково: "Не бойсь, Наташка! Все будет нормально, ведь я же люблю тебя. Дуже-дуже!"

— Страшно было, — вспоминает Наталья. Она постоянно переживала, как он там, все ли в порядке. А когда Сергею удавалось ненадолго вырваться к ней, разом забывала о войне. Но лишь стоило ему отправиться обратно, как все начиналось заново. Иной раз не обходилось без слез. Знала, что ее Сережа не любит этого, но удержаться не могла.

Как-то Наталья попыталась его отговорить: он же командир дивизиона, не обязан ходить корректировщиком. Но Сергей отрезал: "Я не хочу, чтобы свои своих убивали". И попросил впредь не говорить об этом...

29 февраля они виделись в последний раз. Сергей настоял, чтобы она улетела. Приехал проводить ее. Наталья уезжала без охоты. Когда шла к вертолету, ноги были словно ватные. Не покидало какое-то тревожное предчувствие.

— Не бойсь, месяц остался, — успокаивал ее муж.

— Месяц — это долго, — беспокоилась она.

— Недолго...

Через десять дней Сергея не стало.

Юрий КОТЕНОК
Фото Юрия ТУТОВА

33-я бригада внутренних войск МВД России, войдя в Чечню, зачищала Сары-Су, где располагалась диверсионная школа Хаттаба. Затем пэтерцы принимали участие в освобождении от бандитов пятнадцати населенных пунктов республики, включая Гудермес. После этого были две недели ожесточенных боев в Грозном...

В ГРОЗНЫЙ, НА МИНУТКУ

Подвиг под Аргуном

В один из январских дней с передовой недалеко от площади Минутка на отдых был выведен батальон бригады. Уставших солдат и офицеров внутренних войск на время заменили армейцы.

Тыл — не передок. Вечером нашлось немного мяса, и умельцы слепили пельмени. При тусклом свете одинокой лампочки в здании бывшего пионерлагеря звучала гитара. Вместе со всеми офицерами за столом отдыхал и майор Никита Кульков. Рассказы и воспоминания затянулись допоздна...

Утром бригаду облетела страшная весть — под Аргуном попала в засаду тыловая колонна внутренних войск. Информации минимум. Известно лишь, что боевики

напали неожиданно, бой продолжается, у наших есть потери. Сразу по приказу командования на разведку выдвинулись три боевые машины пехоты. Небольшой отряд возглавил майор Никита Кульков.

...Действовали осторожно. Доехали до развилки дорог, боевиков не обнаружили. Впереди Аргун. А там, судя по всему, настоящая мясорубка. Совсем рядом раздавались пулеметные трели, ухали гранатометы. К запаху гари примешивался еще один, едва уловимый. Те, кто был под пулями, знают, что так пахнет смерть.

Кульков, проведя разведку, доложил на базу обстановку. Ему приказали дожидаться основных сил...

По дороге, трясясь на ухабах и рискуя завалиться набор, мчался грузовик. Тормознул прямо перед взвешными "коробочками". Командант Аргуна рассказал Никите

Кулькову, что творится на окраинах города. Более двухсот пятидесяти бандитов напали на колонну и блокпосты. Бой идет уже несколько часов. Силы неравны. Есть убитые и раненые. Комендант попросил помочь, хотя бы прикрыть огнем. Майор Кульков имел полное право остаться на месте, дожидаться подкрепления. Но поступил иначе. В Аргуне гибли НАШИ. Они ежеминутно просили о помощи. Офицер пошел на выручку окруженным бандитами солдатам и омовцам. Пошел в неизвестность.

В Аргун ворвались на бешеной скорости. Начался ад. БМП лавировали по главной улице города. Боевики их ждали, к встрече готовились от гранат, пули дождем осыпали броню. Кульков отвечал огнем пушек и пулеметов. Очереди ложились точно. В чудом уцелевший триплекс было видно, как падают

33 ОБРОН
МВД

черные фигурки боевиков. Вот слова из наградного представления: "Группа Кулькова подавила пять огневых точек противника. Майор Кульков лично уничтожил до десяти боевиков..."

Первым подбили "газон", в котором находился комендант. Он выскочил из машины и под пулями побежал к ближайшему дому. Лишь через несколько суток, уже после того как удалось отбить Аргун, стали известны подробности гибели коменданта. Офицера, окруженного боевиками, сразила вражеская очередь из автомата. Бандиты знали коменданта в лицо. Даже мертвый, он вызывал у них ненависть. Нелюди всаживали целые магазины пуль в уже безжизненное тело. Потом выкололи глаза и сняли скальп...

Кульков, находясь в самой гуще бандитов, огрызнулся огнем. Его БМП подбили только на окраине. Никита стал эвакуировать раненых солдат. Из огня, задыхаясь от дыма, успел вытащить двоих. Остался механик-водитель. Парень мертвой хваткой держал штурвал горящими руками. Кульков не успел спасти солдата — детонировал боекомплект. Боевая машина в доли секунды превратилась в огромный факел...

Майор Никита Кульков удостоен звания Героя России посмертно.

"Музыка" Вагнера

...До передовой мы добираемся на "бардаке" — так солдаты прозвали свой старенький бронетранспортер. По рокаде в обе стороны проносятся "коробочки" с десантом. До передовой рукой подать. На броне "бардака" в такт ухабам кивает головой кукла с гвоздем во лбу. "Куклу назвали Жанной в честь "духовской" снайперши. Любила потрепаться с нашими по рации, пока девочку не грохнули", — весело объяснили разведчики.

До командного пункта на улице

Поняткова, что в восточной части Грозного, долетели мигом. Впереди, в километре с лишним, площадь Дзержинского, которую еще с прошлой войны прозвали Минуткой.

В разбитом здании школы кипит работа. Офицеры вызывают авиацию и артиллерию. Постоянно идут доклады от командиров штур-

мовых групп. Как пояснил командир 33-й бригады полковник Павел Дашков, главная задача на сегодня — взять несколько многоэтажек на подступах к Минутке. Передовые отряды закрепились у 3-го микрорайона. Сопротивление очень сильное. По данным радиоперехватов, на этом участке обороняются боевики из так называемой прези-

дентской гвардии Масхадова. В жилых домах засели снайперы. Впереди в дымке виднеется здание городской больницы. Оттуда бьют минометы. "Духи" не хотят оставлять своих раненых и огрызаются с яростью обреченных. По их позициям регулярно работают гаубицы и минометные батареи.

Картина ясна: мы ломим, боевики, отчаянно сопротивляясь, отходят. Одна из штурмовых групп закрепилась в пятиэтажке в перулке Леонова. В другом конце здания еще находятся "духи". Командир группы, рискуя, по радию вызывает гаубицы. Артиллеристы не подводят, работают ювелирно, посылая снаряд за снарядом аккуратно в крыло дома, где укрывается враг. Оставшиеся в живых "духи" спешно покидают позиции. Один из бандитов взят в плен.

Сегодня, как, впрочем, и в большинстве боев за чеченскую столицу, "Бог войны" полностью оправдывает свое название. Артиллерия с завидным постоянством громит боевиков. Так, в соседнем доме прицельными выстрелами удалось накрыть огромный арсенал бандитов. Боеприпасы рванули на всю округу. Одновременно на командный пункт поступают данные радиоперехвата: полевой командир жалуется начальству, что "русские ведут бешеный огонь" и он не в состоянии "удержать своих людей".

Пока в бригаде всего двое раненых. Боевиков же положили несколько десятков. Операцией руководит полковник из главка внутренних войск. "Хороший мужик, дело знает. Людей зазря не кладет". — Скупые слова офицеров из разведроты бригады — самая лучшая характеристика коренастого полковника.

Время от времени на КНП залезают пули. Они бьют по потолку, осыпая офицеров бетонной

крошкой. На эти мелочи никто не обращает внимания. Офицеры обедают второпях, не отрываясь от дела. Пара кусков сала с чесноком и ломти хлеба на морозе вкуснее любого заморского деликатеса.

...По приставной лесенке мы с фотокором Юрой Тутовым забираемся на крышу соседнего дома. Здесь расположилась батарея гранатометов старшего лейтенанта Вагнера. Только за утро Вадим произвел по позициям боевиков больше ста выстрелов.

Гранатометчики, работая прямой наводкой, сильно достали боевиков. По позиции батареи регулярно бьют "духовские" снайперы, засевшие в высотках. До боевиков меньше километра. С Вадимом Вагнером мы общаемся под свист пуль, укрывшись за бетонным карнизом. Солдаты лежат по цепочке передают заряды. Готовится новый залп. Гранатометчики привыкли даже обедать под обстрелами, поэтому все происходящее для них не в диковинку. "Свою пулю не услышишь", — говорят солдаты.

— Мои ребята — герои. Напиши про них, пожалуйста, — просит офицер.

Вадим по национальности немец. Его батарея — маленький интернационал. Здесь служат русские, казахи, татары. Бойцы воюют в Грозном с декабря прошлого года.

Командир расчета рядовой Анатолий Казаринов был ранен при взрыве гранаты. Получил два осколочка в бедро, но поле боя не покинул. Воевал с перевязанной ногой, неся на себе гранаты и успевая при этом прикрывать товарищей короткими очередями из автомата. Только вечером его удалось переправить в госпиталь. После выписки солдат вновь попросился в родную часть.

Вадим Вагнер никогда не думал, что будет отмечать свой день рождения прямо на передовой в Грозном, в бою за площадь Минутка.

Вчера его поздравляло командование. А сегодня снова пришлось идти в бой и посылать залп за залпом по бандитам. За своих бойцов, за колонну в Аргуне, за кровь и слезы тысяч людей.

Лежа на снегу, на простреливаемой крыше, он показывает мне фотографию дочери Дианы, которой недавно исполнилось восемь месяцев. Вскоре мы жмем друг другу руки, но не прощаемся. На войне не принято уходить навсегда. Господи, помоги этим людям остаться в живых...

Огневой мешок Турчина

Заместитель командира бригады подполковник Сергей Турчин две недели возглавлял батальон на одном из самых опасных участков в Грозном. За это время удалось взять улицу Лермонтова и продвигнуться вперед на километр с лишним. Каждый метр истерзанной железом земли приходилось отбивать с боем. Ежедневно бойцы отражали по три-четыре попытки прорыва боевиков.

...В бою за здание школы обстановка сложилась критическая. Боевики отсекали группу подполковника Александра Масона от соседей и попытались ее окружить. Бандиты подошли вплотную, предлагали сдаться. Был момент, когда стороны разделяла только кирпичная стена. Александр Масон сжег секретную карту и был готов подорвать себя гранатой. В том бою не дрогнул ни один боец. Выручили группу минометчики капитана Рустама Арифуллина, который корректировал огонь своей батареей, находясь в тылу у боевиков. Ему пришлось вызывать огонь на себя.

...Разведка доложила, что по ночам боевики, стремясь избежать потерь, подходят вплотную к позициям батальона. Тогда-то Турчин, выпускник Сумского артиллерийского училища, и применил свое "изобретение". При попытках бое-

НА ПРИЗЫ ГЕНЕРАЛА РОМАНОВА

виков приблизиться на сто-двести метров минометчики устраивали "духам" настоящий ад. Заградительный огонь не давал бандитам двигаться вперед. "Духи", неся потери, отходили. Тогда наша артиллерия и минометы переносили огонь вглубь, отсекая банды от центра города. Затем Турчин вызывал "старшего брата" — тяжелую артиллерию, которая накрывала целые кварталы. В районе улицы Лермонтова и 6-го микрорайона было уничтожено огромное количество бандитов. Подразделение Турчина выполнило поставленную задачу в тяжелейших условиях.

Мы уезжали с передовой, когда начало смеркаться. Через несколько минут наступила черная южная ночь. В небе вспыхивали осветительные ракеты, расходились веерами очереди трассирующих пуль. 33-я бригада в тот день выполнила задачу, закрепившись на передовом рубеже. Бойцам штурмовых групп предстояло провести трудную ночь лицом к лицу с коварным и жестоким противником. Утром подойдут свежие силы, и питерцы получат новую задачу...

В течение трех дней в московском Дворце спорта "Динамо" проходил пятый Всероссийский турнир по рукопашному бою на призы Героя России генерал-полковника Анатолия Романова. Три дня бойцы-рукопашники боролись за звание сильнейших в своих весовых категориях.

Инициатором проведения соревнований является спортивный комитет Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск, где пять лет назад и состоялся первый турнир.

В этом году в турнире приняли участие более 150 спортсменов из команд внутренних войск МВД, Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Министерства юстиции, Федеральной службы охраны и некоторых частных охранных предприятий. Для выступления на соревнованиях прибыл и спортсмен из Республики Беларусь кандидат в мастера спорта Дмитрий Савко, но российские коллеги оказались не дипломатами, и соперник-славянин не вышел даже в одну четверть финала. О высоком уровне соревнований говорит и тот факт, что более тридцати спортсменов являются мастерами спорта, 60 — кандидатами в мастера и 68 — перворазрядниками. Многие из участников принимали участие в боевых действиях и награждены орденами и медалями. Судейство осуществлялось по правилам Национальной федерации рукопашного боя. Практически все поединки прошли в упорной и бескомпромиссной борьбе, где победители определялись на последних секундах.

В командном первенстве почетное первое место завоевала команда Московского округа внутренних войск МВД РФ, серебро досталось команде Северо-Кавказского института внутренних войск МВД России, а третье место заняли бойцы из Уральского округа внутренних войск. Фаворит прошлого года турнира, команда ОДОНа, в этом году заняла лишь пятое место, уступив несколько очков команде Федеральной службы охраны, но и этот результат можно считать успешным, поскольку основная часть спортивной команды находится в Чеченской республике.

Капитан
Альберт КУДРЯШОВ

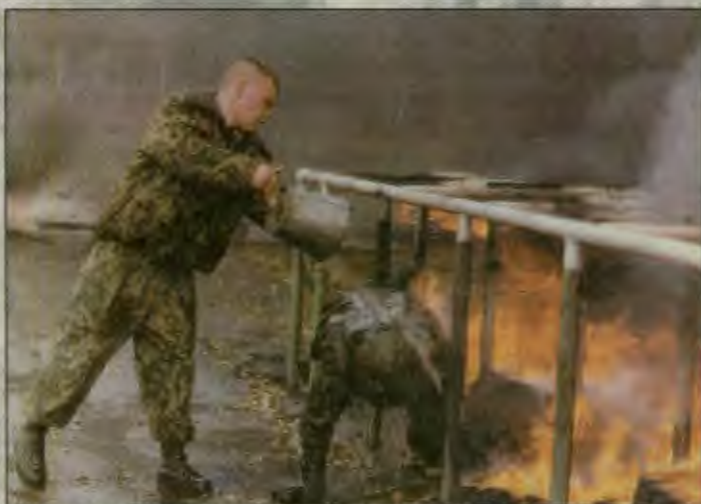
Фото
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Во имя победы

Фото майора Игоря АКИМОВА

Свой 70-летний юбилей 33-я отдельная бригада оперативного назначения проводит на учебных полигонах и в Чеченской республике, где активно участвует

в контртеррористической операции против вооруженных банд международных террористов.

Бригада, вырастившая трех Героев России, на собственной фронтовой судьбе убедилась в необходимости высокой боевой выучки каждого солдата и офицера. Во имя победы, во имя жизни...

33 ОБРОН
лет

Майор Сергей КОРНЕЕВ
Фото Игоря АКИМОВА

**10
ДНЕЙ**

НЕ ВСЯ ЖИЗНЬ, И ВСЕ ЖЕ...

В КОМСОМОЛЬСКОЕ он попал в самый разгар штурма — 10 марта. К этому времени их батальон, действуя на левом фланге юго-восточного направления, за несколько дней ожесточенных боев на полкилометра (вернее сказать — на пятьсот метров) продвинулся вперед. Наши бойцы уже сутки (с ними была и разведрота) удерживали находящуюся на возвышенности школу и подступы к ней. Боевики, не смирившись с потерей выгодного в тактическом отношении рубежа, не прекращали попыток отбить его. Для усиления оборонявших школу, для доставки туда боезапаса комбриг направил четыре БМП. Одну из штурмовых групп — а было в ней всего-то семеро смелых — возглавил старший лейтенант Скапенков.

Возле школы “духи” стали прицельно бить по БМП. Ее нужно было скорее поставить на позицию. Наши из школы кричали, чтобы бра-

тишки быстрее выскакивали из брони. Николай все верно рассчитал — пружиной выпрыгнул наружу, схватив на ходу разгрузку. Со всех ног — к школе... В горячке боя даже не вспомнил про гранату и шапку. Они так и остались на броне. Граната — пустяк, “карманной артиллерии” пока хватало. А вот теплой шапчонки было жаль: прохладно в марте, особенно по ночам, когда температура около нуля. Благо в одном из классов “сферу” нашел, Бог вест чью. Внутри она мягкая, теплая. Да и спать в ней удобно — голову в такой железной шапочке можно спокойно положить даже на... кирпич. В общем, экипировку свою он восполнил. Но не это главное...

В БОЕВУЮ работу его группа включилась сразу: ей поручили занять возвышающийся перед большим пустырем дом у дороги, огибающей справа школу, и оттуда прикрывать приданный танк. Дом тот заняли стремительным броском. Получив надежное прикрытие, танк смело покинул

Офицерская биография у старшего лейтенанта Скапенкова пока коротка, но пороку Николай понюхал уже достаточно — только в прошлом году семь с половиной месяцев провел в командировках в Чечне. Штурмовал укрепления боевиков, нес службу на опорных пунктах, участвовал в спецоперациях — все на передовой. Сколько всего вместили хотя бы те десять дней кровопролитных и изнурительных боев за село Комсомольское в марте 2000-го! Иной служивый за 25 лет “календаря” не испытал и десятой доли того лиха, что досталось комвзвода Скапенкову в Чечне...

внутренний двор школы, вышел на удобную позицию и стал долбить по “духовским” гнездам. Сделав полтора десятка точных выстрелов, танчок отполз назад — поостыть, пополнить боезапас.

— Многие дома в Комсомольском были соединены подземными ходами сообщения с замаскированными блиндажами, — продолжает Николай. — В них “чехи” пережидали артолеты и танковые залпы, но потом наши просекли всю их систему обороны: танки не только валили укрепленные дома-крепости, но и утюжили огороды с вырытыми траншеями и блиндажами...

После перекура их танчок вновь выполз из П-образного двора школы и прямой наводкой влупил по выявленным огневым точкам гелаевских “волков”. А когда эта задача была выполнена, группа получила команду отойти обратно в школу...

М ЕТОДИЧНОЕ прогрызание “духовской” обороны батальоном застопорила и неопределенность судьбы БМП-

33 ОБРОН

1 с бортовым номером 112. Несколько часов раньше она попала в ловушку: "чехи" не стали жечь ее, даже дырявить не стали, пропустив в глубину своей обороны. А когда "копейка" вклинилась к ним в тыл метров на двести, подбили ее. Экипажу предложили сдаться в плен. Отстреливаясь от наседавших бандитов, окруженные бойцы запросили по радиостанции помощи — в крутой перестрелке стремительно таяли патроны.

Еще одна БМП, поспешившая на выручку, тоже попала под гранатометный обстрел. Офицера, возглавлявшего экипаж, контуженного, посеченного осколками, эвакуировали к медикам в тыл. На помощь 112-й попыгались пробиться разведчики. Пройдя вперед полсотни метров и попав в огневой мешок, они отошли обратно. Чтобы "волки" не захватили экипаж, пришлось дотемна методично сыпать гранаты из подствольников вокруг бэмпэшки...

С наступлением сумерек стрельба затихла. Скапенков вместе с командиром роты расставили в школе людей. И бойцы стали готовиться к ночлегу. Кто-то притащил печку. Затопили ее по-черному. На боевых постах остался только каждый третий солдат (остальным — отбой) и офицеры. Последние ночью, как правило, не спали — если получалось, могли часок "придавить" только днем.

УТРОМ по двум ближним к левому крылу школы домам еще раз поработали огнемечки. А потом пошла и пехота: первым — старший лейтенант Максим Слепнев, за ним — Скапенков со своими парнями.

В первый дом влетели с ходу. За ним — двухэтажное здание, где возникли заморочки — там в подвале засели два злых "душка", классическая парочка — гранатометчик с прикрывающим его автоматчиком. Ну ни в какую не давали приблизиться к зданию. Но все ж всадили в их амбразуру гранату из РПГ.

Снаряды, пущенные нашими танкистами, ложились настолько близко, что едва не лопались барабанные перепонки. Парни в азарте боя даже шутили: "Прорвемся, если свои не накроют". Но танкисты работали ювелирно...

Вражьи пули и осколки носились роями.

Одному солдату осколком насквозь прошило бушлат, но на теле — ни царапины! Другому осколок разрубил пополам... пряжку ремня. В той двухэтажке держались двое суток: Николай организовывал систему огня, вместе с бойцами отстреливался от наседавших "чехов". И все это время у офицера, как и его солдат, не было во рту ни крошки — последний раз военнослужащие подкреплялись сухпайком еще в школе. Очень туго было и с водой: ее на позицию вместе с боеприпасами доставляли по две-три фляжки на роту. Когда разведчики прислали им двадцатилитровый резиновый бурдюк с водой, его восприняли как самый щедрый подарок...

— Война в Комсомольском шла по распорядку, — вспоминает Николай. — Боевые действия начинались в восемь утра. К часу дня воюющие стороны успокаивались. До 14.00 — обед. Затем все опять закипало часов до 17—18. С наступлением сумерек стороны снова замолкали, начинали готовиться к ночлегу. В темноте боевики изредка бросали в нашу сторону гранаты из подствольников...

ПОСЛЕ восхода солнца группа Скапенкова двинулась вдоль улицы, огибавшей школу слева. Его рота наступала по правой стороне проезжей части, слева — на острие атаки — штурмовая группа лейтенанта Дмитрия Филиппова. Чуть дальше за перекрестком, он от школы всего-то в двухстах метрах, они должны были соединиться с бойцами отряда специального назначения, пробивавшегося навстречу пехоте со стороны гор.

— По плану командования, — го-

ворит Николай, — перед федеральными силами стояла задача полностью захватить восточную часть Комсомольского и продвигаться дальше не с севера на юг, а с востока на запад. Это позволило бы зачищать боевиков не сверху вниз, а вдоль гор, выдавливая "чехов" в ложину, где и блокировать их...

ПЕРВУЮ половину пути штурмовая группа старшего лейтенанта Скапенкова прошла на удивление спокойно. Обстреливать ее справа "чехи" начали уже возле перекрестка. Спасаясь от флангового огня гелаевских "волков", укрылись в здании на противоположной стороне улицы. Там начальник штаба батальона, руководивший наступлением, поставил задачу — занять пустующий дом за перекрестком перед пустырем.

Дом-то был пуст, зато в соседних зданиях — бандитов без счета. И все вели прицельный огонь по группе Скапенкова, стремительным броском преодолевавшей улицу. Как проскочили его бойцы эти жуткие метры сквозь хлещущие поперек свинцовые струи — до сих пор удивляется...

А теперь в том домишке их зажали, отсекали друг от друга в разных комнатах. Практически все окна "духами" были пристреляны. "Сейчас шарахнут в комнату из гранатомета, и от нас только мокрое место останется". — Нехорошая эта мысль так и засела в мозгу.

В который раз крикнув бойцам, чтобы не высовывались, старший лейтенант перебежал на другую половину дома и с остававшейся там частью штурмовой группы открыл ответный огонь. На полминуты "духи" замолчали. Воспользовавшись моментом, притаившиеся в комнате бойцы выскочили из нее и перебежали в надежное укрытие...

Перестрелка с "волками" Гелаева продолжалась несколько часов. А потом те вдруг стали отходить к ложине. Николай вначале даже не поверил своим глазам — еще недавно от-

чаянно драться за каждый метр земли "чехи" бросают свои хорошо оборудованные позиции. Что заставило их пятиться? Ага! На горизонте появились спецназовцы, пробившиеся наконец-то к батальону. Они стремительно обходили противника с фланга. Боясь окружения, бандиты отступили.

Подобный поворот событий воодушевил штурмовую группу Скапенкова. Бойцы увидели, что инициатива сейчас в наших руках. Скинув накопившуюся за эти дни свинцовую усталость, они попытались развить успех на своем участке — снова пошли в атаку. Чумазые, обросшие, измотанные боями русские солдаты, преследуя злых до остервенения "волков", сумели захватить дом за пустырем настолько стремительно, что "духи" даже не успели толком ответить организованным огнем, лишь плюнули наугад несколькими автоматными очередями...

Ближе к вечеру наши овладели еще одним домом над ложиной, в которую федеральные силы со всех сторон выдавливали гелаевское войско.

Заняв круговую оборону, группа Скапенкова открыла огонь по ложине. Точнее, по боевикам, выбежавшим из находящихся там домов, по которым стреляли наши танки.

Наиболее удобная огневая позиция была, однако, не в двухэтажке, а в бетонном сооружении на обрывистом склоне, что спускался в ложину. Оттуда все дома внизу были видны как на ладони. Поэтому здесь постоянно дежурили пулеметчик со снайпером.

"Выщелкивать" боевиков из ложины было непросто. Гелаевцы выводили из домов пленных военнослужащих и русских заложников. Танкисты их отчетливо видели и не могли открывать огонь. Били только по тем огненным точкам

противника, которые не имели такого живого щита.

Каждый разорвавшийся снаряд поднимал густое облако пыли. А танки работали практически беспрерывно...

УТРОМ 19 марта батальон передислоцировали на северо-западную окраину Комсомольского. В тот ясный, солнечный день Николай с сослуживцами в последний раз пошли на зачистку чеченского села с таким звучным, из недавнего советского прошлого, названием...

Боевая биография офицера полна и другими примерами мужества, отваги, благородства. Как рассказал мне его комбат, старшего лейтенанта Скапенкова в прошлом году в разное время трижды представляли к боевым наградам (за бои в Комсомольском — к медали "За отвагу"), к досрочному присвоению воинского звания "капитан". Только, увы, ни одно из представлений так и не материализовалось в конкретный результат — отправленные из части бумаги где-то растаяли, как тот пороховой дым над чеченским селом, где Николай не раз ходил по острой грани между жизнью и смертью, прикрывая танкистов, вытаскивая из окружения однополчан, штурмуя бандитские гнезда, оберегая в перестрелках своих пацанов...

Двойной праздник

В марте внутренние войска МВД России отметили свой профессиональный праздник. Им исполнилось 190 лет. Для Пермского военного института ВВ 2001 год ознаменовался еще одним юбилеем — 20-летием со дня образования. Совпад, эти два юбилея стали основной движущей силой ряда мероприятий, проводимых в институте.

Так, в День внутренних войск прошло праздничное мероприятие: на плацу состоялся вынос знамени военного института, торжественным маршем под звуки военного оркестра прошел личный состав, прозвучали поздравления гостей праздника. Начальник ПВИ ВВ генерал-майор В.Н. Погорелов зачитал поздравительные телеграммы и приказ о поощрении, прошли показательные выступления по профессиональному мастерству представителей факультетов. Спецвзвод, в состав которого входят самые закаленные и спортивные курсанты, открыл выступления, продемонстрировав вершины бойцовских приемов. Представители факультета автобронетанковой техники вывели боевую технику, а стараниями офицеров факультета артиллерийского вооружения небо раскрасилось салютом. Интенданты сварили солдатскую кашу, испекли свежий хлеб, угостили всех желающих, продемонстрировали образцы формы одежды, кинологи со своими четвероногими питомцами показали элементы дрессировки и захвата нарушителя.

Вечером в ДК им. А.П. Чехова при полном аншлаге прошел праздничный концерт.

Ефрейтор
Галина
КОЗЛОВА

ОБЫЧНО о командировках на Северный Кавказ бойцы этого подразделения подробно не распространяются. Пока контртеррористическая операция не доведена до конца, есть моменты, не подлежащие огласке. Поэтому рассказываем лишь о некоторых эпизодах их боевой работы. Мы заранее условились, что фамилии разведчиков не попадут в печать...

ИЗ БОЯ — В БОЙ

Майор Сергей КОРНЕЕВ

Фото Андрея ЛЕНЁВА

и Юрия ТУОВА

НА СЛЕДУЮЩИЙ день после прибытия в Чечню разведчиков направили в Грозный зачищать частный сектор. Сначала в окрестностях площади Минутка, а потом в Старопромысловском районе. До выезда на юг каждый из бойцов уже прослужил по семь-восемь месяцев...

— С утра и до вечера целую неделю прочесывали квартал за кварталом, — вспоминает снайпер Владимир, — а все остальное время охраняли командира и базу. Из-за этого практически сутками не спали. Питание — сухпай. Погода стояла отвратительная: ночью заморозки, а днем слякоть, сырость. Берцы постоянно разбухали от влаги...

К этому времени операция по освобождению Грозного практически завершилась, и в светлое время суток было уже относительно спокойно — разведчики обошлись без боестолкновений с «чехами». Боевики напоминали о себе преимущественно с наступлением темноты.

Затем бойцы охраняли в Грозном здания, помогали инженерам подрывать неразорвавшиеся снаряды, не подлежащие восстановлению дома. Неоднократно сопровождали колонны. Выезжали на усиление в Аргун. Потом стояли в поле под Алхан-Юртом. А в начале марта нескольких разведчиков во главе с командиром роты направили на бронетранспортере в составе других сил бригады на зачистку Комсомольского. Как им сказали, на один день...

— Перед обедом прибыли на окраину села, — вспоминает гранатометчик Вадим. — Нас здесь оставили в резерве, а пехота, СОБР и ОМОН пошли на спецоперацию. До наступления темноты они без единого выстрела дошли до середины Комсомольского, задержали двух боевиков. А потом войска отозвали обратно, на окраину села. И все поехали в Алхазурово. Там мы и заночевали.

Утром бойцы узнали тревожную новость: ночью боевики из крайних домов Комсомольского обстреляли блокпост ОМОНа. А затем ротный сообщил, что сегодня разведчикам предстоит серьезно поработать.

В НАСЕЛЕННЫЙ пункт они входили за батальоном оперативного назначения — начальник штаба бригады держал разведчиков возле себя в резерве.

— В центре Комсомольского, возле школы, мы спешились и заняли оборону,

— продолжает Вадим. — Рядом с БТРом другой части, на котором приехали контрактники. И стали ждать команду “Вперед!”. В глубине села — впереди, справа и слева — то нарастала, то умолкала автоматная стрельба. Информация, поступающая с переднего края, свидетельствовала, что пока все шло по плану: штурмовые группы бригады не теряли заданный темп.

Примерно через час к разведчикам подбежал наводчик-контрактник с соседнего БТРа. Из шеи у него текла кровь. Он был в шоке и кричал: “Малого ранило!” Наводчик судорожно тыкал рукой в сторону большого одноэтажного дома, находящегося метрах в двухстах, и постоянно повторял, что внутри дома — два боевика, а сразу за воротами лежит раненый водитель его бронемашин. Наконец контрактник пришел в себя, запрыгнул в свой БТР и стал долбить из КПВТ по зданию.

— Под прикрытием брони мы пошли за раненым, — вспоминает Вадим. — Метрах в десяти от дома БТР остановился. Мы открыли огонь по окнам и дверям, чтобы нохчи не могли высунуться. А раненый в шею наводчик забежал за одноэтажку саади и саданул из “Мухи” в окошко подвала...

Улучив момент, командир роты вместе с одним из бойцов подбежали к воротам и из-под них выпустили из автомата по дому несколько очередей. Ответных выстрелов не последовало. Открыв ворота, офицер и боец схватили раненого и потащили к своим. Подбежавшие к ним разведчики помогли закинуть Малого на БТР. И потихоньку стали отходить...

Только вышли на окраину Комсомольского и перенесли раненого на другую бронемашину, как по разведчикам открыли огонь из СВД. Откуда работал снайпер, определить никто так и не смог. Бойцы залегли в какой-то яме возле забора. Минут сорок “духи” не давали им подняться из вяз-

кой жижи, стреляя по веткам и ограждению.

Вскоре ротный получил команду отойти на исходную, за Комсомольское.

— Пока мы ждали там дальнейших указаний, — говорит Вадим, — удалось перекусить. Едва разобрались с харчем, показались БТРы. На броне лежали омовцы, глаза у всех закрыты. Мы подумали, что они спят после боя, а оказалось, что все — мертвые...

УТРОМ по селу работала авиация. А ближе к обеду разведчикам поступила команда “Строиться!”

— Нас распределили по группам, — вспоминает пулеметчик Алексей. — Поставили задачу — войти в село и занять крайний левый дом...

Метров за триста от Комсомольского бойцы спешились, растянулись цепью по фронту и стали ждать окончания артподготовки. Минометы умолкли минут через пятнадцать. И все опять пошло вперед.

Первую линию домов они заняли без боя. И как только к ней подтянулась бронетехника, пехота двинулась дальше — выбивать боевиков. Разведчиков же оставили на месте — охранять КП бригады.

Без дела они, однако, не сидели. По нескольку раз на день их посылали выносить с поля боя раненых и убитых.

— “Чехи” положат ночью на видное место на улице двух-трех убитых, — говорит снайпер Владимир, — а сами сидят в засаде и ждут, когда мы начнем их вытаскивать. Когда рассветало, наши группы численностью по 4-5 человек под руководством офицера или прапорщика шли за “двухсотыми”. Зачастую обстрел был настолько плотным, что мы не могли ничего сделать — под прикрытием дымов отходили назад...

Ходили бойцы и в разведку. На третий день они вычислили снайпера, засеявшего в трехстах метрах от КП в трехэтажном белом доме рядом с “зеленкой”. Пробираться к этой “занозе” через низину по открытому простран-

ву не стали — было слишком рискованно. По радиостанции запросили из резерва две БМП. Бронемшины подъехали и, сделав по десять выстрелов, разнесли это осиное гнездо в пух и прах.

НОЧЬЮ разведчиков перебросили в здание магазина, что рядом со школой. Переместиться туда удалось скрытно — нохчи не заметили ни людей, ни БТР, на котором они приехали и привезли с собой боекомплект, воду, сухой паек.

— Под утро командир сказал, что через двадцать минут пойдем дальше, в школу, и разрешил нам немного поспать, — вспоминает стрелок Алексей. — Я прилег на валявшийся на веранде матрас и накрылся с головой одеялом. Отключился сразу же, так как до этого почти трое суток не спал...

Когда рассвело, шесть разведчиков под прикрытием бронетранспортера вместе с пехотинцами и бойцами отряда спецназа пошли штурмовать школу. И с ходу овладели зданием.

На первом этаже, в крыле П-образного здания, что ближе к оврагу, разведчики заняли позиции. Сразу же заложили окна кирпичами, партами, оставив небольшие бойницы для стрельбы. И пять дней держали здесь оборону, отбивая налеты боевиков из домов частного сектора, примыкавших к школе.

— “Чехи” воевали хорошо, — вспоминает снайпер Владимир. — Днем засечь их было практически невозможно: нохчи стреляли из глубины помещений, из темных углов. В светлое время суток большей частью я видел лишь тени людей, перемещавшихся внутри домов. Попасть в них было очень трудно. Конечно, мы лушили по ним из “Мух” и РПГ, но это не всегда давало нужный результат. Тогда мы вызывали танки, и они били по выявленным огневым точкам прямой наводкой. Мне же в основном доставались боевики, которые после попадания снарядов выбегали из домов на улицу.

Участвовал Володя и в снайперской дуэли. Это было на третий день

обороны школы. Разведчикам стал досаждать снайпер, укрывшийся где-то в одном из двух полуразрушенных домов, находившихся от школы метров в семидесяти.

Володя взял стул, поставил его в полуметре от бойницы и сел. На лежащий на подоконнике кирпич положил ствол снайперской винтовки — так, чтобы тот не торчал наружу. И стал терпеливо наблюдать в оптический прицел попеременно за окнами обоих зданий, отыскивая тень затаившегося гелаевского “волка”...

Часа через два в оконном проеме полуразрушенной одноэтажки показалась часть туловища в наговской камуфлированной куртке. Солдат среагировал мгновенно — нескольких секунд хватило ему, чтобы сделать точный выстрел. Пятнистый силуэт осел почти сразу же. На боевых постах стало немного поспокойнее.

ЧЕРЕЗ два дня троих разведчиков — снайпера, пулеметчика и связиста — определили охранять комбрига.

— Он пошел впереди пехоты, — вспоминает пулеметчик Алексей, — а мы — перебежками за ним. Выдвинулись в глубь частного сектора метров на пятьсот. Почти в конце села, за мечетью, заняли оборону в шикарном трехэтажном особняке и стали дожидаться своих, корректируя огонь минометчиков...

Вскоре к ним пробились бойцы отряда специального назначения. А вот пехотинцы, продвигавшиеся на правом фланге, увязли в хорошо подготовленной гелаевцами обороне среди домов частного сектора. И только с наступлением темноты штурмовые группы мотострелков смогли выйти на намеченные рубежи.

На следующий день разведчиков вывели из села. С комбригом оставили только двух Алексеев — пулеметчика и стрелка. До окончания спецоперации в Комсомольском, завершившейся через неделю...

КРЕЩЕНИЕ НА ВОЙНЕ

Впервые за время вооруженного конфликта в Чеченской республике в пункт временной дислокации оперативной бригады Северо-Западного округа внутренних войск МВД России выехали два священника храма святителя Николая Чудотворца поселка Лебяжье — иерей отец Сергей Леликов и алтарник Василий. Последний поделился с нашим корреспондентом своими впечатлениями от этой поездки.

— Как возникла мысль поехать в Чечню?

— Отец Сергей служит не только в нашем храме, но и в Гара-Валдайском. И там из разговора с офицерами местного гарнизона он понял, что присутствие священника в воюющей в Чечне части очень необходимо.

В прошлый раз нам не удалось поехать, так как до выезда оставалась всего неделя и на согласование всех вопросов просто не было времени. Но уже тогда мы поняли, что мы в бригаде нужны. В те дни к нам подходило много солдат, и мы вручали

им крестики, молитвословы. И пожалуй, именно тогда пришло решение поехать в Чечню.

Перед отправкой на войну много воинов хотели окреститься. Тогда отец Сергей им ответил: “Не переживайте, еще увидимся”. И мы сдержали слово, приехав к ним.

— Долго ли добивались разрешения поехать?

— Командование бригады дало добро сразу. Главное — нужно было решить этот вопрос со своими семьями. Ведь в представлении обычных людей Чечня — это то место, откуда не

возвращаются. Еще необходимо было получить разрешение митрополита, чтобы оставить приход. После этого началась подготовка к поездке. Надо было собрать средства для закупки крестиков, иконок, молитвенников. И люди откликнулись, понесли последнее, узнав, для кого мы собираем средства. Священнику известно благосостояние своих прихожан. И когда бабушка приносила десять-двадцать рублей, мы знали, насколько это большая для нее сумма. Совсем юная Аннушка принесла несколько иконок и молитвослов. Уже в Чечне, просматривая их, я увидел, что там есть даже молитва для водителя. Мы и отдали ее водителю, ехавшему в нашей колонне.

Всего мы собрали две тысячи шестьдесят пять рублей и отправились на епархиальный склад. И там к нам отнеслись с большим пониманием, помогли приобрести товар, как говорится, по себестоимости. И удивительно, что на складе нашлось в единственном экземпляре репринтное издание руководства для военных священников. Уверен — это провидение Господне. В руководстве — молитвы на все случаи военной жизни. И когда мы взлетели, отец Сергей начал читать молитву за путешествующих по воздуху.

— Каковы результаты этой поездки?

— Во многих отношениях эта поездка стала пробной. Мы определили, что можем там сделать и чем можем помочь нашим, воинам. Теперь уже знаем, в чем они нуждаются. Им

необходимо рассказывать о духовных истоках героизма военнослужащих. С собой мы привезли книжку, рассказывающую о рядовом Евгении Родионове. Этот солдат попал в плен. Боевики пытали его, стараясь заставить его снять православный крест. Но воин выдержал все. Убив русского солдата, бандиты так и закопали его вместе с крестом на груди, не сумев сломить волю юноши. Эта книжка о новомученике разошлась мгновенно. Уверен, что бойцам надо рассказывать о героизме их предков, о русских воинах, воевавших под руководством Суворова, Котляревского, Ермолова.

Бывают случаи, когда воину может помочь только церковь. К примеру, один воин рассказал, что после того как убил первого боевика, тот в течение года приходил к нему во сне. В этой ситуации ему сможет реально помочь только церковь, имеющая многовековой опыт.

Всего же за время поездки мы покрестили 57 человек и еще одного на высоте десять тысяч метров, когда возвращались. Это был летчик, и обряд провели прямо в кабине пилота. Покрестилась почти вся разведрота и даже одна женщина из обслуживающего персонала.

Во время обряда меня поразили глаза воинов. Эти люди глядели в лицо смерти либо много слышали о ней. И по их глазам я видел, что это крещение полностью осознанное, твердое их решение.

Мы провели чин освящения оружия, освятили расположение бригады. Староста Гаравалдайского храма Василий Павлович Максимов в день чести вручил ее командиру икону Казанской Божьей Матери.

— Что вас больше всего поразило во время этой поездки?

— Мы были поражены удивительной доброжелательностью людей. Совершенно потрясающие люди. Герои с большой буквы. Невзирая ни на что, они совершают подвиги.

Обратил внимание на руки солдат. Не изнеженные, а большие, мозолистые руки настоящих мужиков. Еще оружие. Мы привыкли видеть на парадах чистенькое, новое оружие. А там — стертые добела ствольные коробки. Видно, что это настоящее боевое оружие.

— На ваш взгляд, высок ли моральный дух наших воинов?

— Когда летели в Чечню, то видели в глазах солдат тревогу, настороженность. Но ни тогда, ни позже не слышал испуга в словах. Всегда ощущалась собранность и сплоченность. Пожалуй, это говорит о том, что они все понимали, что делали благо дело.

Это русские солдаты. В этой обстановке в них появляется нечто, необъяснимая сила, которая заставляет, как они говорят, "мочить этих "духов".

— Намечаете ли вы еще поездки в Чечню?

— Обязательно. Едва вернулись, сразу начали планировать свою дальнейшую работу с учетом таких командировок. Если бы мы не были нужны, то не собирались бы туда вновь.

**Беседовал капитан
Сергей НЕБОРСКИЙ**

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Пять долгих лет разыскивали рядового Анатолия Калашникова его родители. Бывший боец разведбата 101-й бригады внутренних войск погиб 6 августа 1996 года в Грозном. Но опознать его тогда так и не сумели. Все это время Анатолий числился в списках пропавших без вести. Родители Анатолия не теряли надежды найти сына, ждали чуда. Но чуда, увы, не произошло. Спустя почти пять лет из ростовской лаборатории пришло в Кострому сообщение, что останки Анатолия Калашникова идентифицированы.

Сегодня в списках пропавших без вести — сотни военнослужащих. Большинство неизвестных солдат первой чеченской войны обрели покой на Богородском кладбище под Ногинском, в ближайшее время на этом мемориальном кладбище будут погребены оставшиеся военнослужащие, находящиеся сегодня в 124-й ростовской лаборатории. Хочется верить, что со временем имена неизвестных солдат будут установлены.

Сегодня вспомним тех, кто погиб в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе в нынешнем году. Вечная им память.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Список военнослужащих внутренних войск, погибших и умерших от ран в ходе контртеррористической операции на территории Дагестана и Чечни

АНДРИАНОВ Сергей Александрович, рядовой, 8.01.2001г.
АТАШЕВ Алишер Эргиневич, сержант, 13.03.2001г.
БАЛАНДИН Сергей Геннадьевич, младший сержант, 1.02.2001г.
БЕЛИНСКИЙ Денис Евгеньевич, рядовой, 4.04.2001г.
БЕЛИНСКИЙ Дмитрий Владимирович, лейтенант, 4.04.2001г.
БЕСКРОВНЫЙ Денис Николаевич, рядовой, 23.03.2001г.
БУРДА Владимир Викторович, сержант, 25.02.2001г.
БУСЛОВСКИЙ Сергей Николаевич, рядовой, 8.01.2001г.
ВОРОНОВ Владимир Анатольевич, рядовой, 2.02.2001г.
ВРАЖНОВ Андрей Васильевич, рядовой, 24.02.2001г.
ДАНЬКО Сергей Викторович, капитан, 25.02.2001г.
ДУДКО Евгений Андреевич, рядовой, 27.02.2001г.
ЕВСТЕФЕЕНКОВ Александр Сергеевич, рядовой, 26.01.2001г.
ЗОТОВ Геннадий Владимирович, рядовой, 10.01.2001г.
ИБРАГИМОВ Эльман Нариманович, рядовой, 5.04.2001г.
ИВАНОВ Александр Евгеньевич, рядовой, 1.02.2001г.
КАСЬЯНОВ Евгений Владимирович, старший прапорщик, 12.03.2001г.
КЕТЕЛЬ Антон Рудольфович, рядовой, 16.01.2001г.
КЛЕШНЕВ Сергей Юрьевич, капитан, 26.02.2001г.
КРОЕВСКИЙ Виталий Александрович, сержант, 19.02.2001г.
КРОПОТОВ Максим Сергеевич, рядовой, 13.02.2001г.
КУДИНОВ Николай Владимирович, рядовой, 23.01.2001г.
КУЛАГИН Сергей Александрович, младший сержант, 30.03.2001г.
ЛИТВИНЕНКО Александр Геннадьевич, сержант, 18.03.2001г.
МАТВЕЕВ Дмитрий Александрович, прапорщик, 7.01.2001г.
МОЖАЙКИН Владимир Михайлович, младший сержант, 9.04.2001г.

ПИШОХА Александр Валентинович, майор, 21.01.2001г.
ПОЛОНИН Денис Валерьевич, рядовой, 6.04.2001г.
ПОМПШЕЕВ Владимир Александрович, рядовой, 4.04.2001г.
РОМАНЦЕВ Константин Николаевич, старший сержант, 7.01.2001г.
РЫБИН Вячеслав Сергеевич, рядовой, 7.01.2001г.
СЕРГЕЕВ Александр Александрович, младший сержант, 19.02.2001г.
СКОБЕЛЕВ Валентин Иванович, рядовой, 9.01.2001г.
ТУНГАТОВ Ренат Рамитович, младший сержант, 7.01.2001г.
УСТИНОВ Геннадий Алексеевич, капитан, 25.02.2001г.
ЧУХРОВ Евгений Владимирович, рядовой, 1.04.2001г.
ШАШКОВ Андрей Александрович, рядовой, 3.01.2001г.
ШИБАЕВ Алексей Николаевич, младший сержант, 3.02.2001г.
ШРАМ Сергей Викторович, подполковник, 20.03.2001г.
ЯКУШЕВ Павел Валерьевич, ефрейтор, 29.03.2001г.

Работа над Книгой памяти военнослужащих внутренних войск продолжается. Свои воспоминания о боевых друзьях, родственниках, которые служили во внутренних войсках и погибли при исполнении воинского долга, их фотографии присылайте по адресу: 107120, Москва, Сыромятницкий пр., 8. Редакция журнала "На боевом посту", Колесникову Сергею Сергеевичу.

Публикацию подготовили
полковник Александр КОНЯЕВ
и подполковник Сергей КОЛЕСНИКОВ

Героические имена не забываются. И вопреки нередким высказываниям, бескомпромиссным камнем летящим в адрес нынешнего молодого поколения, о том, что юная Россия не знает своих героев, актовые залы школ, Дворцы культуры сегодня наполняются не только «клубящейся» порослью, но и ветеранами Великой Отечественной, Афганистана, Чечни, Таджикистана. Их боевые рассказы, воспоминания вызывают живой интерес и душевный отклик у молодежи.

Вспоминания рядовых пера

Именно так прошла встреча с военными журналистами, которых пригласила средняя школа № 11 подмосковной Балашихи. «Рядовые пера» — так называли в выступлениях людей этой удивительно интересной, но и опасной профессии. Профессии, представители которой нередко остаются как бы в тени, за кадром. Зато живут снятые ими на войне кадры, их строки. Об этих людях, в которых Бог соединил талант, красноречие журналистов и отвагу воинов, мы, к своему стыду, знаем немного. А между тем их судьбы зачастую складываются не менее героически, а порою и трагически, чем судьбы самых доблестных защитников Отечества.

14 февраля нынешнего года, открывая митинг, посвященный памяти воинов-интернационалистов, глава Балашихинского района Владимир Геннадьевич Самоделов высказался за необходимость создания музея локальных войн и вооруженных конфликтов. На территории района дислоцируются штаб

войск ВВС и ПВО страны, Военно-технический университет, старейшее соединение внутренних войск — ОДОН (знаменитая Дзержинка) и другие части и подразделения. Кроме того, здесь активно работают военно-патриотические объединения молодежи — клуб «Атлант» (руководитель А.Евсюков) и МООО «Патриот» (руководитель В.Сальковский). В нашем городе и районе по-прежнему актуален и справедлив позабытый кое-где лозунг «Народ и армия едины».

И встреча в нашей школе стала еще одним красноречивым подтверждением тому, что люди в погонах — для нас всегда желанные гости.

Актовый зал был оформлен торжественно и строго. Несколько стендов заняла выставка фронтовых снимков фотокорреспондента журнала «На боевом посту» Олега Смирнова, который был ранен на чеченской войне и удостоен ордена Мужества. Живые цветы — рядом с портретами военных журналистов, героические судьбы которых и были главной темой встречи.

Запомним их имена:

старший лейтенант Анатолий Ягодин, корреспондент журнала «На боевом посту», талантливый поэт,

полковник Владимир Житаренко, ведущий репортер из «Красной звезды»,

майор Валерий Глезденев, служивший в газете Туркестанского военного округа «Фрунзевец»,

майор Владимир Долгих из газеты Приволжского военного округа «Солдат Отечества», погибший в своей последней командировке в 201-й дивизии в Таджикистане,

рядовой Антон Круглов, до призыва во внутренние войска работал телеоператором на «Петровке, 38»,

капитан I ранга Александр Лоскутов из журнала «Морской сборник».

Они погибли во время проведения боевых действий, рядом с солдатами и офицерами, сражавшимися за интересы Отечества. Вечная им память!

Их боевые товарищи и коллеги полковники Ю.Кислый и Б.Карпов, капитан I ранга

А.Молчанов, подполковник С.Колесников, подполковник милиции В.Бирюков, полковник запаса В.Харченко поделились воспоминаниями о своих коллегах, достойно, до конца исполнивших профессиональный, воинский долг.

На встречу пришли вдова Александра Лоскутова Клавдия Николаевна и его сын Александр, курсант Военного университета, решивший продолжить дело отца на трудной стезе военного журналиста. Слово о сыне сказал и отец Антона Круглова Юрий Иванович.

Участник боевых действий в Афганистане полковник В.Беркут высказал правильную мысль о том, что военным журналистом может быть только человек с сильным характером.

А священник Преображенского храма города Балашихи отец Михаил отметил, что сохранение памяти о воинах, погибших «за други своя, за Отечество — дело богоугодное, достойное».

Военные журналисты обещали оказать посильную помощь в организации музея ло-

кальных войн и вооруженных конфликтов. В частности, для будущей экспозиции «Рядовые пера» уже переданы книги, журналы, газеты с публикациями тех, кого вспоминали в тот день. С.Колесников от имени редакции «На боевом посту» вручил первому заместителю главы Балашихинского района выставочный вариант прекрасной фронтовой фотографии «Батарея! Огонь!» Валентин Николаевич Братков под аплодисменты произнес: «Вот достойный экспонат

для нашего будущего музея!»

Встреча была особенно полезна членам школьного кружка юных корреспондентов. Мы воочию увидели тех боевых журналистов, на которых должны равняться, познакомились с героями наших будущих газетных публикаций.

Теплая, душевная встреча завершилась. Но для кого-то из ребят она станет, быть может, началом их новой стези — журналистской. Завет фронтовых корреспондентов — «жив ты или помер, главное, чтоб в номер материал успел ты передать» — запал и в наши души. А кого-то из мальчишек и девчонок состоявшийся разговор на серьезные темы наверняка заставит пересмотреть и свои жизненные ориентиры.

Спасибо нашим учителям, спасибо районной администрации, спасибо нашим дорогим гостям за проведенный урок гражданственности, мужества, патриотизма.

Ирина ШАБАНОВА,
 учащаяся средней школы №11
 Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

г. Балашиха

Любое благое дело полезно начинать с молитвы. Это свято учел московский композитор Анатолий Доровских, задумав интересный проект под названием "Колонна". Новый аудиоальбом, посвященный воинам Российской армии, внутренних войск, сотрудникам внутренних дел, выполняющим боевые задачи на Северном Кавказе, открывает "Молитвой" всенародно популярная Людмила Гурченко: "Мой сынок, на какой из чужих дорог стынет сердце твое на снегу? Я молитвой тебе помогу..."

Звезда осенила "Колонну", и, как говорится, боевое подразделение взяло хороший рабочий темп. За второй лирико-патетической песней А.Доровских — "Родина" — начинается та часть сборника, которую можно назвать собственно фронтовой, окопной. Семь песен (ровно половина, причем лучшая) написаны сержантом внутренних войск МВД России Марианной Захаровой — "Колонна", "Южный крест", "Машенька", "Братья мои, братики" "Сергея", "Гимн спецназу", "Мы сегодня в аду". Они уже знакомы широкой аудитории нынешних фронтовиков-кавказцев по многочисленным концертам автора в Чечне, по сотням любительских записей, сделанных там и расходящихся по России "в списках"...

Обычно выступающая под свою гитару, с новой кассеты Марианна зазвучала по-иному — в инструментальном сопровождении, с витиеватой кое-где аранжировкой, в дуэте с самим Анатолием Доровских.

Автор проекта не промахнулся, распределив самый ценный груз в середине колонны, сделал главную ставку на Марианну Захарову, которая вынашивала

**Сержант
Марианна ЗАХАРОВА:**

"Сегодня я в колонне — первый..."

свои песни на войне и, слава Богу, вынесла их с войны. "Сегодня я в колонне — первый", — поет она от имени паренька-водилы, от своего имени... И это правда. За плечами этой хрупкой женщины несколько месяцев, проведенных в воюющих подразделениях в первую и вторую чеченские кампании. И водила, который в колонне первый, и друг Серега, и медсестра Машенька, и братики-солдатики из войскового спецназа — это все ее фронтовые друзья. Она их не придумала, она их встретила на войне. Кто жив, кто ранен тяжело, кто погиб, но все — ее боевые товарищи. Песня о них не может быть механически-бездушной, трафаретной. Никакие микрофоны, синтезаторы, никакой аранжировщик не помогут создать образ русского солдата-окопника, если не видеть его ТАМ, если не похлебать с ним из

одного котла, если не пройти с ним хотя бы пару раз в колонне через всю Чечню...

Анатолий Доровских в Марианне, в своем "Первом", не ошибся. Она весь путь прошла уверенно. Взял он в свое, говоря военным языком, сводное музыкальное подразделение еще двух женщин — Н. Лемещенко и И. Астапкину. У этих авторов высокие, по всему, претензии заявлены в названиях их произведений — "О жизни" (?! — Б.К.), "Славяне". Первая советует "раскрошить тревогу, словно хлеб голубям... рассказать о горе хорошим друзьям, успокоить душу, да и самому послушать о жизни хороших друзей". У второй "опять в уголке вспоминальных дыр (?! — Б.К.) на одном волоске держится весь мир", а "из жил истекает Русь". Вот такое "Колонне" замыкание. Но, слава Богу, дошли...

В художественном оформлении кассеты использованы фронтовые работы известного фоторепортера Олега Смирнова и стихи погибшего в Чечне военного поэта старшего лейтенанта Анатолия Ягодина. Все это тоже работает на главную идею проекта — сделать достойный музыкальный подарок нашим бойцам и командирам, воевавшим и воюющим в Чечне. Что ж, поздравим личный состав музыкальной "Колонны" с благополучным преодолением долгого пути и прибытием к массовому слушателю. Но кассетам этим предстоит еще долго, без устали крутиться, как колесам испытанного друга-бэтээра. Эти песни будут слушать. Так что, едва отметив прибытие, пожелаем "Колонне": "В добрый путь!"

Полковник Борис КАРПОВ

Фото подполковника
Сергея КОЛЕСНИКОВА

Герой Российской Федерации подполковник медицинской службы Петр ЗАХАРЧУК

В свою первую командировку на войну военврач Захарчук поехал еще в январе 95-го. Чеченская кампания только-только начиналась. Уже тогда он сделал для себя вывод: если боевые действия не будут прекращены, война быстро не закончится. И жертв будет много. Это было видно из ожесточенного сопротивления сепаратистов. Сутками Петр Михайлович не отходил от операционного стола, возвращая к жизни молодых ребят. Ему доводилось лично возглавлять эвакуационные команды и вывозить из-под обстрела тяжелораненых, с боями прорываться через засады.

6 марта 1996 года во время наступления боевиков на Грозный подполковник Захарчук с риском для жизни оказывал первую медицинскую помощь раненым и организовывал их эвакуацию из районов боевых действий. При вывозе раненых с КПП-14 бронетранспортер, в котором находился военный медик, трижды попадал в засаду. Дважды нападение отражали. В третий раз бронетранспортер был подбит из гранатомета. Подполковник Захарчук организовал эвакуацию раненых. Прикрывая отход подчиненных, офицер получил смертельное ранение.

Начальник медицинской службы Восточного округа внутренних войск МВД России подполковник медицинской службы Захарчук Петр Михайлович был награжден орденом "За военные заслуги". Звание Героя Российской Федерации присвоено ему 18 ноября 1996 года (посмертно). Приказом министра внутренних дел России зачислен навечно в списки личного состава части.

ГРОЗНЫЙ

Герой Российской Федерации лейтенант Алексей ПАЛАТИДИ

6 сентября 1999 года лейтенант Алексей Палатида вместе с сослуживцами прибыл в Дагестан. 10-го утром роте была поставлена боевая задача - обеспечить прикрытие основных сил войскового оперативного резерва, выдвигающегося на Гамиях. Именно в этом районе сосредоточились наиболее боеспособные банды, прекрасно вооруженные, возглавляемые полевыми командирами, уже имеющими боевой опыт. Беда, если в устроенную ими засаду попадет колонна боевой техники: бэтээрам там нет места для маневра. Разведка должна выявить противника и, если потребуется, принять огонь на себя. И она эту задачу выполнила. Боевики весь свой огонь сосредоточили на группе Палатиды. В сложившейся обстановке командир взвода не растерялся, своевременно дал подчиненным команду занять выгодную позицию для отражения нападения боевиков. А сам, отвлекая огонь противника на себя, быстро сменил позицию. Завязался бой, который был коротким, но ожесточенным. Будучи тяжело раненным, Алексей не покинул поле боя, и только после того как потерял сознание, боевики смогли захватить его в плен.

Бандиты пытали мужественного офицера. Не добившись от него никаких сведений, они убили Алексея Палатиду, но и этого им показалось мало, они обезобразили тело и лицо офицера до неузнаваемости. После боя товарищи смогли опознать мужественного офицера только по его личному номеру...

Указом Президента РФ 22 декабря 1999 года лейтенанту Палатиде Алексею Ивановичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Приказом министра внутренних дел он навечно зачислен в списки личного состава части.

Герой Российской Федерации рядовой Александр ЧЕРНЫШОВ

9 декабря 1999 года колонна одной из частей Северо-Кавказского округа внутренних войск выдвинулась в Малый Бамут. Когда дорога подошла вплотную к лесу, "зеленка" неожиданно ошетижилась огнем. На помощь нарвавшейся на засаду головной походной заставе двинулась разведрота. Был в ней и рядовой Александр Чернышов со своей снайперкой. Бронетранспортер, в котором находился Чернышов, был подбит выстрелом из гранатомета. Под прикрытием дымовой завесы личный состав спешил и открыл огонь по боевикам. Да только тяжело отбиваться попавшей в засаду колонне, попробуй определить, где противник и откуда по тебе стреляет. Вот и палят бойцы из всех стволов, в надежде поразить противника. Снайперу так действовать не пристало. Александр залег, изготовил снайперку и стал через прицел наблюдать за "зеленкой". Вроде и скрыт враг от тебя, но вот за кустом ясно проявилась вспышка, и тут же пробарабанила по борту БТРа очередь. Приклад прижат к плечу, палец снайпера лег на спусковой крючок. Он дождался второй очереди, и когда в кустах мелькнуло пятно, выстрелил наверняка. Пулемет замолчал.

А бой продолжался. Не сумев разгромить колонну, боевики решили обойти ее с фланга, нанести удар оттуда и захватить раненых военнослужащих. И уже здесь снайпер Александр Чернышов сумел показать свое воинское искусство. Да только стрелял по наступающим боевикам с разбором, выискивал в прицеле, кто боевиками командует...

Из того боя наши военнослужащие вышли победителями. И это во многом благодаря снайперу разведки Александру Чернышову. Командиры представили храброго солдата к государственной награде. Звание Героя Российской Федерации рядовому Чернышову Александру Викторовичу присвоено 4 февраля 2000 года.

Герой Российской Федерации сержант Александр БЕЛОДЕДОВ

В последние декабрьские дни 1999-го боевики устроили в Грозном целый каскад ловушек, засад, капканов для федералов. Зная это, командование группировки, командиры частей предпринимали все меры предосторожности, чтобы обезопасить личный состав. Впереди, как и полагается, шли саперы.

Сержант Александр Белодедов находился в составе группы разминирования и выполнял задачу по инженерной разведке местности, обеспечивая безопасный проход основных сил батальона. Пройдя очередной рубеж, группа разминирования и следовавшая за ней разведгруппа подверглись сильному минометному обстрелу со стороны вооруженных бандитов. В сложных условиях, сопряженных с риском для жизни, сержант Белодедов занял выгодную позицию и вступил в бой с противником. Поддерживая продвижение группы огнем из автомата, лично уничтожил одну из огневых точек бандитов. В разгар боя Александр увидел, что младший сержант Юрий Легенчук получил тяжелое ранение, и бросился на помощь своему боевому товарищу. Вынося его с поля боя, попал под перекрестный огонь противника и получил смертельное ранение...

За мужество и отвагу, самоотверженные действия на поле боя 24 июня 2000 года сержанту Белодедову Александру Николаевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Олег Смирнов фотографирует ГРОЗНЫЙ ГОРОД

Сам фотохудожник хотел назвать подборку из двадцати четырех черно-белых фотографий так, как выносилось-выстрадалось-вышутилось ТАМ, в Грозном, — "Город на букву "Г". Но выставка-то устроена музеем архитектуры, который е-пей,ловским кодированием именуется сегодня как schusev@muag. Куратор проекта "24" Юрий Аввакумов предложил выставке Смирнова свое название — "Город-Герой". Именно с таким нарочито вычурным написанием, дабы не спугали русскую крепость Грозную, ставшую впоследствии столицей Чечено-Ингушской АССР, с советскими городами-героями, известными прежде всему миру за свой невиданный стоицизм, с которым отбивали фашистов в 1941—1945 гг. Увы, нынешние школьники-россияне вряд ли перечислят те города-герои (иные — Киев, Минск, Брест, Одесса — остались вне Отечества, а русский Севастополь на положении какого-то изгоя-изолянта). Зато Грозный сегодня знают все.

Но и не знает его никто — парадокс смутного времени, один из парадоксов непонятной войны. Ни коренные мирные жите-

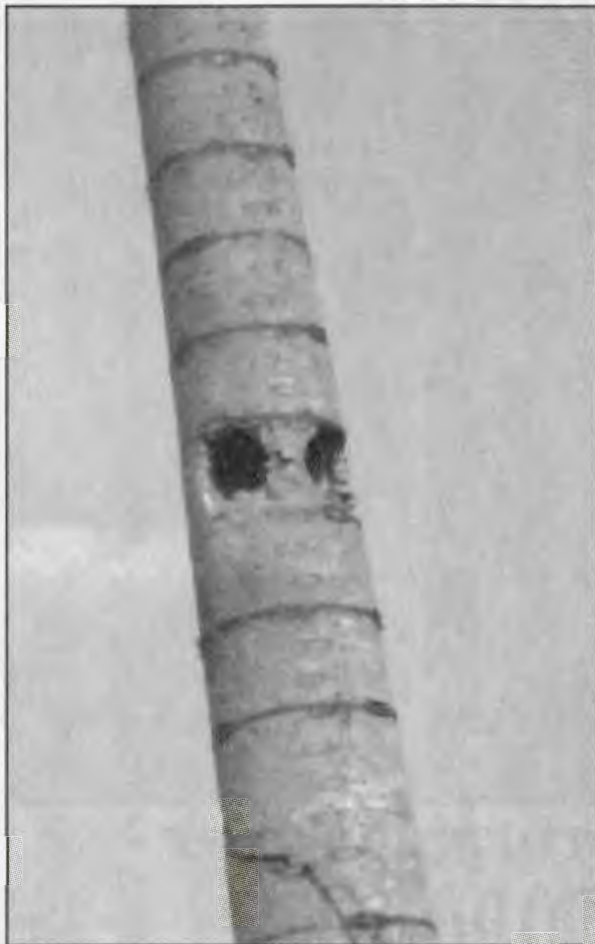

О. Смирнов знакомит с выставкой критика Л. Аннинского

ли (встречал таких, кто ни на один день не уезжал оттуда, выдержав две войны), ни потомственные аб-реки, ни его мэр Бислан Гантамиров, ни проводившие там многие месяцы военные не знают Грозного, потому как переменчив он. Неопи-суемый Грозный — неопознан, не-познан...

Грозный стал не только терри-торией войны, где оперируют во-енные люди, спецслужбы, проку-ратура. Город-призрак в очеред-ной раз восстает из руин и пепла и становится объектом экономичес-ких вливаний-влияний, научных, политологических и культурных исследований-мудрствований. Уже оттуда грозят России санкци-ями люди и лорды с вывеской-путалкой ОБСЕ и ПАСЕ, а запо-литкованные дочерна новые газеты тужатся до угрозы выпадения кишок замордовать русского солдата (не говоря уж об офи-церах и генералах), довести до будановских сердечных присту-пов...

Спросите, а при чем тут фотографии Олега Смирнова? Да при том, что смирновские карточки все берут в качестве иллю-страций при этих же рассуждениях о чеченской войне. И тол-кует-толкуют-комментируют военные фотки как кому взбре-

дет-взбрендит... По изображению пробитой кирпичной трубы или горящего факела бесхозного газа могут вывести свою философию...

Куратор фотопрограммы "24" Юрий Аввакумов пишет в пресс-релизе к выставке Олега Смирнова:

"Странно находить общее в поведении японского туриста, посещающего, к примеру, развалины древнего Карфагена, и российского солдата, патрулирующего Грозный, кроме того, что общим фоном для одного и другого служат руины города. Оба они лобят на этом фоне позировать. Карточки "на память" украсят потом фотоальбом путешественника, так же как дембельский альбом нашего легионера. Просыпается ли в туристе римский император Катон Старший, каждую свою речь заканчивавший, как известно, призывом разрушить Карфаген, или в солдате пробуждается японский бог, заставляющий фотографироваться возле любой древности — черт знает. Карфаген, в переводе с исчезнувшего пунийского — Новый Город, не всегда был древним в своей 1,5-тысячелетней истории. 130-летний Грозный никогда не был чеченской туристической достопримечательностью. Теперь они — города-герои, и потому, как сражались, и потому, как их теперь фотографируют. Местные жители в съемках солдата-туриста на фоне города, как правило, не участвуют".

Олег Смирнов фотографирует ГРОЗНЫЙ ГОРОД

Все-то смешалось в этом пассаже-руине: и японец с русским солдатом — туристы, и оба разрушенных города — Карфаген и Грозный

одинаково прозваны героями... Можно было бы оставить без внимания муарово-расплывчатые рассуждения устроителя о своем интересном по замыслу проекте. Надо думать-размышлять над тем, что с нами происходит, что вокруг творится. Полагаю, задача ведь не ставилась — полюбоваться руинами советского города, к тому же никогда, по утверждению Ю. Аввакумова, не входившего в число достопримечательностей Северного Кавказа. И то верно — мы же не некрофилы, чтобы искать удовольствия на могилах. Как один из персонажей, запечатленный на фоне руин дудаевского дворца в Грозном, смею уверить г-на Аввакумова в том, что никакой японский бог (?) во мне не пробуждался, в меня не вселялся, ибо крещен я по православному именно на войне. И в души других русских солдат не надо заглядывать в поисках чужих богов. Искусствоведческие изыски ведите себе в удовольствие — стройте проекты хоть в модерне, хоть в сюрре — вольному воля...

Но не надо драпировать и без того страшные грозненские руины искусствоведческими изысками с использованием кровавой, тяжелой для многих сердец фактуры. Грозный будет, я полагаю, городом-героем для дудаевских бандформирований. Мне привелось даже держать в руках медаль "За оборону Грозного", отчеканенную именно для воинов Аллаха, вступивших

на тропу джихада. Награда предназначалась для тех, кто не пустил в советский, российский город российских же солдат (Аввакумову, сравнения которого нисходят (или воспаряют) аж к Карфагену, понадобилось назвать нас, российских военных, "легионерами" (видимо, искусствоведу красивше так). Да, в боях за этот город на букву "Г" Героями России стали многие наши военные (есть среди них и добрые знакомцы самого Олега Смирнова), бои здесь были страшные в новогоднюю ночь на 95-й, в марте и августе 96-го, в декабре 1999-го — январе 2000-го... Так что признать Грозный город героическим по причине стойкости его защитников-дудаевцев — значит бросить тень на истинных героев России, на наших солдат, штурмовавших чеченскую цитадель по присяге, по приказу своего Верховного...

А уж утверждение о том, что местные жители не участвовали в съемках — просто неправда от незнания ситуации. Мы со Смирновым воочию видели, как предприимчивыми чеченцами уже летом 95-го была налажена целая сеть фотосервиса в центре разбитого Грозного — "Полароиды" щелкали очередями, запечатлевая военных на фоне дудаевского дворца и других живописных руин. "Гордые" чеченцы никогда не гнушались заработать на русском солдате, втридорога впарив ему сигареты и хлеб, самопальную водку и украденные в покинутых русских домах магнитофоны, часы и все такое прочее...

Олег Смирнов фотографирует ГРОЗНЫЙ ГОРОД

Вспомнить о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах. Грозненцы-беженцы, нет сомнения, прольют слезу от одного лишь фотовзгляда на родные пепелища.

На той войне (даже раньше — еще в Карабахе) я приобрел в лице Олега Смирнова надежного боевого товарища. Сам он из книжного художника-графика стал фронтовым фоторепортером. В Чечне мы получили знание войны. Смирнов, в довесок — снайперскую пулю в живот и серебряный крест ордена Мужества на грудь. На войне как на войне...

Когда картинки с войны вывешивают в музейных залах в центре красивой Москвы, рядом с Ленинкой, где ходят опрятно одетые, сытые люди, озабоченные своим культурным, духовным обогащением, становится понятным девиз серии выставок, где поучаствовал Олег Смирнов: "Фотография — архитектура, архитектура — фотографии". Иными словами — "искусство ради искусства".

А мы рады были увидеться на выставке с нашим Олегом Смирновым, увидеть себя и боевых друзей, запечатленных на фоне чеченских руин. Да, было и такое в нашей жизни...

Спасибо, Олег, что сохранил те мгновения!

Тимофей СИБИРЦЕВ

Марианна ЗАХАРОВА

«ВЛАСОВЕЦ»

Рассказ

Ну вот, Васек, сегодня уже 1 июня 2000 года от Рождества Христова. Вишь, время как мчится, аки наш партизанский боевой конь Орленок. Ты помнишь Орленка? А ведь он не Орленок, а чистый Орел был. Как он нас двоих тогда, в 43-м годе, от мотоциклеток фашистских вынес! Истый небесный конь с крылами. Я давеча в книжке Сережкиной, внука мово, такого видел. Один к одному наш Орленок. А фрицы-то леса нашего как геенны огненной боялись, аспиды. И правильно боялись. Он ведь только с виду был лес — деревья, кусты, травы да грибы, а пулями плевался и жалил насмерть.

Ты, Васька, прости, что в прошлом годе я к тебе не приходил. Настасья моя все лето хворала, не мог я ее оставить, тяжкая она была, шибко хворая. Паралич ее разбил аккурат через неделю после Пасхи. До самых октябрьских промаялась. А к октябрьским вроде чело у ней просветлело, чисто у ангела,

и глаза стали прозрачные такие и ясные, как майское небо. Баньку истопить попросила. Истопил, свез ее на тележке. Сам-то отнести я уже и не смогаю. Да и Настасья-то моя крепче меня была, сдобная, почти центнер весила. Ну намыл я ее, напарил, в избу привез. Картохи наварил, огурцов из-под клетки достал. Усадил ее за стол, а она, голубка моя, сидит, улыбается. Светло так, будто благодать на нее снизошла. Будто знает она что-то такое теперь, отчего в душе птицы райские щебечут. Откушала со мной с легким паром Христа ради. Положил я ее, болезную, на кровать. Ну, думаю, смилостивился Господь, на поправку пойдет. А она ночью преставилась. Тихо ушла, во сне. Хорошо, что во сне. А мне в это время сон приснился. Настена моя в юбке своей нарядной кашемировой, в белой кофточке с оборочками, да в платке материнском, что в сундуке хранила, целует меня и говорит: "Я уж, Степушка,

пойду, пора мне, а ты Васю-то найди, нехорошо это, что один он, не по-людски”.

И ушла, проснулся я, сам ее зову, а в избе тишина, только ходики тикают. Подошел я к ней, а она похолодела уж вся, лежит, будто спит, и во сне улыбается. Похоронили ее, как полагается, на нашем погосте, рядом с ее родителями. Я даже в Сосновку сходил к батюшке в храм, чтобы помолился он за упокой души новопреставленной Анастасии. Батюшка-то сам тож в годах, как и мы с тобой, 15 верст не осилит, ежели пешком. А ехать нечем. Колхоза нашего нынче нет. Да и у нас таперя одно название, что село. Восемь бабок. Да я — старый пень. Как кочет в курятнике, только вот все пеструшки старые, да и я не топтун. А больше в селе и нет никого. Ни ребятишек, ни молодых. Все нынче в городе. Но бабки-то, я тебе скажу, даром что старушки — божьи одуванчики. Маруська Фролкина давеча меня все в гости звала, причем, Васек, куртуазные мне глазки строила. Но я Настене верен. На Маруськины провокации не поддамся. Их восемь, а я один. Порты с рубахой и сам себе выстирать смогу. Этим меня не заманишь. Эх! Вдовушки — забубенные головушки.

А потом, как Настена преставилась, зима настала. Аккурат в тот день, когда ее хоронили, снег пошел. Принял к себе Господь светлую ее душу. Оно ведь завсегда так. Когда хороший человек умирает, или дождь идет, или снег. Ангелы плачут. Да и в тот, наш с тобой последний бой, считай, с самого утра как зарядил дождь, так кряду три дня и лил не переставая. Эва сколько тогда наших полегло. Крепко нас фрицы побили. У меня рана, считай, 50 годов, а к непогоде завсегда ноет. А я ведь думал, что капут мне полный, не доживу я до нашей полной и решительной Победы. Ан нет. Господь по-своему распорядился. И детей нажил я, и внуков. Да, сколь землицы я нашей перелопатил да хлебов вырастил. Я ведь, Вася, после войны точно проклятый все хлебушек сеял да растил. Очень я голод тот проклятуций ненавижу. Помнишь, как кору толкли да желуди, чтобы лепехи испечь. Лес-то, он добрый. Не дал в лихую годину околеть с голоду, и тут выручил. Прокормил с Божьей помощью. Дак ведь и лечил он, лес-батюшка. Помнишь, как Валюха — сестричка наша партизанская — тебе рану всю мхом-лишайником забила. Орал ты на нее, что сгноить она тебя хочет, а она знала, что спасает. Выходила тебя тогда, охальника, мхами. Эх, и деваха была ядреная, нравилась она мне до хруста зубовного. Да она всем нравилась. Только тебя почему-то она выбрала. До сих пор понять не могу, чем ты ей глянулся. Рыжий весь, конопатый да щербатый, чистый бес.

И впрямь говорят, чужая душа — потемки, а уж бабья — тьма и есть. Я ее в 70-м годе нашел, возле той сосны, где вы с ней хороводились. Схоронил на нашем погосте, чин чинарем. Родни-то у ней не было. Сирота она была детдомовская. Мы с Настеной ее рядышком с родителями Настениными положили. Пусть хоть после смерти при семье побудет, маятная. А узнал я ее по ножкику маникюрному. Помнишь тот трофей, рыжая бестия, что у фрица в ранце нашел и ей подарил? Она его в руке так и держала. По нему и опознал я ее, горемычную.

А погост у нас, Васек, большой. Все наши почти там и лежат. Я ведь все пятьдесят годов каждое лето хожу в наш лес да ищу ребят. А как найду, так косточки на погост и несучу. Чтоб по-людски, в могилку, в домовине. Я ведь, почитай, сам лучший мастер ночеча во всей округе по домовинам. У меня и заказчиков много. Все в моей колыбели вечной хотят лежать. Вот так-то.

После боя того Настена меня, раненого, в избу свою взяла и выходила, а те, кто уцелел, вместе с Красной Армией дальше немца погнали. Гд, почитай, я провалился, как колода, стыдно сказать, даже до ветру сам сходить не мог. Настена и тут спасала. Вот ведь жизнь. После Победы уж пошла она в сельсовет документы мне, как участнику-партизану, выправлять, а ей говорят — не положено, потому как я во второй ударной числился, значит, власовец я, предатель Родины. Пусть сидит, говорят, тихо и не высовывается со своим прошлым, а то вместо бумажки дадут лет 15 высылки по этапу туда, куда Макар телят не гонял. Подумали мы с Настеной, а и ладно. Жив, здоров и на том спасибо.

И тут мне мысль такая в голову пришла. Коли я "власовец" и "предатель", так и ребята наши, что в том бою полегли, тоже "супостаты". Я им живой не нужен, а мертвые так и подавно. Что жа, думаю, и будут они там без почестей и отпевания, как нехристи какие, гнить? Нет, думаю, шалишь! Вот оно зачем меня Господь в живых оставил! Промысел Божий! Вот и живу, покуда всех не найду!

Ты, Васек, не думай, я ведь про тот твой перелом ноги помню. Срослась она у тебя не так. Кривовата была нога твоя правая. Я ведь тебя по той ноге и ищу. И найду, ты не дрейфь. Не брошу я тебя. Будем мы все вместе, мое слово верное. А домовину я тебе какую состругал и ситцем алым оббил — загляденье! А как найду я тебя, к Валюше положу, рядышком. Любила она тебя, оглашенного. Ну да ладно. Поел я, с тобой побеседовал. Вот сейчас харчишки соберу и пойду тебя искать. Семь верст еще идти.

Если хожко пойду — к полудню доберусь. Ничего, Васек, ничего! Где наша не пропадала.

ШУХРАТ ХУСАИНОВ

Шухрат ХУСАИНОВ служил срочную во внутренних войсках, участвовал в первом чеченском походе. А до этого он закончил чирчикское медучилище, прослушал практически весь курс Самаркандского мединститута, поработал в мастерской днепрпетровского художника Бориса Мухина, написал несколько песен, которые сам же пел под гитару. Это и выделило Шухрата во время службы. Он стал лауреатом нескольких конкурсов авторской песни. Не расстался с гитарой и на гражданке, к тому же два года назад в Харькове выпустил книжку стихов и песен "Вдоль линии руки".

БОРОЗДА ОТ НЕБА ДО НЕБА...

 Все это со мною —
 и горький мой хлеб,
 И думы о судьбах
 несчастной планеты,
 Гитара, уснувшая
 в новом чехле,
 И боль за грудиной,
 и три сигареты...
 И жизнь,
 что оплачена
 честной ценой,
 Которую трудно прожить
 интересней,
 И фото в кармане,
 и тамбур ночной,
 И песни,
 которые вовсе не песни.

 Плохо, что устали ноги,
 Что так дальше жить
 нельзя...
 Хорошо, что есть дороги,
 Перекрестки и друзья,

Переезды, перегоны
 И курящий у столба
 Я, отставший от вагона,
 Я, уставший от перронов,
 Где не ждет меня судьба...

И когда меня чуть строго
 И чуть слышно позовут,
 Я, наверно, встречу Бога,
 И в глазах его мелькнут
 Переезды, перегоны
 И курящий у столба
 Я, отставший от вагона,
 Я, уставший от перрона,
 Этой станции — Судьба.

 Время идет,
 а шедевры не пишутся.
 Жизнь разменял,
 а любви — ни на грош.
 Каяться — грех,
 коль грехами не дышится,
 Скатертью путь,
 да не сразу пройдешь.

Тайна дорог —
 есть в ней что-то бермудское,
 Шаг за порог —
 и пропал на века...
 Кто-то в Ташкент,
 кто-то срочно в Иркутск, а я
 Сквозь города все теку,
 как река.

Лица друзей смоем волнами
 времени,
 Лица подруг
 изомнет суета...
 Глупо ловить взгляды юного
 племени —
 Эта судьба не твоя
 и не та.

Годы летят. А шедевры
 не пишутся —
 Наши сердца свято тайну
 хранят...
 Ветры поют. Занавески
 колышутся.
 Все, как всегда.
 Все, как после меня.

ПИСЬМО БАРИНУ

Эх, крестьянская горькая
доля —
Борозда от неба до неба...
Сколь свинцом ни засевай
поля,
Поле все одно взойдет
хлебом.

А как полюшко взойдет
хлебом,
Чьим знаменам
в поле том виться?
Сколько, барин, ни дели неба,
А живут в нем все одно
птицы.

Что ни барин —
бедняку горе...
Не на плуги пущен пласт
рудный.
Сколько, барин, ни дели моря,
А дышать в нем все одно
трудно.

Я, как ты,
три раза в день ем ли?
Будет, барин, воевать!
Будет!
Сколько, барин,
ни дели землю,
А живут на той земле люди.

Их крестьянская горька
доля —
Борозда от неба
до неба...
Сколь свинцом ни засевай
поля,
Все одно —
взойдет земля хлебом.

ЯНТАРИК

Желтый нимб фонаря —
вот и вся в Заполярье заря,
Самолет через час,
но не бойся — я вмиг соберусь.
Все богатство мое —
два письма да кусок
янтаря,
В серединке которого

вместо комарика —
грусть.

Я топил
в неоткрытых проливах
свои якоря
И на стеклах замерзших
писал,
что к апрелю вернусь.
Только сердце мое
превращалось
в кусок янтаря,
В серединке которого
вместо комарика —
грусть.

Я не вечен, но это не значит,
что все было зря.
Через тысячу лет после дня,
когда я не проснусь,
Море вынесет
к детским ладошкам
кусочек янтаря,
В серединке которого
вместо комарика —
грусть...

Растрепанный ветер
сугробы взъерошил
И раненым зверем
упал у подъезда.
И плакал. И хлопали ставень
ладоши,
А я уходил в эту зиму,
как в бездну.
Слепого бурана
холодные пальцы
Несли, как свечу,
мою рваную душу,
Которую бросили все
постояльцы,
Которую время
с улыбкою душит.

А с темного неба
спускались на город
Огромные хлопья,
как белые птицы.
Холодной дремотой
уляжется скоро
Пушистая тяжесть
тебе на ресницы.

А стужа чертила
мой путь до вокзала,
Пейзаж, пересыпанный
сахарной пудрой,
В котором, немея,
любовь засыпала
Бездомным котенком,
замерзшим под утро...

ПЕСЕНКА КАРЛСОНА

Пусть диагноз твой,
Мальш,
Тихо шепчется врачами,
Миллионы мокрых крыш
Ждут летающих ночами.
Чуть окошко придержи,
И никто нас не услышит.
Чья судьба —
на крыше жить,
Чья судьба —
сосулька с крыши.

Не шприцом друзей лечи
И не лживым откровеньем.
Растворяется в ночи
Вкус вишневого варенья.
А проспавшим эту рань
Не заметишь в круговерти,
Что банальная герань
Больше знает о бессмертье.

К черту полные дома,
Где живут пустые люди,
Где сошедшего с ума
Не бывавший там осудит.
Душной, липкой тесноте
Ни к чему иные дали —
Это знают даже те,
Что ни разу не летали.

А кому-то ввысь лететь
Насовсем, да не со всеми.
Через жизнь лететь
и смерть,
Через боль лететь и время.
Улыбнись,
от нас никто
Не услышит слов бессилья —
Там, где глохнет наш мотор,
Разрывают спину крылья.

Иван ЧЕРНЫХ

Курьер

Роман*

** Журнальный вариант*

1.

Перрон вокзала был запружен горожанами, прибывшими встречать воинов 21-го механизированного полка и отряда омовцев, вернувшихся из Чечни. Собралось столько народу, что Виктор Мазуркин со своими девицами из так называемой "группы быстрого очарования" еле протиснулся к уже выходящим из вагона прославившимся в боях милиционерам. Девушки одаривали бойцов цветами, поцелуями, а матери — слезами, тихими причитаниями. Командир, высокий, представительный капитан с пшеничными усиками, терпеливо ждал, когда схлынет наплыв радости и можно будет продолжить уставную церемонию.

Прошло минут пятнадцать, родные и близкие успокоились. Капитан прошел вдоль вагона и подал команду строиться.

Татьяна Перепелкина, подопечная Мазуркина, долго водила по строю взглядом.

— Вот этот, — тихо шепнула она Мазуркину.

— У тебя губа не дура, — так же тихо, с ухмылкой ответил ей шеф. — Только ты выбирай клиента не для постельных утех, а для дела. Физиономия уж больно туповата. А нам нужен умный, во всех отношениях представительный вояка. Лучше обрати внимание вон на того капитана.

— Офицер вне конкуренции, я даже постеснялась о нем говорить.

— Правильно соображаешь. Кстати, запомни: фамилия его Волжин, зовут Александром. Полностью — Александром Васильевичем. О нем писали в газете "Щит и меч". Был в плену у дудаевцев. С пятью подчиненными сумел разоружить охрану и совершить побег. В общем, мужик боевой и неглупый, так что работенка тебе предстоит серьезная. — Он взял девушку под руку и увел с перрона.

В честь вернувшихся с непопулярной жестокой войны мэр города организовал банкет. Приглашены были знатные люди, лучшие артисты драматического театра, солисты филармонии, близкие и знакомые омовцев.

Татьяна прошла вдоль стены и остановилась у листовки с портретом Волжина. То ли фотограф был плох, то ли бумага не лучшего качества, а скорее, и то и другое, но в жизни Волжин выглядел намного симпатичнее. "Командир — всегда командир" — гласил заголовок. Далее шел рассказ о том, как капитан Волжин и пятеро его подчиненных вместе с чеченскими милиционерами разоружали бандитов в одном из сел и были преданы, обезоружены, захвачены в плен. Более недели провели они в подвале, терпя унижения и побои. Но в один из дней, когда "духи" отправились на очередной разбой, Волжин, попросившись по нужде, точным ударом в солнечное сплетение уложил и обезоружил часового, а затем с подчиненными уничтожил весь караул и горными тропами пробрался к своим...

На фотографии Александр выглядел совсем не геройски — обыкновенный симпатичный парень, интеллигентный, добродушный... Глубоко посаженные голубые глаза смотрят внимательно и спокойно.

Удастся ли ей сблизиться с ним, увлечь его? Мазуркин уверяет, что офицер не женат. Что же, начальник охраны фирмы "Аван" все знает, без предварительной подготовки не послал бы ее на такое дело. Она уже успела убедиться: у Виктора Ивановича только лицо доброе, а сердце — камень. И занимается он далеко не благотворительной деятельностью. С Галиной Романовной Беленькой они проворачивают такие темные делишки, за которые и тюрьмой не отделаешься. И девиц к себе на работу они подбирают, как на конкурс красоты — не старше двадцати пяти, стройных, симпатичных, умеющих поддержать интересный разговор с собеседником. И нестроптивых. Всем, кто работал у Галины Романовны, приходилось обслуживать

Иван Васильевич ЧЕРНЫХ родился в 1927 году в Воронежской области. Окончил Балашовское военно-авиационное училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Полковник в отставке. Член Союза писателей России. Автор многих книг. Лауреат литературной премии им. К. Симонова. По его повести "Тревожные высоты" снят художественный фильм "Гарантирую жизнь".

В нашем журнале публиковались роман И. Черных "Школа террористов" и повесть "Серые волки".

разных мужчин... Потому, видно, Виктор Иванович и не огорчился, узнав, что Татьяна ему изменяет. Он тут же сменил ее на длинноногую блондинку, дерзкую и остроу на язык, работавшую в баре официанткой.

А вот и он, Мазуркин, собственной персоной. Одет с иголки — в шоколадного цвета костюме, в кремовой рубашке с ярким галстуком в полосочку. Ему далеко за сорок, но выглядит лет на тридцать пять, среднего роста, широкоплеч, подтянут, как строевой офицер. Впрочем, чему удивляться — в свое время он служил в десантных войсках, доктор до старшего лейтенанта, но за драку был уволен. Теперь вот служит начальником охраны в фирме "Аван", принадлежащей Беленькой.

Мазуркин явился не один и сюда не постеснялся взять свою новую пассию — Анюту. Татьяна искоса окинула их взглядом и зло усмехнулась — блондинка оказалась на полголовы выше Виктора Ивановича, и рядом с ней он выглядел анекдотично. К ее досаде, Волжкин тоже пришел не один, а с довольно милой девицей и товарищем, как и сам, капитаном. Чья это пассия, еще предстояло выяснять.

Когда та подошла к зеркалу, Перепелкина тоже достала из сумочки расческу. Их взгляды встретились.

— Не помешаю?

— Нет-нет, — ответила девушка, отступая в сторону.

"А она ничего, — отметила Татьяна. — Простенькое, но довольно милое личико, большие серые глаза, наполненные доброжелательностью и теплотой. И одета неброско, но со вкусом.

Рассматривая девушку, она заметила, что и с нее самой не спускает глаз капитан Волжкин. Товарищ же его только окинул Татьяну взглядом и сосредоточил внимание на юной спутнице.

"Похоже, девушка с ним", — отметила про себя Татьяна и, повернувшись к Волжину, чуть задержала на нем любопытный взгляд, давая понять, что и он заинтересовал ее.

Далеко от этой тройцы Татьяна не стала отходить, а когда ансамбль заиграл медленный танец и первые пары пошли в круг, Волжкин устремился к ней и пригласил потанцевать.

Татьяна ликовала: получилось так, как она и планировала. Волжину она приглянулась, а это уже полдела!

Они познакомились. Вскоре Волжкин представил Татьяну девушке, с которой пришел (та оказалась его родной сестрой), и другу, Вячеславу Калугину. Весь вечер они провели вместе, на банкете сидели за одним столом.

Гостей развозили по домам на автобусах. Татьяна сказала, что живет недалеко и хочет пройти пешком, Александр вызвался проводить.

Было уже за полночь, улицы пустынные.

— Вы не боитесь? — спросила она. — У нас в городе неспокойно.

— Думаю, ижевские бандиты не страшнее чеченских, — ответил с улыбкой Волжкин.

— А там было очень страшно?

Она сама удивилась, как искренне прозвучал ее вопрос. Спутник ответил не сразу.

— Как вам сказать, война есть война, и умирать никому

не хочется. Но страшно бывает поначалу, потом как-то привыкаешь и уже не думаешь.

— А когда в плен попали?

— Вы знаете и об этом? — удивился Александр.

— Во Дворце культуры увидела ваш портрет... Как вам удалось вырваться из плена?

— Когда на карту поставлена жизнь, выбор небольшой — или ты их, или они тебя, потому и идешь на риск. Дудаевцы не такие отважные вояки, какими их преподносят наши телевизионщики.

Они свернули на соседнюю улицу, тоже плохо освещенную и пустынную. Уже неподалеку от ее дома из-за угла вывернула четверка парней и направилась прямо к ним.

— Давайте перейдем на другую сторону, — взволнованно предложила Татьяна.

— А вот этого никогда делать не следует, — возразил Александр. — Они должны знать, что мы их не боимся, иначе голыми руками разденут и разуют.

Парни были крепко поддатými или прикидывались такими — громко разговаривали и матерились. Каждому лет по семнадцать, все четверо одеты в одинаковые спортивные куртки, бейсболки перевернуты козырьком назад. Не доходя до Татьяны и Александра, они замедлили шаг, разделились попарно.

— Мужик, дай закурить! — требовательно и нахально попросил один из них, приземистый крепыш.

— Тебе еще рано, — насмешливо ответил Александр, высвобождая руку, которой держал Татьяну.

Парни остановились. Приземистый выхватил нож.

— Ах ты сука! — прошипел он и двинулся на капитана. Его дружки стали заходить с боков.

— Ребята! — хотела было остановить их Татьяна, но не успела: Александр ударом ноги выбил нож и, выхватив из-под мышки пистолет, передернул затвор.

Нападавшие бросились врассыпную.

— Стоять! — крикнул Волжкин замешкавшемуся, нянчившему покалеченную руку.

— Не надо, дяденька! Прости! — заблажил тот.

— Нож-то у тебя бандитский, знаешь, сколько за него дадут?

— Прости! Мы... мы...

— Пошутить хотели, — дополнил Александр. — Считайте, что на этот раз и я пошутил. Но вторично шутить не буду, — и, взяв Татьяну под руку, продолжил путь, ни разу не обернувшись.

3.

Заместитель начальника управления внутренних дел Удмуртии полковник Александр Николаевич Перевезин был чем-то серьезно озабочен: встретился с подполковником Иваненко в коридоре и прошел мимо, даже не поздоровавшись. Будто не заметил. Такого с ним раньше никогда не бывало. А едва Иваненко сел

за рабочий стол, Переверзин позвонил ему: "Георгий Иванович, зайди на пару минут". Поздоровался с ним за руку, указал на стул напротив.

— Что нового можешь доложить по "Авану"?

Иваненко развел руками.

— Ничего нового, товарищ полковник. Беленькая работает чисто. Перед открытием бара взяла в банке ссуду, два миллиарда. Проверили и курьеров. Чисто. Только деловые поездки по заключению контрактов и выбиванию долгов.

— Ничего, говоришь, — задумчиво повторил полковник. — А вот на-ка, почитай телефонограмму, — и Переверзин протянул лист бумаги, на котором было отпечатано: "2 сентября в Хабаровске около полуночи в районе аэропорта двумя выстрелами в голову был убит житель города Ижевска Пушкарев Сергей Васильевич. Кроме документов и билета на рейс 2104, при нем ничего не обнаружено. Просим сообщить необходимые данные об убитом".

Иваненко оторвал взгляд от телефонограммы.

— Это же курьер Беленькой!

— Вот именно, — кивнул полковник. — Второй. Первого ухлопали в Южно-Сахалинске.

— Неделю назад, — подтвердил Иваненко. — Магирко. Летал туда, чтобы заключить контракт на поставку икры и рыбы. А вот зачем летал в Хабаровск Пушкарев?

— Выясняй, Георгий Иванович. И побыстрее. У Магирко был похищен "дипломат", у Пушкарева тоже. Не контракты же нужны были убийцам.

— Согласен с вами, Александр Николаевич. Видимо, плохо сработали наши сыщики. Беленькая, конечно, крепкий орешек, и я чувствую, что именно через ее фирму осуществляются крупные махинации, но подступиться к ней пока мы не смогли. Пытались завербовать ее сотрудников — не вышло, и своих внедрить пока не сумели.

— Ищите, ищите подходы, Георгий Иванович. Фирма Беленькой растет как на дрожжах, и курьеры ее не зря за кордон летают. Нам сотрудникам нечем платить, а они как сыр в масле катаются... Срочно сообщите в Хабаровск необходимые данные и пошлите туда опытного человека. Пусть постарается поглубже копнуть и узнать, чем все-таки занимался на Дальнем Востоке Пушкарев? Ищите подходы к ним через бывших сотрудников МВД. Чувствую, и без помощи ФСБ нам не обойтись.

Уходил Иваненко из кабинета заместителя начальника управления УВД не в лучшем настроении.

4.

Прошел месяц, как познакомилась Татьяна с Александром Волжиным, и за это время она добилась многого — омовский капитан влюбился в нее, как говорится, по уши: ни одного свободного от дежурства дня не пропускает, чтобы не встретиться. А какие дорожки

подарки дарит — подружки от зависти губы кусают: то бусы из розового жемчуга, то кулон с необыкновенным камнем, то серьги с ажурными подвесками. Она каждый раз возражала:

— Зачем ты так тратишься, тебе самому деньги нужны.

— Я много за Чечню получил, — отвечал он с улыбкой, — а тратить мне не на что, вот только на тебя да на кабак.

На застолья он действительно тратит много. Каждый раз, приходя к ней в бар, просто сорил деньгами: угощал всяких прощелыг, сам пил много, в бильярд проигрывался. А два дня назад, узнав, что в баре есть подпольная рулетка, за вечер просадил целую зарплату.

Бесшабашный человек. Но Татьяне он нравится, ни с кем еще ей не было так спокойно и хорошо, никто так о ней не заботился, никто так не любил. Одна беда: то он добрый, внимательный, чуткий, то резкий, вспыльчивый и упрямый. Видно, война в Чечне изрядно попортила ему нервы.

Сегодня Александр пришел в бар особенно взвинченным: глаза гневно поблескивают, словно после драки, губы плотно сжаты. Подошел к стойке:

— Налей на все, — сказал барменше.

Та тоже обратила внимание на его состояние, налила молча, а когда он отвернулся, кивнула Татьяне: мол, твой не в своей тарелке.

Татьяна, выждав, когда он выпьет и немного обмякнет, подошла к нему.

— У тебя неприятности? — спросила участливо.

— Приятными бывают только мгновения, — ответил он с иронией. — Сегодня твой шеф не появится?

Шефом он называл Мазуркина. Татьяна как-то познакомилась с ними, и они частенько выпивали вместе.

— Вряд ли. А зачем он тебе?

— Да так, есть один маленький вопросик.

"Денег хочет попросить взаймы", — догадалась Татьяна, глядя, как он вертит в руках пустой стакан.

— Ты больше не пей, — попросила она. — Лучше я отпрошусь пораньше и возьму бутылочку домой.

— А если я хочу напиться?! — упрямо возразил Александр. — Друга моего сегодня убили. Не в Чечне, здесь, в Ижевске, в его родном городе. А начальство... — Он скрипнул зубами и замолчал. — Налей еще, — попросил он барменшу. — В долг. Завтра отдам.

— Не надо! — уже более настойчиво попросила Татьяна и повернулась к барменше. — Не наливай.

— А ты чего раскомандовалась? — вспыхнул Александр. — Кто ты такая, чтобы мне указывать?

Лицо Татьяны загорелось, как от пощечины. Она увидела, как ухмыляется барменша, эта жирная телка, с вожделием поглядывавшая на каждого мужчину и завидовавшая ей. Татьяна круто повернулась и оставила Александра. Ей было обидно, и в то же время она сочувствовала Волжину, понимала его. Потерять боевого друга, когда, казалось, все страхи и опасности

позади... Но она видела и другое — Александр спивается, катится по наклонной. Стал приходить в помятом костюме, несвежей рубашке. Ей было жаль его, но она не знала, как помочь. Хотя по наставлению Мазуркина ей следовало делать все для дискредитации омовца, для его увольнения со службы.

Сказать, что она влюбилась в Волжина, было бы неправдой. Он нравился ей, и она жалела его, не больше: за Чечню, за его трудную и опасную службу.

Для чего он понадобился Мазуркину, она отлично понимала — таких, прошедших войну, во всех отношениях подготовленных мужиков Мазуркин подбирал в охранную службу фирмы "Аван". Волжина он давно взял на прицел, в первый же день появления в Ижевске. И не раз, сидя с ним в баре за столиком или стойкой, предлагал уволиться и перейти на службу в крупнейшую в городе коммерческую организацию, обещая платить в два раза больше. Александр мотал головой и отвечал с улыбкой:

— Мне в Чечне предлагали еще больше, но вот такой я консерватор, не люблю перемен, тем более не терплю предательства.

Татьяна в душе одобряла Александра и нажим Мазуркина, чтобы повлияла на него, отвечала с усмешкой:

— Он еще не созрел до нужной кондиции, наберись терпения, Виктор Иванович...

В этот вечер она и вправду не ожидала увидеть Мазуркина, хотя понимала, что он может появиться в любое время. Чего она опасалась, то и произошло: когда Александр был уже изрядно пьян, в баре появился Мазуркин и сразу подсел к нему у стойки, а потом они устроились за столиком в уголке, где о чем-то долго и напряженно беседовали.

Татьяна видела, как Мазуркин, достав пачку денег, сунул Александру в карман. Потом они отправились в игорную комнату.

Бар работал до двенадцати. Татьяна ходила по залу, не переставая думать о Волжине: ведь его окончательно запутают! Что с ним, как его дела? Около одиннадцати она спустилась в игорную комнату. То, что там увидела, превзошло все ее ожидания: Волжин совал какому-то бритоголовому парню свой пистолет, уговаривал взять его в залог, мол, завтра отдаст долг.

Мазуркина в комнате не было.

Татьяна решительно подошла к Александру и хотела было отобрать оружие, но бритоголовый опередил ее.

— Хорошо, — сказал он Волжину, — я тебе верю. До завтра!

— А если верите, зачем же берете пистолет?! — возмутилась Татьяна. — Оружие ведь казенное!

— А вот это, девочка, не твое дело, — грубо оборвал ее бритоголовый.

— Ну ты, полегче на поворотах! — вскинул голову Александр. — Обижать ее я никому не позволю.

Он взял Татьяну под руку и повел из игорной комнаты.

Она отвезла Волжина домой, и он, едва добравшись до кровати, мгновенно уснул. А проснувшись утром, хватился "макарова".

Татьяна напомнила ему вчерашнее. Александр сокрушенно помотал головой.

— Прости меня... Дай телефон Виктора Ивановича.

— Зачем?

— Надо. Я должен вернуть пистолет.

— А если Мазуркин не поможет?

— Он обещал.

— Сколько ты должен?

— У тебя я не возьму ни копейки. Дай телефон Виктора.

Татьяна поняла, что спорить бесполезно. Она назвала номер. Он тут же стал звонить, но то ли Мазуркина не было дома, то ли он, зная о случившемся, нарочно не брал трубку...

5.

В офис директора фирмы "Аван" пожаловал московский представитель директората "Мосинпродукт" господин Корданов, крупный мужчина лет сорока пяти, с военной выправкой и командирскими манерами. Мазуркин видел его впервые, а с Беленькой гость был, похоже, знаком давно: поздоровались как близкие друзья — тепло и радостно.

Беленькая представила своего помощника:

— Моя правая рука, начальник охраны, он же тренер, он же начальник службы безопасности, Виктор Иванович Мазуркин.

Гость пожал ему руку и, не назвав себя, попросил:

— Подождите пока в приемной.

Мазуркина, словно мальчишку, выставляли за дверь. От злости он даже скрипнул зубами. Захотелось уйти, показать, что он не солдат-первогодок, которым можно помыкать как вздумается, но здравый смысл подсказывал, что делать этого не стоит, надо смирить гордыню, взять себя в руки.

Он сел в приемной напротив белокурой секретарши Машеньки, совсем еще юной девицы, взятой директрисой на работу по его протекции. Девочка только окончила десятый класс, очень нравилась Мазуркину.

Машенька с открытой улыбкой посмотрела на одного из своих обожателей, над которым любила подтрунивать, но по его лицу поняла, что Виктор Иванович чем-то расстроен, и приготовленный вопрос застыл на ее приоткрытых губах.

Мазуркин это заметил и еще больше разозлился на себя — даже от девчонки не смог скрыть свое дурное настроение. А еще других поучает: "Лицо — это зеркало души, и настоящий мужчина, воин, не должен допускать, чтобы ему заглядывали в душу. Ее надо держать всегда закрытой от посторонних".

Учить легко, а вот следовать поучениям... Он не без труда улыбнулся Маше и спросил как можно беззаботнее:

— Не надоело секретарствовать?

— Что вы! — Веселые искорки снова заиграли в больших карих глазах девушки. — Мне это нравится. Галина Романовна обещает скоро новый компьютер поставить.

— А ты умеешь на нем работать?

— Научусь, — уверенно сказала Маша. — В школе нам кое-что рассказывали о технике нового поколения. Очень интересно.

— Возьмешь меня в учителя? — спросил Виктор Иванович, хотя никакого представления о компьютере не имел, только видел, как работают на них другие.

— А вы сумеете?

— Я все сумею, — прихвастнул Мазуркин. — Боюсь только, Галина Романовна приревнует.

Они проболтали с полчаса, и Мазуркин снова стал накаляться: какие там, за дверью, могут быть тайны от него, правой руки директора коммерческой фирмы, посвященного во все секреты предприятия?! Кого они держат за дверью? Пусть московский шаркун чего-то не знает, но Галина Романовна-то...

Беленькая, будто почувствовав его возмущение, произнесла в селектор:

— Маша, пригласи, пожалуйста, Виктора Ивановича.

Мазуркин прошел к столу и сел напротив гостя. Галина Романовна как ни в чем не бывало сообщила:

— Вот Андрей Николаевич рассказал мне о гибели Пушкарева. В аэропорту его убили за два часа до отлета. Документы похищены. Правда, ничего особенного там не было, за исключением небольшой суммы денег, из-за которых, видимо, все и произошло. Ведется следствие. Но теперь мы своих курьеров рассылать не будем, это берут на себя москвичи, а нам поручается только охрана. Найдутся у тебя надежные, хорошо подготовленные для такого дела люди?

Обида в душе Мазуркина растаяла. Вон, значит, с чем пожаловал столичный шаркун — охрана понадобилась. Но коль на его подопечных рассчитывают в таком важном деле, значит, знают, сколь высока их профессиональная подготовка. И это польстило начальнику службы безопасности.

— Разумеется, найдутся. Сколько нужно?

— А сколько у вас в охране числится? — задал встречный вопрос Корданов.

— Двадцать один человек. Но среди них шестеро новичков, которые еще слабоваты. Есть не проверенные в деле.

— Маловато, — вздохнул Корданов и повернулся к Беленькой. — Надо расширять фирму и побольше ввозить спиртного, пока не обложили его неподъемной пошлиной. Часть для реализации будете поставлять в столицу. Предстоят и другие коммерческие сделки, в частности, с Японией, Южной Кореей, Китаем. — И

снова к Мазуркину: — Можете в ближайшее время человек пятьдесят подготовить?

— Можно и сто, были бы условия, — ответил Мазуркин. — Тренеров хороших я подберу. А вот спортзал маловат. Да и стрелковый тир надо бы оборудовать современной аппаратурой.

— Это не проблема, — махнул рукой Корданов. — Средства вам выделим, снимите еще один спортивный зал. Для стрелкового тира место у вас хорошее, с приборами поможем. Кстати, а сколько ежедневно вы тренируетесь?

— В основном по два часа. Бывает, больше, бывает, и меньше, смотря какие упражнения отрабатываются и как усваиваются.

— Какому виду борьбы отдаете предпочтение?

— Самбо.

— Правильно делаете. Сегодня есть у вас занятия?

— Да. С шестнадцати.

— Хорошо. Я с вашего позволения поприсутствую на них.

“Тоже мне инспектирующий, — недовольно подумал Мазуркин. — Что ж, пусть посмотрит. Может, в столице и получше тренируют, но и мои ребята в грязь лицом не ударят — мне есть что показать”.

6.

Погода в тот день стояла промозглая, дождливая, и Корданов решил ограничиться знакомством с подготовкой охранной службы Мазуркина в спортивном зале: ехать в загородный тир он отказался. Перед Мазуркиным была поставлена задача показать три лучшие пары самбистов: первая — схватка с бандитом, вооруженным холодным оружием, вторая — с бандитом, вооруженным пистолетом, и третья — оба противника имеют ножи.

Третьей парой на ковер вышли бывший капитан ОМОНа Волжин и помощник Мазуркина по тренерской работе, тоже бывший офицер Шулайкин, отслуживший в десантных войсках около пяти лет.

Вид у обоих был не такой агрессивный и решительный, как у предыдущих борцов, и действовали они как-то вяло, осторожничали, больше расхаживая по ковру и ожидая ошибок соперника. Руки с ножами у обоих были согнуты в локтях и отведены назад. Никто не решался сделать выпад первым, и в рядах наблюдавших послышался ропот, что, видимо, подстегнуло противников. Шулайкин потянулся левой, будто намереваясь схватить руку противника с ножом, а правой стремясь нанести удар, но Волжин уклонился от удара и, оказавшись позади противника, полоснул его по спине...

— Хорош, хорош твой охранник с усиками, — говорил позже Мазуркину довольный Корданов. — Гибок, техничен, ловок. Немножко вяловат, правда, но тут, видно, у обоих настрой был не тот. Давно он у вас?

— Еще и месяца нет. Служил в ОМОНе, капитан. Уволен за пьянку. — Мазуркин предпочел скрыть, что произошло это не без его участия.

— Пьет — это плохо. Мы таких не берем и тебе не советуем.

— Отучим, — уверенно сказал Мазуркин. — Я предупредил: если заметишь — выгоню или “торпеду” зашью.

— Но вчера он, похоже, пренебрег твоими угрозами, — высказал предположение Корданов.

— Возможно. Проверю. Но я возлагаю на него большие надежды. Парень смел и находчив. Отличился в Чечне, а недавно один без оружия с четырьмя налетчиками справился. Впрочем, вы и сами видели, как уверенно он держался на ковре.

— Да, такие нам нужны, — согласился Корданов. — И побольше. Обстановка ныне нестабильная, всякое может произойти. А мы должны уцелеть и не потерять приобретенное.

— Согласен с вами, — кивнул Мазуркин. — Будем готовить нужные кадры, Андрей Николаевич.

7.

На улице закружила первая метель, и в баре стало многолюднее, шумнее: сюда вечерами стекались не только крупные по местным меркам бизнесмены, но и всякие “челноки”, возомнившие себя умельцами, удачливыми купцами. Популярность “Лотоса” в городе быстро росла, и Татьяне работать стало намного труднее. В баре участились разборки, перераставшие в рукопашные схватки, дважды нападали залетные бандиты, так что пришлось нанять крепких парней. Раза три здесь дежурил и Александр. Татьяна чувствовала, что такое “доверие” ему не по душе, но пока Галина Романовна и Мазуркин не решились поручать ему более серьезные задания, проверяли новичка, испытывали. Он стал замкнут, раздражителен, и его чувства к Татьяне будто поугасли. Нет, он был так же внимателен, в свободное от службы время пропадал у нее, но той страсти, какой он пылал в первые дни знакомства, не чувствовалось.

Девушка иногда тайком наблюдала за ним, когда он приходил в бар, заказывал чашку черного кофе и сидел в углу печальный, отхлебывая напиток мелкими глотками и слушая незатейливые песенки.

Как-то Татьяна спросила у него:

— Ты так переживаешь, потому что ушел из ОМОНа?

— Любой нормальный человек будет переживать, если ему дадут пинка под зад.

— Но ведь здесь служба легче, и платят больше.

Он криво усмехнулся.

— И вышибалой назначают. Тебе нравится, когда я торчу в дверях бара с дубинкой в руках?

— Нет, конечно, — откровенно призналась Татьяна.

на. — Если хочешь, я поговорю с Виктором Ивановичем...

— Не надо! — резко оборвал ее Волжин. — Свои дела решу сам.

— Хорошо. Но мне показалось, что между вами пробежала черная кошка...

— С начальниками не дружат, им повинуются.

Действительно, Александр ни перед Мазуркиным, ни перед директрисой спину не гнул, держался независимо и нередко вступал в спор. Это ни директору, ни начальнику службы безопасности, разумеется, не нравилось, но Мазуркин частенько просил подменить его и потренировать охранников. Александру, похоже, по душе тренерская работа, он охотно соглашался. Но его отношение к Мазуркину оставалось прежним — неприязненным, настороженным. Он догадывался об участии Мазуркина в истории с пистолетом. Когда в то утро он пытался разыскать Виктора Ивановича, тот словно сквозь землю провалился — ни дома его не было, ни в офисе, ни в баре, ни в спортивном зале. А появиться Александру на службе без “макарова” значило подписать себе приговор.

Так оно, собственно, и вышло.

Подполковник Сиволобов, смерив его презрительным взглядом, задал убийственный вопрос:

— Где ваше табельное оружие?

Волжин никогда не врал, но сказать правду теперь у него язык не поворачивался. Он молча опустил голову. И Сиволобов не выдержал:

— Проиграть пистолет! Вон отсюда! Сегодня же представлю материалы на ваше увольнение.

От дежурного по штабу Александр узнал, откуда командиру отряда стало известно об истории с пистолетом. Бритоголовый, возвращаясь со своими друзьями поздно ночью из бара, наткнулся на наряд патрульно-постовой службы, который на всякий случай решил проверить запоздалых прохожих. Патрульные и обнаружили пистолет. Бритоголовый не стал скрывать, чей он и как ему достался.

8.

В этот вечер Волжин, как всегда, пришел в бар, когда зал был уже заполнен и ни одного свободного места не осталось. Татьяна, усадив его за администраторский столик рядом с собой, поинтересовалась, как настроение, что нового, и услышала неожиданное:

— Завтра уезжаю в Польшу. Сопровождать туда и обратно ценный груз.

“Наконец-то ему доверили настоящее дело”, — обрадованно подумала Татьяна, но тут же сомнение закралось в душу: она знала, как опасно теперь на дорогах, не раз слышала от Мазуркина о происшествиях с дальнобойщиками.

— Ты доволен? — наконец спросила она.

Александр пожал плечами.

— Во всяком случае это лучше, чем пеньком торчать около каких-то складов или здесь вышибалой.

— Но тут не так опасно.

— Мне приходилось сопровождать грузы в Чечне.

— Что тебе дать в дорогу?

— Ничего. Мазуркин обо всем позаботился.

— Что вы везете? — непроизвольно любопытствовала Татьяна.

Волжин снова пожал плечами.

— Что-то столичный дружок у Беленькой просил. Кстати, ты не знаешь того бугая, посетившего нас с полмесяца назад?

— Нет. Знаю только, что зовут его Андреем Николаевичем, по-моему, он бывший генерал. Он тебя чем-то заинтересовал?

— Скорее, я его. А чем, пока понять не могу.

— Откуда ты это взял?

— От нашего общего друга, Виктора Ивановича. Говорит, что чем-то я приглянулся столичному гостю. Каждый раз, когда звонит, спрашивает обо мне.

9.

В Хабаровске не торопились с расследованием убийства Пушкарева, видно, своих проблем хватало. И Иваненко вынужден был сам лететь туда, взяв в помощники старшего лейтенанта Гриднева, следователя хоть и молодого, но раскрывшего уже не одно запутанное дело.

Хабаровские сыщики встретили гостей не особенно приветливо: значит, нам не доверяют, считают себя умнее. Что же, поглядим. Но в суть дела ижевских коллег посвятили со всеми подробностями. Им удалось установить, что Пушкарев, проживая в гостинице “Дальний Восток”, общался с командированным гражданином Арясовым, коммерсантом из концерна “Якуталмаз”. Улетали они из Хабаровска в один день: Пушкарев — в Москву в два часа ночи, Арясов — в Якутск в семь часов утра. Однако последний на рейс не регистрировался и до сих пор в Якутске не появился, хотя из гостиницы выписался в пять утра. Он объявлен в федеральный розыск.

Как следовало из объяснений Мазуркина, Пушкарев улетел в Хабаровск для заключения контракта с фирмой “Касситерит” на поставку в Ижевск олова. Директор фирмы подтвердил, что такой контракт подписан и все деловые вопросы с Пушкаревым были утрясены 1 сентября, а 2-го он должен был вернуться домой.

С коммерсантом из Якутска, по утверждению Мазуркина, никаких деловых встреч не планировалось.

Не вполне убедительным и логичным оказалось объяснение директора концерна “Якуталмаз” о цели поездки Арясова в Хабаровск: якобы тот должен был прозондировать почву о поставках алмазов местным предпринимателям, связанным с японскими бизнесменами. На вопрос, имел ли при себе Арясов образцы алмазов, директор ответил категоричным “нет”. Во что трудно было по-

верить: ныне вряд ли сыщешь дураков покупать kota в мешке.

Местные следователи пришли к выводу, что либо Арясов убил Пушкарева и, забрав у него деньги и камни, скрылся, либо убиты оба; только труп Арясова пока не обнаружен.

Версии вполне логичные, и обе нуждались в дальнейшей разработке — поиске Арясова либо его трупа и тех, кто, несомненно, знал о коммерческих сделках коммивояжеров, следил за ними... Работа, требующая колоссальных сил и средств, — проверить алиби всех проживавших в гостинице пассажиров самолета, с кем летел Пушкарев в Хабаровск. И наконец, пассажиров авиалайнера, где значился первый погибший курьер — Магирко. Убийцами, разумеется, могли быть разные люди, но, вероятнее всего, это дело рук одного человека: того, кто следил за коммерческой деятельностью “Авана” или “Касситерита”.

У местной милиции на все это просто не хватало сил, и вся тяжесть расследования легла на плечи Иваненко с Гридневым. Подполковник взялся за проверку проживавших в гостинице, старший лейтенант — за пассажиров, летевших рейсом 2104.

Три дня почти безвылазно они корпели над документами, а вечерами в номере анализировали проделанную работу. И наконец — удача!

Удалось выяснить, что 10 августа из Москвы в Южно-Сахалинск рейсом 1517 вместе с Магирко летел некто Рамзан Гафур; из Южно-Сахалинска в Москву он вернулся 17 августа, через день после убийства курьера. А 23-го уже вместе с Пушкаревым Гафур вылетел в Хабаровск. В столицу он возвратился 2 сентября. Такие совпадения не могли быть случайными.

Предстояло искать Рамзана. Но вряд ли этот человек вояжировал на Дальний Восток под своей фамилией. И вряд ли проживал в Москве.

С большим трудом удалось составить его словесный портрет: среднего роста, лет тридцати, худощав, смуглолиц, с присущими кавказцам усиками; глаза темно-карие, волосы черные, нос прямой, на подбородке ямочка...

Сколько таких кавказцев шастает по Москве! И никаких особых примет. Но хочешь не хочешь надо начинать разрабатывать единственную зацепку...

10.

Октябрь выдался дождливым. Черные тучи ползли над самой землей, разверзаясь то ливнем, то мелкой моросью. Дороги осклизли, видимости никакой, и машину пришлось вести на малой скорости.

Тяжело груженный рефрижератор монотонно урчал мотором, нагоняя невеселые думы. В голове у Волжина постоянно вертелись стихи Симонова: “Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины, как шли бесконечные, злые дожди...”.

Симонова любил друг Александра, Слава Калугин, и частенько между боями там, в Чечне, сидя вечерами в палатке или в сыром окопе в охранении, брал гитару и напевал их на свои мелодии.

Хороший он парень, Славка... Жаль, что вдрызг разругались после случая с пистолетом.

Еще когда Александр только познакомился с Татьяной и как-то привел Славу в "Лотос", тот предостерег его:

— Берегись, ресторанные девицы хитры и продажны.

— Во-первых, она не в ресторане работает, а в баре, — не обидевшись, парировал Волжин. — А во-вторых, мне она нравится.

Потом во всех бедах Волжина Калугин обвинял Татьяну. Но что мог возразить ему Александр?

...По обочинам сквозь пелену дождя проглядывали одноэтажные домишки, сады с еще висящими кое-где яблоками. В этом году в Мордовии выдался урожай, какого и старожилы не помнили.

Рефрижератор с Александром шел третьим в колонне. Замыкающим. Они везли в Польшу алюминий. Там разгрузятся и заберут немецкую бытовую технику: стиральные машины, холодильники, пылесосы, микроволновые печи. Один рефрижератор предназначен для продовольственных товаров. Казалось бы, ничего в этом плохого нет: туда — сырье, обратно — готовая продукция. Но наша-то промышленность умирает, а потому специалисты становятся "челноками", а тысячи остаются безработными и, чтобы выжить, выходят на большую дорогу.

— Давай-ка поменяемся, — прервал невеселые мысли Александра Федор — старший водитель, сидевший за рулем. Ему лет сорок пять, серьезный, крепкого телосложения мужчина. У Мазуркина работает полгода. Тот ему доверяет и вот поручил поднатаскать Волжина.

— Сгоняешь пару раз, поднатореешь, и тебе доверим самостоятельную работу, — пообещал перед отъездом Мазуркин.

Что за "самостоятельная работа", Александр представления не имел, но спрашивать не стал: с первых дней пребывания в "Аване" заметил, что ни хозяйка фирмы, ни начальник службы безопасности не жалуют любопытных. Да и служба в ОМОНе приучила его держать язык за зубами.

Федор свернул на обочину, и Александр поменялся с ним местами. Поднажал на газ, чтобы догнать еле видимых сквозь сетку дождя ведущих.

В Белоруссии погода стала улучшаться, появились просветы в облаках, и дождь прекратился. Но у Кобрина, куда они подъезжали уже в сумерках, снова посыпал дождь.

До Бреста оставалось немного. Там и решили заночевать. Но едва отъехали от Кобрина, как их остановила машина с голубой полосой и мигалками. Из нее вы-

шли двое гаишников — капитан и сержант. У последнего на шее висел "калашников".

Капитан потребовал документы и попросил открыть двери рефрижераторов. В гаишном "жигуленке" сидели еще двое милиционеров, наблюдая за происходящим.

Капитан внимательно проверил бумаги, осмотрел груз и вернул накладные старшему — Гавриле Рудому, мужику осторожному и недоверчивому. Всякий раз, когда их останавливали, он тоже требовал предъявить документы. Лишь после этого доставал свои и выполнял распоряжения. На этот раз, к удивлению Александра, он почему-то промолчал. А тут-то, вблизи границы, и стоило ожидать всяких каверз. Волжину чем-то не понравились гаишники, и, когда они уехали и Рудой направился к своему рефрижератору, он высказал свое мнение:

— Зря вы, Гаврила Филиппович, не поинтересовались, кто эти молодчики.

Старший группы посмотрел на него, как на мальчика, сделавшего замечание учителю.

— Поучи мамку детей рожать, — усмехнулся он. — Я тут десятки раз бывал и эту братию без рентгена вижу насквозь. Поехали!

Километров через десять — снова гаишники.

— Да нас только что проверяли, — проворчал Рудой, нехотя доставая документы.

— Кто? — удивился старший лейтенант.

— Капитан и сержант. В машине еще двое сидели.

— Номер машины не запомнили?

— Он грязью был забрызган, — сообразил наконец Александр, что ему тогда не понравилось и настояжилось.

— Дождь, — смущенно пожал плечами Рудой.

Старший лейтенант сунул ему в руки документы и, кивнув напарнику, заторопился к "жигуленку".

11.

На обратном пути за Брестом их остановил все тот же старший лейтенант.

— А, старые знакомые, — узнал Рудого гаишник. — Так где в прошлый раз вас тормознул капитан?

— Километрах в десяти-пятнадцати от Ковеля, — ответил Рудой. — Выходит, вовсе не гаишник он?

— Выходит, — грустно подтвердил старший лейтенант. — Почему только он отпустил вас с миром, не могу понять.

— Так мы алюминий везли, наверное, не захотел с металлом возиться, — высказал предположение Рудой. — Не поймали?

— Поймаем, — уверенно сказал старший лейтенант. Он проверил документы, груз и предупредил: — А вот от телевизоров те не откажутся. Будьте начеку. — И, подумав, добавил: — Проводить бы вас до Ковеля,

но черт его знает, может, эта банда уже в Бресте оруду-ет.

— Ничего, мы тоже не лыком шиты, — забирая до-кументы, заметил Рудой.

Уже рассвело (из Бреста выехали затемно), но из-за все еще не прекращающегося дождя видимость не превышала двухсот метров. Поэтому скорость держали небольшую, несмотря на то, что дорога в этот час была пустынна.

Почти на том же месте, на перекрестке дорог Камене-нец — Опять, их поджидали два “жигуленка”, один — с мигалкой, второй — даже без синих опознавательных полос. Тот же капитан жезлом приказал свернуть на обочину и остановиться.

Волжин достал пистолет и, дослав патрон в па-тронник, отдал напарнику:

— Если что, стреляй в правую руку.

— А как же ты?

— В ОМОНе нас учили добывать оружие в бою, — грустно улыбнулся Александр.

Как он и предполагал, капитан с напарником, про-верив документы и заглянув в кузов рефрижератора, начал предъявлять какие-то претензии. Александр вылез из кабины и подошел к нему.

— В чем дело? — спросил начальственным тоном.

— А ты кто?

— Конь в пальто. Ваши документы на право задер-жания! — властно потребовал Волжин.

— А я спрашиваю, кто ты такой? — в свою очередь повысил голос капитан.

— Я водитель. А вот кто ты, разреши удостове-риться.

Из второй машины вылезли еще двое. Ситуация складывалась совсем не так, как планировал Алек-сандр. Почти вплотную к нему подошел автоматчик, здоровенный детина, одним своим видом нагоняю-щий страх. Но Волжин не оробел.

— А ваши документики, товарищ сержант, — обра-тился он.

Тот зычно хмыкнул и с усмешкой передернул авто-мат.

— А тебе зачем?

— Физиономия мне твоя больно знакома. Не в Чече-не, случаем, встречались?

— Не, в Чечне я не был. Можя, в Брянске?

— Точно! — обрадованно воскликнул Александр. — Как твоя фамилия?

— Мохнач. У нас тут все Мохначи, — и парень громко захохотал.

— Верно, — согласился Александр и, обернувшись к машинам, позвал: — Валентин, иди сюда. Ты хвас-тался, что у тебя в Белоруссии брательник проживает. Не он ли здесь?

Но едва Валентин стал приближаться, капитан разгадал замысел дальнобойщиков и потянул из кобу-ры пистолет. В ту же секунду Волжин, ухватившись за автомат на шее верзилы, подсечкой свалил того на ас-

фальт. “Калашников” оказался в его руках. И он тут же наставил оружие на выскочивших из второй машины парней.

— Руки за голову! — и для остротки дал короткую очередь.

Мнимые гаишники покорно выполнили команду.

Валентин, держа пистолет наизготовку, обыскал их. У капитана и его пособника забрал ТТ, а в кабине второй легковушки нашел обрез двустволки.

— Что теперь будем делать с ними? — обратился Рудой к Волжину, забыв о старшинстве.

— Для начала свяжем руки. Поищи в кабине верев-ки, Гаврила Филиппович.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

Несмотря на то, что поезд в Москву прибыл рано утром, Волжина встречал сам Корданов, чисто выбри-тый, энергичный и веселый. Взял по-товарищески гостя под руку и повел к машине. Их поджидал черный “Мерседес”, и шофер, завидев хозяина, услужливо рас-пахнул дверцы салона. Корданов указал Александру на заднее сиденье и сел рядом.

Машина тут же рванула с места.

— Едем за город, — пояснил Корданов. — Там спо-койнее и воздух чище... Не скучаешь по своей прежней службе?

— А чего по ней скучать?

— Ну, дружки там остались?

— Остались. Вкальвают дни и ночи, а зарплату по три месяца не получают.

— Уговорил бы переходить к Мазуркину.

— Кое-кто боится без пенсии остаться. Государство худо-бедно, но платит, а что ожидает у Мазуркина, од-ному Богу известно.

— А что бы ни ожидало, — возразил Корданов. — Коль с умом себя вести, можно за пяток лет обеспе-чить безбедное существование. Согласен?

Волжин пожал плечами.

— Всякое может произойти. Вон банки какие фоку-сы выкидывают.

— Какой же мало-мальски соображающий человек свои сбережения в банке держит? — усмехнулся Кор-данов. — Может, и ты на Марроуди или на Валю Соловь-еву поставил?

— Пока нечего было ставить, — отмахнулся Вол-жин и замолчал.

Наконец выбрались на Минское шоссе, и “Мерсе-дес” помчался резвее, обгоняя поток машин.

До места добрались в девятом часу, когда только нача-ло светать. Большой двухэтажный особняк располагался

в лесу за высоким забором из железобетонных плит с ключей проволокой поверху. Сбоку от массивных металлических ворот уютилась деревянная будка, из которой, зашляпав шум двигателя, шустро выскочил парень, одетый в камуфляжную куртку и черный берет. Открыл ворота и, узнав Корданова, по-военному поприветствовал.

За особняком среди деревьев виднелись еще три деревянных домика, крытых черепицей, — уютных, с резными наличниками.

Корданов повел Александра в дом. На первом этаже их встретил парень постарше и крепче первого, тоже козырнул и доложил:

— Все в порядке, Андрей Николаевич. Завтрак ждет вас.

— Ключи от десятой и пятнадцатой, — потребовал Корданов и, взяв их, повел гостя на второй этаж. Пояснил:

— Тут живут наши бойцы, и потому порядок здесь военный. Подъем в шесть ноль-ноль, зарядка, туалет, завтрак и занятия. Я имею в виду свободных от дежурства. Прислуги нет, ребята все делают сами, вплоть до приготовления пищи. — Плянул на часы. — Кстати, мы уже опоздали на завтрак. Но в виде исключения нас накормят. Вот вам ключ от пятнадцатой комнаты. Будете в ней жить. Приводите себя в порядок и заходите за мной в десятую.

Столовая располагалась на первом этаже. Волжин окинул беглым взглядом просторный зал и отметил, что в нем не менее двадцати столов. Значит, тут размещается до восьмидесяти человек. Солидная контора у Корданова...

— Удивлены? — пристально глянул ему в глаза Корданов.

Александр пожал плечами.

— После Чечни я отвык удивляться чему бы то ни было. А вообще-то я ожидал другого. Виктор Иванович направил меня на работу телохранителем.

— Совершенно верно, — кивнул Корданов. — Пока у вас нет собственного жилья, поживете немного здесь. Тут мы и готовим телохранителей из наших курсантов. За неделю освоитесь с нашими порядками, познакомитесь с человеком, которого придется сопровождать и охранять, и начнете воажировать с ним по городам и весям поездом и самолетом с оружием и без оногo, в зависимости от ситуации. За каждую такую командировку будете получать по пять тысяч долларов, не считая дорожных расходов и премиальных. Устраивает?

— Вполне.

— Вот и отлично.

2.

Ил-62 уверенно набирал высоту. Подопечный Волжина, курьер Аристархов, уже удобно расположился в кресле и развернул газету. Его объемистый кейс-атташе фирмы "Самсонит" с двумя красными полосами,

больше похожий на дорожный чемодан, покоился над головой. Что в нем, Александру неизвестно, но ему поручено охранять не только курьера, но и его вещи, в первую очередь этот кейс.

Аристархов сидит впереди на два ряда, у иллюминатора. Рядом с ним молодая женщина и седенький старичок в очках, тоже читающий газету. Александр — позади, у прохода, чтобы в случае чего мгновенно прийти на помощь. Перед вылетом он основательно изучил фоторобот предполагаемого убийцы Пущкарева и Магирко, но ни в аэропорту, ни при посадке, рассматривая пассажиров, похожего не заметил. Да так оно и должно быть: заказчики не настолько глупы, чтобы в третий раз посылать на одно и то же дело зашвыгнувшегося киллера. Значит, надо вычислять другого. Задача со ста шестьюдесятью шестью неизвестными (из ста шестидесяти восьми пассажиров только двое, он да Аристархов, вне подозрений).

В том, что за Аристарховым наблюдают, Александр был уверен почти на сто процентов. Но не только это его волновало — могли наблюдать и за ним. Не киллеры (вряд ли тем известно, что он охраняет Аристархова), а люди Корданова. Уж больно гладко и без малейших сбоев прошло его внедрение в команду Мазуркина. И история с пистолетом, и увольнение из ОМОНа, по мнению Александра, выглядели довольно примитивно. Правда, нынче о морали людей, в том числе и военных, лучше не говорить.

Корданов, конечно, тертый калач, в КГБ служил, до генерала вырос. А при советской власти добиться этого было непросто.

В Ижевске Александра не один месяц проверяли: и "жучки" ставили, и "друга" из ОМОНа подсылали, и Татьяну заставляли шпионить.

Поверил ли ему Корданов — большой вопрос. Судя по заданию, не очень, никаких ценных сведений органом правопорядка он сообщить не может: что в кейсе, не знает, с кем и зачем будет встречаться Аристархов — тоже.

Интересно, на кого работает Корданов? Организация, видимо, очень солидная и крепко законспирирована. Содержать школу телохранителей — дело непростое и весьма накладное. Да и только ли телохранителей?

Погасло табло "No smoking", лайнер набрал заданную высоту, и Аристархов закурил. Хотя он и стремится изобразить из себя беззаботного, спокойного человека, но, похоже, волнуется. Будто невзначай бросает взгляды наверх, проверяя, на месте ли кейс. Хотя подобраться к нему незаметно просто невозможно.

Аристархов являлся одним из приближенных директора "Авана", Волжин не раз встречался с ним в офисе фирмы. Чем он конкретно занимался, не ведал, но, судя по частым командировкам в разные города России, скорее всего посредничал в сделках коммерческих фирм. Галина Романовна его ценила, видно было, что человек он серьезный, деловой, хотя и себе на уме.

Встретившись с Александром в Москве, он не выразил ни удивления, ни радости, словно так оно и должно было быть. И о задании ни слова, будто Волжин летит по своим делам, а не затем, чтобы его охранять... Одет, как на прием в посольстве: дорогой черный костюм, белоснежная рубашка с полосатым галстуком. Чисто выбрит и выглядит лет на сорок, хотя ему уже под пятьдесят.

Итак, кто же из ста шестидесяти шести пассажиров наемный убийца и почему он охотится за людьми Беленькой? Только ли из-за конкуренции?

В самолете киллер себя не проявит. Значит, следует сосредоточить внимание при выходе из самолета и в аэропорту, особенно когда курьер будет садиться в машину на привокзальной площади. А потом присмотреться ко всем прибывшим этим рейсом из Москвы и поселившимся в гостинице "Дальний Восток". Хотя... Киллер, конечно же, может остановиться и в другом месте, а с помощью своих установить слежку за Аристарховым.

В Хабаровск прилетели утром. Засидевшиеся в креслах люди, засуетились, стали одеваться, толпились в проходе.

Александр не спешил. Набросив куртку, пропускал особенно нетерпеливых. Аристархов находился в общем потоке. Его соседи — старик и девушка — пробились вперед, а рядом с ним оказался молодой человек интеллигентного вида в легкой темно-синей куртке с кейсом, похожим на аристарховский, только размером чуть поменьше и без красных полос. Он что-то сказал курьеру, тот в ответ кивнул, и они вместе двинулись к выходу.

Александр беглым взглядом окинул хвост очереди и втиснулся в общий поток.

Возле трапа он увидел Аристархова уже одного. Парень в куртке широко шагал впереди, размахивая кейсом. Все торопились в зал, подгоняемые колючим, пронизывающим ветром и двадцатиградусным морозом.

В аэровокзале, как Александр ни крутил головой, этого парня увидеть ему не удалось. Аристархов же, не сбавляя шага, направился к двери, где его поджидали двое встречающих — под стать ему прилично одетые мужчины примерно его возраста.

Проводив взглядом черную "Волгу", в которую они сели, Волжин отправился в гостиницу "Дальний Восток", где для него и Аристархова были забронированы номера.

У входа в гостиницу его остановил пожилой мужчина в дубленке и лохматой шапке, какие часто носят северяне. Представился:

— Шестаков, — и добавил: — Зима нынче у нас суровая.

Это был пароль, о котором Александра проинформировали еще в Москве.

— Ветер у вас очень уж злой, — ответил Волжин.

— Хозяин твой устраивается. Спутники его — ком-

мерсанты из "Дальпушины". Генеральный директор в отъезде, и сегодня вряд ли он примет Аристархова. Поэтому постарайся, пока он не передал кейс, заглянуть в него. В случае чего звони.

Аристархов стоял у окошка дежурного администратора с заполненным бланком и паспортом в руке. За ним вплотную пристроилась броская блондинка лет тридцати в белой песцовой шубке и такой же шапке — прямо-таки Снегурочка. На нее заглядывались все. Аристархов галантно уступил ей очередь, но женщина с милой улыбкой отказалась.

— Вы долго будете там торговаться? — поторопила их администраторша, и Аристархов, вздрогнув, подал свои документы. Когда на вопрос, кто заказывал бронь, он ответил: "Мосэксимпорт", блондинка обрадованно зашептала:

*— За две недели пребывания в этом забытом Богом краю впервые встречаю земляка. — И поинтересовалась: — Как там, в нашей Белокаменной, все в порядке?

— Смотря что вы имеете в виду, — с улыбкой ответил Аристархов. — Но поверьте, за время вашего отсутствия ничего существенного не произошло. А вы из какой организации? — в свою очередь поинтересовался он.

— Я от Черномырдина. Точнее, от фракции "Наш дом — Россия".

— О-о! — с пониманием произнес курьер. — С этими господами мне еще не доводилось общаться...

— С вас триста пятьдесят тысяч, — прервала его администраторша.

Аристархов расплатился, но уходить не спешил, поджидая блондинку.

"Заглотил мужик наживку", — мысленно усмехнулся Волжин, определив сразу наметанным глазом, что это одна из гостиничных проституток, лоящихся здесь толстосумов, в основном иностранных бизнесменов, зачастивших в крупные города Дальнего Востока, где есть чем поживиться. Сегодня в фойе не было ни одного чужака, и блондинка, видимо, решила довольствоваться отечественным "лохом".

Встречавшие Аристархова мужчины, поджидавшие его в фойе на диване, понимающе переглянулись, сказали что-то друг другу, судя по скептическим ухмылкам, не совсем лестное.

Блондинка тем временем тоже подала в окошко паспорт и деньги, и Александр было усомнился в своем предположении. Правда, профессионалки такого уровня наверняка связаны с гостиничной администрацией и заранее обговаривают все нюансы спектакля.

Волжин занял очередь за старичком, летевшим рядом с Аристарховым, и боковым зрением начал наблюдать за своим подопечным. Тот, продолжая весело болтать с блондинкой, направился к лестнице. Встречавшие, чуть поотстав, последовали за ними. Случайно взгляд Волжина упал на кейс в руке одного из них,

и по телу будто пробежал электрический разряд: точно такой же, с двумя красными полосками, как у Аристархова. Не иначе, для обмена. А возможно, они уже обменялись. Вот так фокус!

Наконец подошла его очередь, и Волжин, оформив документы и получив ключ, тоже поднялся на второй этаж — его номер располагался рядом с аристарховским.

Оставив дверь приоткрытой, чтобы видеть, когда встречавшие покинут курьера, он сбросил шапку и куртку, убрал дорожный чемоданчик в шкаф, умылся и вышел в коридор.

В небольшом холле сидела дежурная по этажу — симпатичная женщина лет тридцати пяти. Рядом с ней на витрине лежали газеты, журналы и сигареты разных сортов.

Александр купил “Известия” и “Тихоокеанскую звезду”, поинтересовался, где буфет и когда начинает работать ресторан, уселся на диване, развернул газету, не выпуская из поля зрения дверь Аристархова. Представители “Дальпушнины” не торопились оставить гостя. Видно, разговор шел серьезный, обстоятельный.

Спустя минут пятнадцать в холле появилась блондинка, тоже купила газеты и пристроилась рядом с Александром.

— Все о Чечне да о таджиках! — недовольно хлопнула она по газете. — Сколько еще наши правители будут цацкаться с этими дикарями? Грабят, убивают, не стыдятся брать в заложники даже представителей Красного Креста, оказывающих им помощь.

Она разговаривала как бы сама с собой, и Александр сделал вид, что не слышит ее, продолжая внимательно читать газету.

— А наши военные? Будто не мужчины, а бараны безвольные. — Блондинка сердито взглянула на Волжина. — Вы не согласны?

Ответить Александр не успел: из номера подопечного вышли встречавшие его мужчины. Блондинка проводила их взглядом, а когда Аристархов возвращался в свой номер, поднялась и, наигранно улыбаясь, зашагала ему навстречу.

— Вы уже гостей принимаете, Владимир Васильевич? — спросила кокетливо с оттенком ревности. — Может, и землячку пригласите на чашку кофе?

Аристархов помотал головой:

— Я очень устал, Мила. Давайте отдохнем пару чашечек, а потом я вас приглашу не только на кофе.

— Ловлю на слове! — лукаво погрозила ему пальчиком блондинка и, вилля бедрами, направилась в свой номер.

Александр, выждав, когда она удалится, постучался к подопечному. Тот уже разобрал постель.

— С ног валюсь, — пробормотал курьер. — А ты? К себе пойдешь или подремлешь тут, в кресле? Думаю, днем на нас никто охотиться не рискнет. Сегодня от-

дыхаем, а завтра утром у меня встреча с гендиректором “Дальпушнины”.

3.

Утром следующего дня, как и предупреждал, Аристархов уехал на деловую встречу, а Волжин остался сторожить его загадочный кейс.

— А твоя блондинка не пошарила в нем вчера? — с насмешкой спросил Александр, перед тем как тот откланялся.

— Дудки, — весело отозвался Аристархов. — У меня железное правило: когда имею дело с женщиной, заставляю ее держаться за причинное место, чтобы руки были заняты и не шарилась по карманам. Учись, брат. И вот еще что: если Мила позвонит, скажешь, что вернусь часов в восемь...

Да, этот интеллигентный с виду человек оказался совсем не таким, каким предстал сначала. Он не только рискованный, но и авантюрный.

Почему Аристархов поехал к гендиректору “Дальпушнины” без кейса? Значит, обмен уже состоялся? Или специально оставил “дипломат” как приманку, чтобы проверить Александра?.. Как бы там ни было, а хорошо бы знать, что там лежит, за что башкой рискуешь.

Александр набрал номер телефона оперативного дежурного по гостинице. Тот из уважения к бывшему омонвцу вызвал специалиста и явился с ним через несколько минут.

Специалистом оказался мужчина лет двадцати пяти, худощавый и невзрачный, совсем не похожий на работника милиции. В руках у него тоже был кейс, правда, попроще, наш, российский. Он осмотрел кейс Аристархова, покачал головой.

— Серьезная машина, — сказал уважительно. И начал колдовать.

На первый замок ушло минут пятнадцать. И второй поддался не сразу. Когда же крышка открылась, парень заметил:

— Кейс со счетчиком, фиксирует каждое открытие.

— И обратно никак нельзя? — буркнул опешивший Волжин.

— Чтобы сделать это, надо распотрошить весь кейс. Потребуется день или два.

— Нет-нет! Спасибо, — приходя в себя, Волжин протянул “медвежатнику” причитающийся гонорар.

Никакой валюты в кейсе не оказалось. Под бельем лежали кассеты, маленькие, с копеечную монету, круляши, уложенные в несессер.

Волжин впервые видел такие крохотные магнитофонные кассеты, и ленты с волос толщиной, и прослушивающую аппаратуру чуть больше спичечного коробка. Еще более удивило его содержание записи разговора двух, судя по голосам, высокопоставленных людей.

— Нас интересуют настроения в армии. Что говорят о нынешнем правительстве офицеры?

— Да то же, что и основная масса народа. По три меся-

ца не получают жалованье, живут впроголодь, ютятся в плохо отапливаемых квартирах, у многих вообще нет крыши. снимают частные углы, на которые уходит чуть ли не половина полочки. Будут они после этого славить и поддерживать нынешнее правительство?

— О бедственном положении армии мы знаем. Но поддерживают ли ваши офицеры и генералы тех, кто, к примеру, в открытую выступит против Ельцина?

— Что значит "поддержать"? В каком смысле?

— С манифестами вы можете против своего губернатора выступать, — недовольно заявил собеседник. — В Москве горлопанов своих хватает. Для чего мы, спрашивается, готовим бойцов легиона?

— Но ситуация, как говорили когда-то вожди революции, еще не созрела.

— Она перезрела! Война с Чечней позорно проиграна, экономика развалена, президент болен и управлять страной не может. Россия в яму катится, и надо остановить это падение, если мы не страна законченных дураков.

— Зря вы так горячитесь. Роман Захарович. Народ уже пережил одну гражданскую войну. И в девяносто третьем попытался убрать президента. А что из этого получилось?

— Тогда была другая ситуация. Одна Москва погоды не делает. Потому мы и готовим отряды на периферии.

Ошеломленный услышанным, Волжин думал не о фиксаторе, разоблачавшем его и, несомненно, приговаривавшем к смерти, а о заговоре, готовящем народ к новой гражданской войне.

Ельцина ему было не жаль: тот из-за своих пустых обещаний и бездеятельности давно потерял не только доверие, но и уважение. Однако то, что затевали заговорщики, сулило еще худшие перспективы. Александр уже понохал пороку, видел, какие бедствия причиняет война, и у него холодок пробежал по спине, когда некий Михаил Семенович утверждал, что пора братья за оружие, и уговаривал собеседника устроить заварушку на Дальнем Востоке...

"А я кроме Корданова да Аристархова, по сути, никого в Москве и не знаю, — размышлял Волжин. — То, что этот Михаил Семенович — столичный волк, не вызывает сомнения. Скорее всего из военных. Если память мне не изменяет, Роман Захарович — это генерал, подмосковный комдив. А вот Бориса Ивановича не припомню, скорее всего он из молодых, но солдафон отменный. Кто же в таком случае их конкуренты, кто охотился за кейсами? Надо полагать, что и в похищенных "дипломатах" хранилось нечто подобное. Почему тогда все эти романы захаровичи, михайлы семеновичи, борисы ивановичи на свободе?"

Его раздумья неожиданно прервал телефонный звонок, резко разорвавший тишину.

Волжин снял трубку.

— Доброе утро, Владимир Васильевич! — Александр узнал игривый голос Милы. — Как спалось, какие сны снились?

— Это не Владимир Васильевич. А кто его спрашивает?

— Людмила Олеговна. Попросите его к телефону.

— К сожалению, он в отъезде.

— А это кто?

— Александр Васильевич, его брат, — слукавил Александр.

— А-а, это тот, с которым я вчера пыталась дискутировать?

— Тот самый.

— Очень приятно... А чем вы занимаетесь?

— Только что проснулся.

— Тогда приводите себя в порядок и приходите ко мне в гости. Или лучше мне заглянуть?

"Какова сучара!" — мысленно усмехнулся Александр. И тут в голове промелькнула прекрасная мысль: "Вот кто может выручить меня с проклятым кейсом".

— Будем считать, что я вас уже пригласил. Через полчаса вам позвоню. Договорились?

— Разумеется! Жду.

Она явилась, к его удивлению, в легком японском халатике, сквозь который просвечивали кружевной бюстгальтер и узкая полоска белых трусиков. Сразу взяла с места в карьер:

— У тебя выпить ничего не найдется? Вчера я с твоим братцем перебрала немного.

— Джину? Водки? Коньяку? — полюбопытствовал Александр.

— Лучше, конечно, коньяку. И шампанского, если можно, немножко, — без стеснения попросила Людмила.

— Хорошо, сейчас спущусь в буфет и принесу. Что взять на закуску?

— Что-нибудь легкое. Есть еще не хочется.

Волжин вышел из номера и, тяжело протопав по коридору, тихо вернулся к двери. Путана расхаживала по номеру, внимательно осматривая находящиеся в нем вещи. Заглянула в тумбочку, открыла шкаф для одежды и начала шарить по карманам куртки, пиджака и брюк. Проверила бумажник: паспорт, билеты на самолет. Из двадцати стотысячных купюр две сунула в карман халатика, не удержалась.

Увидела внизу шкафа кейс. Достала его и, положив на стул, подняла крышку. Действовала дамочка спокойно и уверенно, словно опытная воровка.

Александр рывком открыл дверь. Блондинка вскинула голову и изобразила на своем красивом лице заготовленную улыбку:

— Извини, я курить захотела, а нигде сигарет не нашла.

— Пройдите вон туда! — строго произнес Александр, указывая на диван. — Садитесь! — И набрал номер телефона дежурной. — Прошу пригласить в двадцать третий номер милицию. Здесь вор.

— Да ты что?! — возмутилась путана и попыталась встать.

— Сидеть! — прикрикнул Александр, не давая ей подняться. — Если вы ничего не украли, милиция разберется и вам бояться нечего.

— Но зачем милиция?! Мы с вами интеллигентные

люди... Я действительно рассчитывала найти там сигареты. — кивнула она на кейс. — Смешно... Ваш брат не похвалит вас за это.

— Думаю, в восторге он не будет.

— Разумеется. Вы все, мужчины, ревнивы до идиотизма. Если переспали с женщиной, то считаете ее уже своей собственностью. А разве я виновата, что он меня только раздражил. Я всю ночь не спала...

— Эту сказку ему и расскажете.

Оперативный дежурный, уже знакомый старший лейтенант, появился довольно быстро. Едва Александр повернулся к нему, как путана выбросила из кармана купюры. Тот заметил это и сказал:

— Напрасно! На них все равно остались отпечатки ваших пальцев.

Людмила резко поднялась и, наступив на деньги, крутнула несколько раз ногой.

— Он хотел купить меня за эти две паршивые бумажки! — бросила с вызовом милиционеру. — А теперь, не получив желаемого, хочет обвинить в воровстве.

— Разберемся, — присел около стола старший лейтенант и достал из кожаной планшетки несколько листов бумаги. — Сейчас пригласим понятых, составим акт...

4.

В Москву вылетели только на третий день после ареста Людмилы Олеговны Донской. Все эти три дня Волжину и Аристархову пришлось являться в прокуратуру и давать свидетельские показания.

Аристархов злился на Александра и упрекал его в том, что он зря впутал их в эту грязную историю.

— Подумаешь, две бумажки она у него свистнула! Экая сумма! В ресторане в десять раз больше просаживаешь в один присест, — ворчал он.

— Эта стерва залезла в твой кейс, и я не знал, что она оттуда сперла.

— Что она могла там найти, кроме грязного белья? — отмахивался Аристархов. — А теперь и в Москве прокуратура не даст нам покоя. А если узнает жена...

— Чего теперь гадать, — возражал Волжин. — Урок твоя блондинка преподнесла хороший. Прокуратура — ерунда, там мужики понимающие сидят. А вот если тебе к врачу придется обращаться...

— Тишун тебе на язык! — отмахивался Аристархов и хоть на время умолкал.

Александр делал вид, что совершенно спокоен, но раздумывал над тем, как поведет себя курьер в Москве. Если признается, что в его кейсе шарил блондинка и заглядывала туда милиция, обоим головы не сносить. Аристархов, возможно, и не знает, что записано на кассетах: после того, как произошла замена кейсов, он совсем по-другому повел себя, считая, что раз денег нет, значит, нет и опасности.

Как встретят их и что спросят в Москве? А если у Корданова свой осведомитель в хабаровском УВД? Организация ведь настолько сильна, что на президентский трон замахнулась. А он-то считал, что имеет дело с обыкновенными торгашами. Теперь и вовсе назад ходу нет — не кордановцы, так другие постараются, чтобы никто не разгласил тайну.

На душе было муторно. В такой ситуации без бутылки ничего не сообразишь. Но и пить нельзя. Не только потому, что хозяевам дал зарок. Просто теперь надо держать ушки на макушке: малейшая ошибка, опрометчиво оброненная фраза могут стоить ему жизни. А уж если в Чечне выжил, в Москве получить пулю от своих совсем не резон. Хотя какие они свои? Бандиты под стать чеченским...

В Хабаровске до самого трапа самолета их провожали сотрудники службы безопасности, одетые в штатское. А когда Волжин предъявил билет симпатичной контролерше в летной форме, почувствовал, как ему в карман куртки сунули пистолет, — эту штуку он легко узнает не только по весу. Значит, не все опасности позади...

В самолете Волжин, как и прежде, сидел в третьем ряду сзади курьера и, делая вид, что дремлет, наблюдал за подопечным. Рядом с Аристарховым расположилась молодая парочка, похоже, студенты. Они весело болтали и, прикрываясь газетой, целовались.

В Москву прилетели вечером. Аристархова встретили двое мужчин. Он оживился, радостно пожав им руки, направился к зданию аэровокзала. Александр последовал за ними.

Ничего подозрительного он не заметил. Но когда Аристархов и его спутники подошли к черной "Волге", Волжин увидел, как от бровки тротуара плавно отъехала иномарка. Ему бросилось в глаза и сразу насторожило открытое боковое окно — это в десятиградусный мороз! Он машинально сунул руку в карман, где лежал пистолет, и в это время треснула автоматная очередь.

Аристархов и его спутники упали. В ту же секунду из иномарки выскочил мужчина в камуфляже и бросился к кейсу Аристархова. Но Волжин уже выхватил пистолет и дважды выстрелил. Камуфлированный, будто споткнувшись, ткнулся головой в распростертого Аристархова.

Александр открыл беглый огонь по иномарке. Она, круто развернувшись, скрылась в темноте.

5.

Зима в Москве выдалась на редкость неустойчивой: сравнительно теплые дни сменялись холодными, несущими то обильные снегопады и метели, то крепкие морозы и обжигающие ветры. Февраль подходил к концу, а зима будто и не собиралась сдавать позиций.

Не утихали и политические страсти в столице: фракция компартии подняла в Думе вопрос об импичменте. Бастовали шахтеры Кузбасса, Воркуты и Приморья, в некоторых регионах прекратились занятия в школах: учителя требовали выплаты задолженностей по зарплате.

Волжин видел, как обеспокоен и сосредоточен Корданов, как мотается целыми днями по Москве и Подмосковию, беря иногда с собой и его (не хватает телохранителей, а убийства видных бизнесменов и банкиров участились).

Борьба, как вскоре понял Александр, разгорелась не на шутку. Руководители фирмы "Мосэксимпорт" зачастили к своим партнерам за рубеж. Напряженность росла и среди остальных сотрудников.

Волжин переехал на Чистые пруды в однокомнатную квартиру Аристархова, куда курьер так и не успел перевезти семью из Ижевска. Тот все ждал, когда раскрутится и купит трехкомнатную. Не дождался... Корданов воспринял его гибель без эмоций и, вопреки ожиданиям Александра, вместо упреков поблагодарил его за то, что не дал налетчикам завладеть кейсом. Обвинил в беспечности и ротозействе встречающих. Но с тех теперь какой спрос...

Сообщить семье о гибели Аристархова было тоже поручено Волжину.

— Заодно и кралю свою навестишь, — с улыбкой заметил Корданов.

Но одной из первых ижевских встреч была встреча Александра с Иваненко. Он надеялся уточнить свою роль при ликвидации криминальной организации "Мосэксимпорт" с ее дочерних филиалов — "Касситерита" и "Дальпушнина". Ведь убийцы Пушкарева и Магирко выявлены, аристарховские — разыскиваются. Руководители заговора, можно сказать, установлены. Но оказалось, дело только начинает разворачиваться: важно установить, кто стоит за Кордановым, откуда поступают средства на содержание школ боевиков, сколько их и где располагаются, а главное, как и когда планируют заговорщики осуществить свои планы.

Иваненко советовал Александру теснее сблизиться с Кордановым, войти к нему в доверие, чтобы быть в курсе всех событий и информировать обо всем органы безопасности.

— Ты будешь под нашим прикрытием, и мы будем держать с тобой постоянную связь, — пообещал он.

Что ж, доверие Корданова Волжину, судя по всему, удалось завоевать, а вот пробиться в более высокие структуры пока не получалось. После гибели Аристархова отставной генерал удостоил его лишь вакантной должности курьера.

— Проморгал подопечного, теперь сам будешь вести дипломатию с нашими партнерами. И телохранителя можешь себе подобрать.

— А не лучше ли без него обойтись? — высказал свое соображение Александр. — И без вашего пресловутого кейса, который каждому дураку в глаза бросается.

Корданов помолчал, размышляя.

— Может, в чем-то ты и прав...

Когда Волжин узнал, куда в очередной раз летит и с кем, у него мелькнуло желание послать всех по известному адресу да найти работенку поспокойнее.

О президенте российского акционерного общества "Нефгаз" Мардуховиче он не только был наслышан, но и не раз видел его по телевидению, слышал пыльные выступления о том, как следует продвигать экономическую реформу, как строить рыночные отношения с зарубежными партнерами и внутри страны. Все сводилось к тому, что Россия богата сырьевыми ресурсами и необходимо их разумно использовать, а на Западе закупать современную технику, продовольствие, пока у себя не наладим производство, соответствующее лучшим зарубежным стандартам. И ведь Мардуховича поддерживали многие государственные мужи, они открывали ему широкую дорогу для торговли с ближним и дальним зарубежьем.

Хотя Александр и не был силен в экономике, концепция Мардуховича ему не нравилась. Распродавать ресурсы страны — значит плодить у себя безработных, плестись в хвосте у иностранных воротил, быть от них в постоянной зависимости. Не нравился ему и сам президент "Нефгаза", лоснящийся от жира пятидесятилетний толстяк, вальяжный, высокомерный. Еще когда Волжин служил в ОМОНе и как-то на дежурстве смотрел телепередачу с участием Мардуховича, находившийся в дежурке следователь уголовного розыска Алеша Максимов заметил:

— Правая рука главного московского мафиози.

— А кто главный? — полюбопытствовал Александр.

— Вычисли сам, — усмехнулся Алексей. — А я расскажу тебе лучше о Мардуховиче. Он до того как получить портфель президента "Нефгаза", приезжал к нам с полномочиями представителя "Газпрома" и "Мосэнерго" выбивать долги за газ и электроэнергию. И знаешь, чем авиаторы расплатились? Самолетом. Теперь президент "Нефгаза" имеет собственный лайнер... Попытались было мы взять его за мягкое место, а он, оказывается, является членом Совета по промышленной политике и предпринимательству при правительстве России, помощник первого вице-премьера ему покровительствует...

И вот этого типа, по ком тюрьма давно плачет, Александру поручалось сопровождать в Германию.

— Подбери соответствующий гардероб, — приказал Корданов и спросил: — Хотя школьные знания немецкого остались?

— Какое там! В Чечне в засадах на бандитов последнее порастерял, — пошутил Александр.

— Худо, — отрезал Корданов. И прищурил в усмешке глаза: — Мардуховича будут сопровождать собственные телохранители. Твоя задача — передать ему в Германии кейс, а на обратном пути забрать.

Ясно, что в "дипломате" что-то очень ценное, коль посылают специального курьера. Ведь президент сам вполне бы мог поручить это дело одному из телохранителей. Вероятнее всего, в кейсе нечто такое, из-за чего помощник первого вице-премьера не пожелал рисковать своим протезом.

В Берлин вылетели вечером. Когда Волжин поднялся в самолет, Мардухович уже сидел в кресле. Его телохранителей среди пассажиров, в основном мужчин, распознать было непросто. Впрочем, Александр и не пытался этого делать: не его забота охранять важную персону.

Он занял место позади, как было с Аристарховым, правда, не на два ряда, а на четыре, и, поставив кейс между ног, достал из кармана купленные в киоске аэропорта газеты. На этот раз он чувствовал себя куда спокойнее и даже начал незаметно дремать.

Очнулся, когда самолет произвел посадку.

Таможня, проверив документы и сделав отметку о прибытии, пропустила его в зал, где около колонны в окружении четырех мужчин стоял Мардухович. Александр, как и было условлено, подошел к ним. Двое из команды оказались немцами, встречавшими президента.

Мардухович представил им Александра.

— Мой компаньон господин Волжин.

После взаимных рукопожатий все шестеро направилась к выходу, где их ждали два черных лимузина. Мардухович посадил Александра рядом с собой и в машине забрал кейс.

В Берлине они пробыли два дня. В первый день Мардухович встречался с процветающими бизнесменами, и его сопровождал Александр. Президент свободно говорил по-немецки, хотя русских гостей сопровождал переводчик, и Волжин мало что уловил из переговоров. Зато вечером, в гостях у господина Бирюзова, русского предпринимателя, непонятно какими судьбами оказавшегося в Германии и пригласившего Мардуховича на ужин, Александр догадался о цели визита российского бонзы: он предлагал Бирюзову наладить в Подмосковье совместное производство микроавтобусов.

На второй день Мардухович умчался куда-то один, предоставив Александру полную свободу: "Поболтайся по немецкой столице, посмотри, как живет побежденная нация". Говорил с подковыркой, с ехидцей.

Из Берлина вылетели в Белоруссию на частном самолете, принадлежавшем Бирюзову. Приземлились на правительственном аэродроме в Мачулищах, под Минском, где когда-то базировались дальние бомбардировщики Союза.

Еще в самолете Мардухович вернул Александру кейс. Не стал скрытничать, бросив коротко:

— Валюта. Много. Отвечаешь головой.

На аэродроме их встретил микроавтобус с тонированными стеклами. В него погрузили какие-то мешки, и Мардухович с телохранителями помчался в Минск, чтобы там оформить таможенную декларацию. Вернулся довольно быстро. Подозвал Александра:

— Вот что, голубь, лети-ка ты рейсовым самолетом. От греха подальше.

До отлета авиалайнера оставалось чуть более трех часов, и Волжин, воспользовавшись моментом, проинформировал о положении дел Иваненко. В Москву звонить было опасно — вполне вероятно, что служба безопасности Мардуховича отслеживала звонки из Минска.

Рейсовый самолет приземлился во Внуково на четыре часа позже частного, бирюзовского. Волжина поджидал сам Корданов. По его хмурому лицу Александр догадался — что-то произошло. Хозяин молча взял у него кейс и, лишь когда сели в машину, спросил:

— Все в порядке?

— Разумеется, — как можно беспечнее усмехнулся Александр.

Корданов, набычив шею, помолчал и вдруг, окинув Александра подозрительным взглядом, сообщил:

— В крупную неприятность вляпался шеф: таможенники во Внуково арестовали сорок миллионов долларов. — Он продолжал сверлить Александра испытующим взглядом.

— Ну и что? — пожал плечами Александр. — Заплатит таможенные, всего-то и делов.

— Так-то оно так. Да хотелось бы знать, какая сволочь им настучала. Без этого точно не обошлось.

— Кто еще мог, кроме Интерпола? — высказал предположение Александр. — После заявления Лукашенко о желании объединиться с Россией эти ребята начали особенно свирепствовать.

Корданов наконец опустил глаза.

— Разберемся.

6.

Хотя Корданов и сделал вид, что не подозревает Волжина, на самом деле Александр продолжал оставаться у него под колпаком. Это подтверждало и временное отстранение от дел.

— Отдыхай, — покровительственно-заботливо сказал отставной генерал.

Стелил он мягко, но спать Волжину было жестко: мысль о том, что Корданов может прозвать о его звонке в Ижевск, серьезно беспокоила. Служба безопасности у Мардуховича поставлена не хуже, чем у директора ФСБ — всюду свои люди, а где их нет, там подкупают других, платят бешеные деньги за ценную информацию. Отдыхать — это вовсе не означало полной свободы действий. Корданов предупредил: "Если будешь куда отлучаться, поставь в известность". Можно было попробовать отпроситься в Ижевск, повидаться с родителями, провести пару дней с Татьяной, но он отказался от такого соблазна. Во-первых, там будет усиленная слежка, во-вторых, визит может навести на мысль, куда он мог позвонить из Минска.

И Волжин решил последовать совету шефа — не дергаться. Два дня валялся в кровати, читая детективы Чейза и сравнивая описываемые ситуации с отечественными. Выходило, что американские преступники по сравнению с российскими — мелкая шантрапа.

На третий день раздался телефонный звонок. Волжин снял трубку и сразу узнал голос Татьяны.

— Привет, милый, — ласково зазвенел ее голосок. — Не звал меня в гости, а я вот взяла да и сама без приглашения явилась.

— Ты откуда звонишь? — удивился он.

— Из Первопрестольной. Шеф послал ознакомиться с московскими ночными кабаре, но прежде я решила тебя навестить.

— Спасибо. А кто дал тебе мой телефон? — спросил он и тут же усмехнулся своей несообразительности. — Знаешь, где я живу?

— Разумеется.

— Тогда жду.

Он быстро привел комнату в порядок, заглянул в холодильник.

— Позавтракать есть чем, обедать будем в ресторане. Ну а на ужин что-нибудь купим на обратном пути.

Они не виделись меньше месяца, но за это время Татьяна будто помолодела: щечки пылают с мороза румянцем, большие карие глаза сияют счастьем. На ней каракулевая серебристого цвета шуба с роскошным воротником из чернобурки, такая же шапка. Прильнула к нему прохладная, нежная, желанная...

Потом они сидели за столом, потягивая коньячок, и Татьяна рассказывала о домашних новостях, расспрашивала о службе и жизни. И как бы мимоходом поинтересовалась:

— Не жалеешь, что ушел из ОМОНа? Там, по-моему, было спокойнее.

— Спокойнее вот здесь, с тобой, — ответил он с улыбкой. — А что прошло, того уже не вернешь.

— Завтра День защитников Отечества. Ты, по-моему, имеешь к этому празднику самое непосредственное отношение.

— Если считать войну в Чечне защитой Отечества, — грустно усмехнулся Александр, вспомнив, как их в открытую проклинали горянки, с какой ненавистью и жаждой мести смотрели вслед старики и мальчишки.

— Не только, — не приняла иронии Татьяна, — ты и сейчас защитник, поэтому в честь этого дня я привезла тебе подарок. — Она достала из сумочки электронные часы с браслетом и надела их ему на руку.

Вечером она уговорила его пойти в театр. Смотрели в филиале Малого комедию Островского "Свои люди — сочтемся".

— А помнишь, как на нас напали в день знаком-

ства? — с улыбкой спросила Татьяна, когда они возвращались.

— Я помню, как мы с тобой танцевали.

Транспорт уже ходил редко, и они прождали минут десять, тщетно ловя попутку. На остановке скопилось много народу, и, когда подошел автобус, им с трудом удалось втиснуться в дверь. Едва "Икарус" тронулся, как стоявшая впереди женщина громко завопила:

— Сумочку, сумочку с деньгами вырвали! — И повернулась к Волжину. — Отдай, бандюга! Отдай, пока милицию не позвала!

— Ты что, тетя, белены объелась?! — возмутился Александр. — Какую сумочку? Я вот подругу подсаживал...

— Знаю вас, жуликов! — перебила та и снова закричала: — Милиция! Есть тут кто-нибудь из милиции?

— Есть! — отозвался мужской голос, и Александр увидел, как к ним с решительным видом протискивается сержант.

"А ведь это провокация!" — промелькнуло в сознании Волжина.

Люди с неохотой уступали милиционеру дорогу. Наконец он оказался рядом. Женщина торопливо и сбивчиво начала повторять версию о выхваченной у нее во время посадки сумочке. Милиционер потеснил пассажиров и осмотрелся: нигде ничего не валялось.

— Попрошу, гражданин, на остановке выйти со мной. И вы, гражданочка! — тоном, не терпящим возражения, приказал сержант потерпевшей.

— Да вы что?! — возмутилась Татьяна. — Мы едем вместе, а эту даже близко не видели.

— Сойдемте и вы, — невозмутимо заметил сержант.

Автобус, скрипнув тормозами, остановился. Дверь отворилась, и вышли пятеро. Пострадавшая, Александр, сержант милиции, Татьяна и молодой крепкого сложения парень.

— Отпусти мужика, сержант, — сказал он. — Никакой сумки у этой аферистки не было. По крайней мере, он не крал.

— А кто? Ты?! — сержант попытался схватить парня за руку.

— Не лапай, я тебе не девка! — возмутился тот.

Автобус тем временем тронулся.

— Ничего, потерпишь. — Сержант указал на тротуар, уводящий в глубь улицы, и сунул руку за борт куртки, но достать ничего не успел — неожиданно грохнул выстрел. Милиционер медленно стал оседать набок. Парень схватил за рукава Александра и Татьяну, крикнул:

— Бежим!

Они машинально рванулись было за ним, но, сделав несколько шагов, Волжин опомнился и остановился.

— Ты чего? — не поняла Татьяна.

Парень, бросив их, метнулся в переулок.

— Это провокация, — повторил уже вслух свое предположение Александр.

— Какая провокация?! — Татьяна тянула его за руку от места происшествия. — Бежим, иначе всю оставшуюся жизнь придется оправдываться.

— Убили! Убили! На помощь! — вопила между тем мнимая потерпевшая на остановке.

“Да, в такой ситуации оправдаться будет сложно”, — подумал Александр и, схватив Татьяну за руку, метнулся в противоположную от убежавшего сторону.

К себе они добрались благополучно, но ночью Александр не сомкнул глаз — лежал, раздумывая о происшедшем. Случайно ли произошла такая несладкая или все подстроено Кордановым?

То, что карманников развелось в Москве, как мышей в голодовку, секрета не составляло, но почему тетка прицепилась именно к нему? Да, втиснув Татьяну в автобус, он стоял рядом. Рядом с парнем, что вступился за него... Почему тот вступился? Хотел помочь? Ненавидит ментов? Но стрелять просто так, из ненависти?.. Хотя в наше время для таких молодчиков, обкуренных или обколотых, убить человека, что муху прихлопнуть.

Волжину приходилось сталкиваться с наркоманами в Чечне. Страшные, бесчувственные и бессердечные люди. Да и люди ли они?.. Однако парень, вступившийся за него, не был похож на наркомана...

Тогда все-таки Корданов? Зачем? Всерьез заподозрил или дознался наверняка, что это через Волжина таможенники вышли на миллионы Мардуховича? За такое мафия тюремным заключением не ограничилась бы. Да и зачем создавать всякие сложности, разыгрывать спектакль с задержанием, убивать мента? Проще было бы воткнуть в спину нож или ухлопать из пистолета.

Так что же за всем этим?

Утром Волжин включил телевизор. Диктор, передававший новости, сообщил об убийстве на Ордынке милиционера, задержавшего вора и пытавшегося препроводить его в отделение. Назывались приметы вероятного убийцы: выше среднего роста, лет тридцати, брюнет, лицо европейское, с усиками. Одет в серое ратиновое пальто, такого же цвета велюровую шляпу.

О том, что с ним из троллейбуса вышли еще парень и девушка, ни слова.

Диктор обращался ко всем, кто был свидетелем происшествия и более подробно запомнил приметы убийцы, с просьбой позвонить по “02”.

— Интересный расклад, — грустно усмехнулся Александр, почесывая в задумчивости затылок.

Через полчаса позвонил Корданов:

— Как отдыхается молодым людям?

— Отдыхать не работать, — ответил Волжин как можно бодрее. — Вот чай распиваем.

— Это хорошо, что вы дома. У меня дело к тебе есть. Можешь меня принять?

— О чем разговор!

Когда Корданов положил трубку, Александр попросил Татьяну сходить в магазин.

— Купи хорошего коньяка и что-нибудь закусь. Шеф любит крепкие напитки и сырокопченые колбасы...

Татьяна вернулась вместе с Кордановым, с улыбкой объяснила, мол, встретились у подъезда.

“Возможно, и так, — в Александре снова проснулись сомнения. — Но ведь и с командировкой ее что-то не так. Второй день в Москве, а сходить в ночное кабаре собирается лишь завтра. Правда, она звонила директору, сообщила о своем приезде и о ближайших планах. Все будто бы как и должно быть, но...” Подозрения уже сверлили мозги.

Корданов дружески поздоровался, наигранно позавидовал его сладкому времяпрепровождению:

— Бывало, так меня чужие жены ждали, как я теперь жду собственную жену...

Татьяна с проворством профессиональной официантки стала накрывать стол.

— А пива у тебя нет? — окинув взглядом бутылки, неожиданно спросил гость.

— К сожалению, нет. Вы же его не любите.

— А сегодня вдруг захотелось. Вчера начали отмечать 23 февраля, перебрал малость. Теперь жажда мучит.

— Я сбегаю. — Татьяна догадалась, что мужчинам надо поговорить без свидетелей.

Едва за ней закрылась дверь, Корданов резко спросил:

— Почему ты из Минска полетел пассажирским рейсом, а не вместе с Мардуховичем?

— Так он велел, — насторожился Александр и высказал предположение: — Наверное, предвидел, что во Внукове могут быть осложнения. Жалеет, что пришлось таможенные платить?

— Если бы, — вздохнул Корданов. — Конфисковали все сорок миллионов.

Он налил полную рюмку коньяку и осушил одним глотком. Не закусывая, продолжил:

— А валюта нам сейчас очень нужна: японцы предложили уникальную аппаратуру... В общем, придется тебе лететь к ним. Надо нашим благодетелям к майским праздникам подарок сделать.

— В Японию? — удивился Александр.

— А что тебя так напугало? Незнание японского языка? Подучи. — Корданов громко засмеялся, довольный своей шуткой. — Не дрейфь! Не один полетишь — и коммерсант будет, и переводчик... — Корданов взглянул на часы: — Включи телевизор, посмотрим, что там в стране творится.

Диктор повторял вчерашние известия. А в конце

вдруг показали фоторобот предполагаемого убийцы сержанта милиции.

— Ну вот, еще одного стража порядка лишили, — констатировал без малейшего сожаления Корданов. Налил себе еще рюмку коньяку. — Давай, брат, за 23 февраля выпьем. И за упокой души усопшего.

Александр поддержал гостя, выпил, не спуская глаз с экрана. Фоторобот довольно точно передавал черты его лица — овал, нос, подбородок...

— Ты чего уставился на экран? — спросил Корданов. И вдруг снова захохотал: — Вылитый Александр Волжин!

— А мне не смешно, — заметил Волжин. — Он так же на меня похож, как и на вас. Правда, чуть помоложе и пожирнее. Впрочем, это издержки техники, — и выключил телевизор.

Вернулась Татьяна, но Корданов пить не стал.

— Пиво после коньяка все равно что горчица после меда. Спасибо, Таня, выпью в другой раз. А теперь мне пора, надо еще отца навестить, он у меня ветеран Отечественной, один живет.

Волжин проводил его до лестничной площадки. Приход шефа не только озадачил его, но и натолкнул на интересную мысль: Корданов, похоже, не поверил, что деньги у Мардуховича конфисковала таможня. Надо как-то подкрепить это мнение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1.

Человек от Иваненко позвонил на другой день, когда Александр был дома один. Татьяна наконец-то отправилась на встречу с руководством ночного кабаре.

— Привет. Не разбудил?

— Да нет. Жду вот завтрак в постели, а подать некому. — Это был отзыв, сообщающий, что абонент в квартире один.

— Найми прислугу. Денег у тебя куры не клюют, ты же баснословные премии получаешь.

Александр понял, что началась игра, телефон прослушивается:

— От кого, интересно знать? Уж не твой ли босс собирается облагодетельствовать? — повел он диалог в нужном направлении.

— А разве он тебе еще ничего существенного не подкинул?

— И намека не было.

— Не врешь?

— А чего мне врать. Я после Минска его не только не видел, но и не слышал.

— Значит, и тебя он наколол, сука.

— Что-то я тебя не пойму.

— Плохо соображаешь, курьер. Сколько ты притаранил баксов?

— Ну, это не телефонный разговор.

— А ты знаешь, сколько он привез? Обещал, если все обойдется, десять процентов нам заплатить.

— Так у него все на таможне забрали, — возразил Александр.

— Это он тебе сказал или так шеф твой думает? — насмешливо спросил абонент. — А знаешь, кто самолет досматривал?

— Таможенники, разумеется.

— Хороши таможенники с удостоверениями фэзбэшников. Я тоже был со своей группой. Так вот, в аэропорту и вручили ему его мешки. А он, сука...

— Ты серьезно?

— Серьезнее не бывает. И еще грозит, мол, если пикнете, головы оторву. Напугал бабу до смерти. Да мы его самого за такую подлянку на куски разорвем.

— А может, не стоит связываться? Пусть подавится своими баксами.

— Да он же их лопатой гребет! А тут четыреста тысяч пожалел. Ладно, бывай. Я позвонил, чтобы просто удостовериться, что у тебя все нормально, — и повесил трубку.

“Клюнет на такую приманку Корданов или все же докопается до истины? — задумался Александр. В том, что телефон прослушивается, он не сомневался ни на йоту. — Должен клюнуть, коль у самого такое подозрение появилось. А докопаться не сможет. У таможенников, как и у разведчиков, все хранится за семью печатями”.

Предположения оказались верными: вечером заявился Корданов. Татьяна еще не вернулась, и отставной генерал взял с места в карьер:

— Кто тебе звонил утром?

— Утром? — Александр сделал вид, что старается вспомнить, напряженно обдумывая, что заставило шефа раскрыть тайну прослушивания. — Приятель звонил, Татьяна из кабаре...

— Что за приятель?

— Служили когда-то вместе. Теперь тоже в охране работает.

— У кого?

— У какого-то предпринимателя. Я не интересовался.

— Допустим. О чем вы говорили?

— О бабах, — усмехнулся Александр. — Вам это очень интересно?

— Очень. Боюсь, что твои усмешки могут обернуться слезами, если не кровью. Тебя взяли к нам не в бирюльки играть. Ты знаешь, на кого мы работаем?

— Лично я — на вас да на Мардуховича.

— Не прикидывайся идиотом! Ты отлично понимаешь, что мы такие же винтики, как и ты. Может, чуть покрупнее, поближе к ведущему колесу... А ты

темнить начинаешь. Рассказывай, о чем разговаривали.

— Если известно о звонке, стало быть, ясно, и о чем шла речь. К чему спектакль?

Корданов так стиснул зубы, что желваки заходили на скулах.

— Да, знаю, о чем вы говорили. Но почему ты скрыл от меня сведения о махинациях Мардуховича?

— Это еще надо доказать.

— Какие еще доказательства нужны, когда твой друг сам признался, что участвовал в том деле. Кто он и где живет?

Над этим вопросом еще ночью Александру пришлось изрядно поломать голову. И он нашел на него ответ. Действительно, в одной из коммерческих структур начальником охраны работал его бывший сослуживец по Чечне Саша Чертовских, веселый малый авантюрного склада ума. Он и в Чечне не гнушался прихватить иную вещь из брошенной квартиры, пошарить по карманам убитых, за что и был изгнан из ОМОНа. Урок ему впрок не пошел: будучи начальником охраны, он связался с криминальной группировкой и давал соответствующие наводки. Несколько дней назад правоохранительные органы вышли на него, но, предупрежденный кем-то, он скрылся. Возможно, что свои прикончили да поглубже закопали...

— Мой тезка — Александр Николаевич Чертовских. А вот где он живет и на кого работает — понятия не имею. Мы несколько раз встречались с ним в Доме литераторов — там всегда немногочленно и кухня хорошая.

— Ладно. С ним мы разберемся, — заверил Корданов. — А тебе вновь с Мардуховичем придется отправиться в командировку. В Японию. Но туда он не должен долететь...

— Я к вам в киллеры не нанимался! — вскинулся Александр.

— Ты хвост не поднимай! — повысил голос и Корданов. — Будешь делать то, что велют. В данном случае никто тебя не заставляет убирать босса. Твое дело — доставить по назначению кейс с деньгами. А обратно, не буду скрывать, привезешь уникальную радиоаппаратуру. И еще. Тебе обязательно нужно исчезнуть на время: поиск убийцы милиционера идет весьма активно, а фоторобот составлен довольно точный...

“Значит, я не ошибся: провокация в автобусе — дело рук Корданова. И задумал он ее для того, чтобы намертво держать меня на крючке”, — подумал Волжин, а вслух спросил:

— Когда отправляться в командировку?

— Я скажу. Но будь готов вылететь даже завтра.

На том и расстались.

2.

Волжин предвидел осложнения взаимоотношений между службой безопасности и президентом акционерного общества “Нефгаз” Мардуховичем, но чтобы Корданов принял решение зарезать одну из курочек, несущих золотые яйца, этого он не ожидал. Конечно, Мардухович — сволочь порядочная, но даже если бы он действительно присвоил сорок миллионов долларов, это не повод для его устранения. Тут, видимо, есть и другая причина. Но какой бы она ни была, участвовать в убийстве вовсе не хотелось.

Александр ломал голову, как же быть, но ничего путного придумать не мог.

От нечего делать начал искать в номере подслушивающее устройство. Просто из любопытства, даже не собираясь его устранять: при должной смекалке “жучок” можно использовать в своих целях. Покрутил трубку, разобрал сам аппарат — никаких признаков дополнительной начинки. Пошарил по комнате — все впустую.

“Да, ребята Корданова едят хлеб не даром, — подумал с огорчением, — умеют прятать концы в воду”.

Из приемника донеслись сигналы точного времени: двенадцать часов. Взбудораженный приходом Корданова, Волжин забыл о завтраке. Обратил внимание, что настенные часы врут, опаздывая аж на целых полчаса — пора, видно, менять батарейку. Заодно решил проверить и недавно подаренные Татьяной наручные. И тут его внезапно осенило: а не “жучка” ли вместе с часами ему подсунула возлюбленная? Он ведь еще тогда удивился: с чего это ей взбрело в голову делать ему такой подарок? Но радость встречи отогнала эту мысль. Теперь она вернулась.

Александр взял часы, повертел в руках. С трудом снял заднюю крышку. Присмотрелся. Рядом с батарейкой заметил маленькую круглую бляшку, чуть меньше чечевичного зернышка, с тончайшей мембраной, колеблющейся от дыхания. В том, что это микрофон, не оставалось сомнений. Завернул крышку.

У Татьяны точно такие же часы. Выходит, ее тоже подслушивают? Или просто заставили носить для отвода глаз? Знает она или не знает о секрете своего подарка? Должна догадаться: Корданов ничего просто так не делает... Во всяком случае надо проверить ее часы.

3.

Волжин, хотя и летал с Мардуховичем в Берлин, встречался несколько раз в его офисе, тем не менее мало что знал о нем: президент фирмы “Нефгаз”, но торгует с иностранцами не только нефтью и газом, а и цветными металлами, якутскими алмазами. У него обширные связи с высокопоставленными государственными чиновниками, с крупными иностранными

дельцами. Все это почерпнуто из разговоров с Кордановым и его окружением. Конкретно же Александр ни разу не видел босса в деле. И о его характере имел самое приблизительное представление: сухой, скрупулезный человек, педант, кроме выгодных сделок, купли-продажи ничем не интересуется. Внешне — ниже среднего роста, тучный, с заметно выпирающим брюшком, круглолицый и курносый. Он почти ни с кем не общался, не считая партнеров, не бывал ни в театрах, ни на концертах. И секретаршей у него служила такая старая мырма, что от одного ее взгляда хотелось побыстрее исчезнуть из приемной.

И вот этот могущественный человек сидит рядом с Александром в кресле воздушного лайнера, стремительно несущего их на край земли (а возможно, и на край жизни), веселый, энергичный, сыплющий анекдотами, которыми, кажется, набиты не только его голова, но и живот.

— "...Конечно, дураки, соглашается второй охотник, — продолжает со вкусом рассказывать анекдот Мардухович. — И у меня дома осталась милая жenuшка. Такая пухленькая, беленькая, ну чисто болонка. А мы тут по болотам шастаем. Давай выпьем за наших жен". А третий не пьет, насупился, молчит. "Ты чего это?" — спрашивает первый, у которого жена стройная, поджарая, как сеттер. "Не хочу за жен, — отвечает третий. — Потому как моя тоже сука, только не знаю, какой породы". — И Мардухович залиvisto захохотал. — А у тебя жена есть?

— Бог пока миловал, — ответил Александр, с сожалением думая о боссе: шутит, веселится и не подозревает, что смерть уже стоит за плечами. Правда, Иваненко сообщил, что и Мардухович, и он, Волжин, взяты под наблюдение и надежно прикрыты, что, пока они в полете, разрабатывается план вывода их из критической ситуации.

Александр не сомневался — коллеги постараются сделать все, чтобы не подставить его под удар. Но и Корданов не из простачков, по всему видно, не одну операцию по ликвидации опасных или неугодных людей провернул. А если уберут Мардуховича, то вряд ли оставят в живых и свидетеля. То, что начальник службы безопасности вручил Александру кейс с долларами, ничего не значит — заберет убийца. Поэтому надо быть постоянно начеку, не расслабляться. А Мардухович, как нарочно, пристаёт с предложением выпить то за одно, то за другое. Взял с собой бутылку "Метаксы" и уже почти ополовинил ее.

— Ты что, за свой кейс боишься? — шепчет на ухо. — Зря. У меня такой же. Нас хорошо охраняют... — указал он большим пальцем назад. — Нет ничего приятнее, чем покинуть землю с ее невзгодами и дрязгами... А ты любишь летать?

— Рожденный ползать летать не может, — отшутился Александр. — Мы же не летаем, нас везут. А куда, зачем — только Богу да пилоту известно.

Мардухович с хмельным изумлением посмотрел ему в глаза.

— Да ты философ. Неужто и в самом деле в Бога веруешь?

— Если самый первый безбожник, главный в недавнем прошлом коммунист уверовал, то как же нам, рядовым, идти против его воли? Я человек законопослушный, чту и Бога, и начальство.

— Ох и жук ты! — погрозил пальцем Мардухович. — А что ж ты из ОМОНа сбежал?

— Не сбежал, а выгнали.

— За что же такого богобоязненного и законопослушного?

— Черт попутал: разок малость перебрал, наделал глупостей. Вот с того времени и держу себя в руках.

Мардухович помотал головой, повторил упрямо:

— Жук ты, ловчила. Но меня не проведешь! Хотя... Я люблю умных людей. Сколько тебе Корданов платит? — И, не дожидаясь ответа, махнул рукой: — Не придумывай, сам знаю. Жмот он порядочный. Хочешь ко мне перейти? В два раза больше будешь получать. — Он налил в обе рюмки коньяку. — Выпей и не торопись с ответом. Я тебе такое расскажу, что сам захочешь поскорей перебраться ко мне.

Мардухович, несомненно, знал многое из того, о чем Александр и не догадывался. Чтобы выведать его тайны, Волжин выпил бы и не одну рюмку. Но не хитрит ли Мардухович, не желает ли сам что-то выпытать у него?

— Только из уважения к вам, Михаил Семенович, — взял рюмку Волжин. — И за ваше здоровье.

Мардухович пил коньяк мелкими глотками, будто смакуя каждую кашлю. Вытер тыльной стороной ладони свои толстые, прямо-таки негритянские губы. Отломил кусочек шоколада. Пососал и, глядя прямо в глаза Александру, продолжил:

— Как можно не любить такой божественный напиток? Он не только душу согревает, он поднимает настроение, заставляет забыть о всех земных невзгодах. — Помолчал, досасывая шоколадку. — Ты знаешь, что творится в нашей конторе? — указал большим пальцем назад, в направлении Москвы.

— Слыхал кое-что, — не стал отрицать Александр, чтобы не показаться человеком изолированным от московских закулисных интриг, которого не стоит посвящать в более серьезные дела.

— Так вот, — продолжил Мардухович, доставая сигарету и со вкусом закуривая, — там назревают такие события, что боюсь, как бы дело не кончилось бойней. Во всяком случае крупных разборок не избежать. И знаешь из-за чего?

Александр неопределенно кивнул:

— Можно догадаться.

— Вот именно! — Бизнесмен многозначительно поднял палец вверх. — Из-за денег. Даже меня заподозрили в том, что я прикарманил сорок миллионов долларов. — Те самые, что мы везли с тобой из Берли-

на. Хорошо еще, что я сообразил отправить тебя пассажирским рейсом, а то бы всего лишился. Тебя, наверное, тоже допрашивали, почему ты полетел рейсовым?

Александр кивнул и на этот раз.

— Так вот. — Мардухович глубоко затаился и в задумчивости стал неторопливо выпускать струйку густого дыма, словно рассматривая ее и отыскивая в ней ответы на волнующие вопросы. — Таможенники конфисковали у меня все до цента. А теперь я никак не могу найти тех людей, которые вели досмотр и забрали баксы. Этот придурок Корданов в открытую обвиняет меня, и в ассоциации уже косятся. Но все это чушь. Просто кое-кому я стал неугоден, мое кресло потребовалось. — Он снова глубоко затаился и с шумом выпустил дым. — Напрасно стараются. Я им такое устрою, тошно станет. И кто такой этот Корданов? Отставной генерал, которого в свое время выгнали из органов за интрижки. Урок, как говорят, не пошел впрок. Едва Ельцин заболел, он переметнулся. А когда выяснилось, что президент выздоравливает, готов был всех заложить.

— На кого же он теперь ставку делает? — спросил Александр, будто знал подоплеку событий.

— Есть люди. Одного их слова достаточно, чтобы вылезти из грязи в князи или зарыться по уши в грязь. — Он вылил остатки коньяка в рюмки: — За благополучную посадку!

Они допили коньяк. Мардухович, казалось, совсем захмелел, веки набрякли, оставив небольшие щелки, губы отвисли и стали еще толще. Однако нить разговора он не потерял и соображал довольно трезво.

— Ты мне так и не ответил — хочешь перейти ко мне?

— В качестве кого?

— Разумеется, с повышением. Начальником охраны тебя устроит?

— И много у меня будет подчиненных?

— Достаточно, — ушел от прямого ответа Мардухович. — Но должно быть еще больше. Тем, кому вы возили в прошлый раз деньги, надо открыть глаза, назвать им настоящего хозяина, кто их снабжает и кормит. Это мои деньги! И они должны мне служить. Положение в стране не улучшается, надо ждать серьезной заварушки и готовиться к ней заранее. У тебя есть среди легионеров знакомые?

— Найдутся, — ответил Александр, имея в виду своих омовских друзей и сослуживцев, с грустью думая о судьбе человеческой. Вот Мардухович пыжится, строит наполеоновские планы, а того не ведает, что жизнь его висит на волоске. Сработает ли прикрытие, не попадет ли информация к людям Корданова — у того всюду глаза и уши, — тогда пиши пропало.

— Вот и хорошо. С сегодняшнего же дня начнем работу: побываем у твоих дальневосточных коллег, прощупаем, чем они дышат...

Ни с того ни с сего загорелось красное табло "No smoking", и голос стюардессы объявил по радио:

— Внимание, прошу соблюдать спокойствие и поддержку: наш самолет по техническим причинам делает посадку в Новосибирске. Необходимо занять свои места и пристегнуть ремни безопасности.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — с сожалением произнес Мардухович. — Не зря говорят: не загадывай в год, а загадывай в срок.

У Александра же, наоборот, настроение приподнялось: он понял, что это сработали его коллеги. Киллеры должны встречать их в Хабаровске, теперь планы их срываются, Мардуховича скорее всего с рейса снимут... А как в таком случае быть Александру? От бизнесмена он узнал многое, но, разумеется, не все; и главная его задача — окончательно завоевать доверие Корданова, проникнуть в более высокие сферы коммерческо-криминальной структуры. И надо во что бы то ни стало выполнить задание, слетать в Японию. Посмотреть на закордонных компаньонов, понять их намерения и планы в отношении России.

4.

Как только самолет произвел посадку, пассажиров попросили покинуть свои места и ждать дальнейших распоряжений в здании аэровокзала.

Ночь была темная, морозная и ветреная, и люди, ежась от холода, заспешили к светящемуся огнями зданию. Волжин тоже прибавил было шагу, но Мардухович, изрядно захмелевший, с трудом передвигал ноги. Александр хотел взять его под руку, но тот отказался от помощи.

— Доплетусь сам. Пусть ветерок немного мозги продует. А ты поспешай, пока сиверко до костей тебя не пронял.

Александр оглянулся. Позади неспешно следовали за своим хозяином двое телохранителей, одетых в теплые, легкие и удобные для схваток куртки. Похоже, Мардухович хотел с ними переговорить, и Александр прибавил шагу.

Он не ошибся: отойдя немного, увидел, как к боссу подошел один из телохранителей, и Мардухович что-то принялся ему доказывать, бурно жестикулируя.

Волжин не заметил, как рядом с ним пристроился молодой мужчина. Обернулся, лишь когда тот громко произнес:

— Перерегистрируйте билеты на владивостокский рейс. Там вас встретят и отправят в Японию. Боссу объясните, что этот самолет задержится с вылетом надолго.

Александр вошел в зал ожидания и подождал Мардуховича у двери. Телохранители, как и прежде, держались в отдалении.

— Я слышал, что задержка надолго. Есть предложение перекомпостировать билеты на владивостокский рейс, быстрее доберемся.

— А не слышал, что за причина?

— Нет. Скорее всего технические неполадки, самолеты-то старые.

— А я слышал, что пилотам передали с земли, будто бы наш самолет заминирован. Потому и приказали произвести посадку. — Мардухович, тя-желю дыша, вытер пот с жирного подбородка и расстегнул пуговицы пальто: ему стало жарко. Помолчал. — Сейчас выясним что к чему у диспетчера и примем решение...

Через два часа они снова были в воздухе. Мардухович, пока Волжин оформлял билеты, достал еще бутылку коньяка и, едва самолет набрал высоту, налил себе и Александру по рюмке.

— За благополучное приземление.

— У меня и без того в голове туман, — уклонился Александр.

Мардухович осушил свою, пронзительно и с ухмылкой глянул в глаза Волжину. Затем закусил шоколадкой и, не спуская с него прищуренных глаз, спросил:

— Ты знаешь, что у меня в кейсе?

— Догадываюсь, — ответил Александр.

— И знаешь, кому он предназначался?

Александр пожал плечами.

— У меня о своем забота. Вы тоже, надеюсь, догадываетесь, что там.

— И ты знаешь, зачем мы должны были произвести посадку в Хабаровске, — пропустил Мардухович замечание Александра мимо ушей. — Потому ты и предложил пересесть на другой самолет.

Похоже, Мардухович заподозрил что-то... Или ему стала известна истинная причина вынужденной посадки. От кого? От телохранителей? Что они могут знать? Но Мардухович, видимо, догадывается, что его собирались ликвидировать в Хабаровске... А вот кто, не знает и Александр. Не сами ли телохранители? Вполне вероятно, они же подчиненные Корданова...

— Я предложил только потому, чтобы быстрее попасть в Японию, — спокойно произнес Александр, — выполнить поручение и вернуться в Москву. Ко мне приехала невеста.

— А зачем я лечу с тобой в Японию? Ты знаешь, с кем встречаться?

— Знаю. Но насколько мне известно, это ваш партнер. Ваш земляк и друг.

— Вот именно, — грустно констатировал Мардухович. — А зачем-то посылают тебя. А мне, как какому-то курьеру, поручают доставить баксы в школу телохранителей. Не смешно ли?

— Мне — не смешно. Я привык выполнять поручения, независимо от того, нравятся мне это или нет. Так меня приучили еще в армии.

— А если прикажут кого-то убить?

— Такие приказы я выполнял в бою. Чтобы самому остаться живым.

— Ладно, замнем для ясности. — Мардухович наполнил рюмку. — Я тебе верю. К счастью, Корданов набрал в свой отряд не всех себе подобных... Но запомни: сегодня он приказал убить одному, завтра — другому. И если не хочешь стать убийцей — беги от него. У тебя в кейсе миллион баксов, на всю оставшуюся жизнь хватит...

Нет, не зря Мардуховича выбрали президентом фирмы, в логике ему не откажешь: правильно все рассудил и вычислил. В одном ошибся: заподозрил Александра, посчитал, что он может сработать киллером. Но от кого он узнал о кордановском приговоре?

— Он приказал убрать вас одному из ваших телохранителей? — пошел в открытую Александр.

Мардухович промолчал, опустил начинающую лысеть голову, подумал:

— Ты не ответил, принимаешь ли мое предложение. Да, в Японии у меня живет земляк, друг и давний партнер. Дело он найдет нам всем четверым и обеспечит жизнь получше, чем в России, где все непредсказуемо.

— Я вам уже говорил: ко мне приехала невеста.

— Невеста?! — усмехнулся Мардухович. — Сколько их будет еще на твоём пути. Я жену, двоих детей оставляю... В общем, дело твое, уговаривать не собираюсь...

5.

В Москву Волжин возвратился через неделю с контрактом на поставку в Японию пятидесяти тысяч спортивно-тренировочных пистолетов Иж-70-01 по сто пятьдесят долларов за штуку.

Корданов был в восторге. О Мардуховиче он уже кое-что знал: разговаривал с ним по телефону, и тот сказал, что задержится в Японии, чтобы ознакомиться с планом "Мицубиси" по производству автомобилей, что ведет переговоры о покупке акций АЗЛК и переоборудовании его для совместного проекта.

И все-таки Корданов поинтересовался у Александра:

— Не собирается ли Мардухович там навсегда осесть?

Волжин пожал плечами:

— Чужая душа — потемки. Сделку с пистолетами он помог проверить.

— Черт с ним, пусть остается. Будет ловчить, мы и там его достанем.

(Окончание следует)

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

**Роса еще дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил:
трубач полка —
у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.**

**Набата звук,
кинжальный, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Троянов вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!**

Алексей НЕДОГОНОВ

Алексей НЕДОГОНОВ родился в г. Шахты Ростовской области в 1914 году. Отец погиб в гражданскую, и будущий поэт в пятнадцать лет спустился в забой. Работал, учился в горнопромышленном училище, на рабфаке, в Литинституте. На финскую войну попал рядовым бойцом, был тяжело ранен под Выборгом. С сорок первого — военный корреспондент армейской, а затем фронтовой газеты. "За две войны, которые я прошел как солдат и журналист, мне пришлось ступить на землю восьми государств. Много я пережил, видел и слышал", — писал Недогонов в автобиографии. Он о многом намеревался рассказать читателям, но не успел — трагически погиб в расцвете творческих сил, в неполных тридцать четыре года. Его первая книга "Простые люди" вышла уже без него. Посмертно он был удостоен Государственной премии СССР за поэму "Флаг над сельсоветом".

Универсальное объединение

Высококачественное,
с повышенной износостойкостью
обмундирование

для силовых
и охранных структур

Благодарственное Письмо

Командование Краснознаменного
Северо-Кавказского военного округа
выражает благодарность Универсальному
объединению ВУВ за производство
военного обмундирования, пользующегося
заслуженной славой в СКВО и внесшему
значительный вклад в обеспечение
представителей военной формы одежды
личного состава округа.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ
КРАСНОЗНАМЕННОГО СЕВЕРО-
КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

генерал - полковник

Г. ТРОШЕВ

16 июня 2000 года

Россия, 344064, г. Ростов-на-Дону,
ул. Вавилова, 57, тел/факс: (863-2) 77-95-12
Универсальное объединение «ВУВ»

ISSN 0869-6403